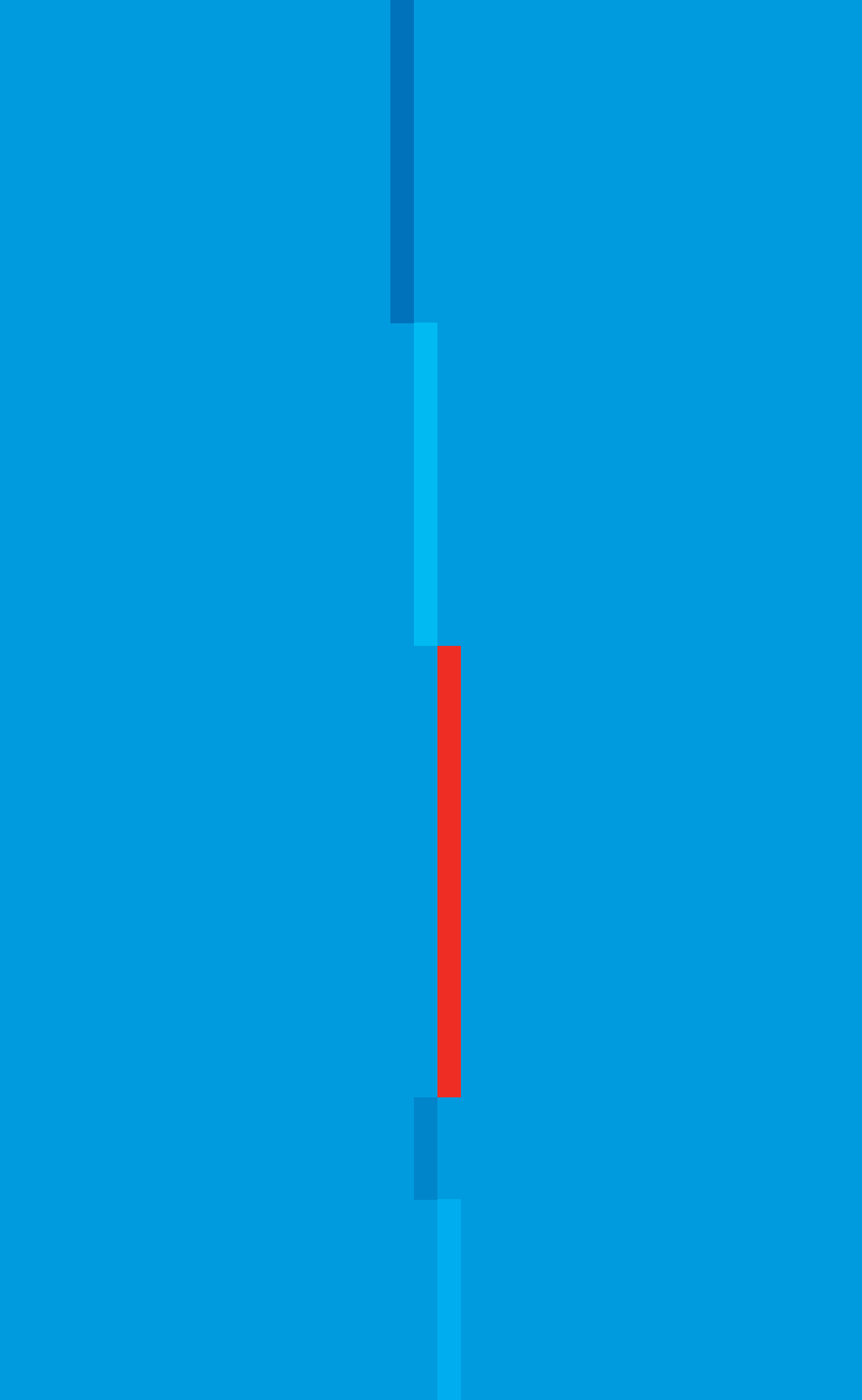
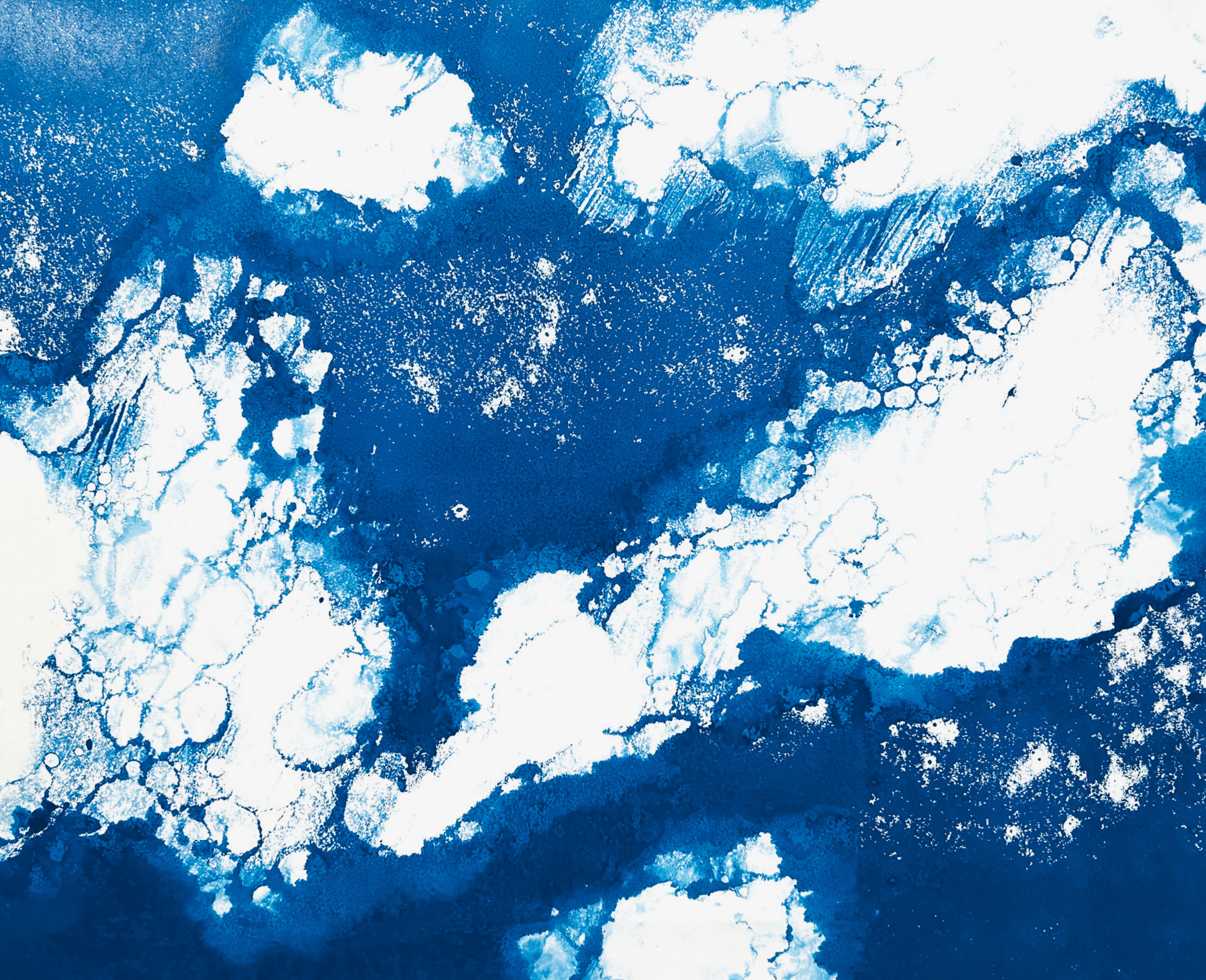
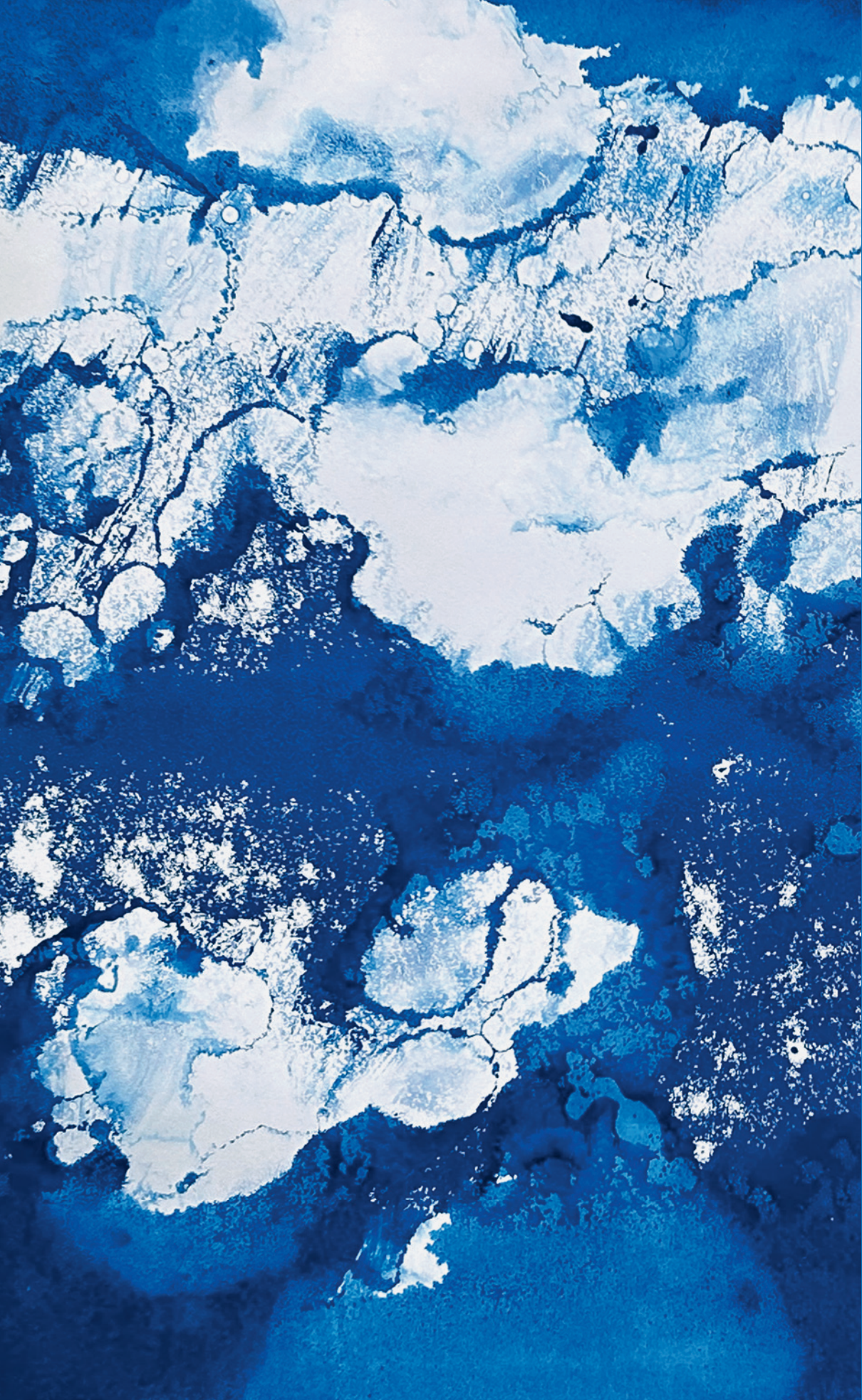

авенисе есинева

XV КРАСНОЯРСКАЯ МУЗЕЙНАЯ БИЕННАЛЕ

21 сентября 2023 —
10 марта 2024

XV KRASNOYARSK MUSEUM BIENNALE

September 21, 2023 —
March 10, 2024

авенисеесинева

aveniseesineva*

* The colour blue is in the Yenisei

КРАСНОЯРСКИЙ
КРАЙ
МИНИСТЕРСТВО
КУЛЬТУРЫ

музейный центр
площадь мира

KRASNOYARSK
KRAY
MINISTRY OF
CULTURE

museum centre
ploshchad mira

Содержание

6	Вызовы синевы
12	Основной проект «А в Енисее синева»
18	Александр Мортаев «Поющие стрелы»
24	Пётр Белый «Мечта»
30	Анастасия Михалёва «Фуга шуги»
34	Дмитрий Рекин «Язык синевы»
38	Анастасия Безвершук «Заливные луга»
46	«Судоходная карта реки Енисея»
50	Владимир Наседкин «Без берегов»
56	Александр Мортаев «Миры»
60	Андрей Исаенков «Триптих w-002»
64	Владимир Марин «Высокая вода»
70	Юра Адомейко «Акнидуд»
76	Василий Кононов-Гредин «Вокализация»
82	Дамир Муратов «Что выносит Енисей»
88	Спецпроект, Сергей Ковалевский, Вадим Марьясов «Лёд тронулся»
98	Гостевой проект «POLART. Полярная арт-резиденция: 2016—2023»
128	Спецпроект, Дмитрий Рекин «По волнам нашей памяти»
136	Спецпроект, Гриша Шаров «Память воды»
142	Параллельная программа «Идущие к реке»
146	Музей красноярского водопровода
156	Остров отдыха
164	Речная галерея
174	1-я Сибирская лаборатория кураторов «Дикие пальмы»
192	V Сибирская лаборатория молодого искусства «Фата-моргана»
232	Коммуникативная программа
236	Круглый стол «Арт-резиденции в музеях Сибири»
242	Валерия Новицкая, репортаж с открытия биеннале
246	О плакате биеннале
248	Команда биеннале

Contents

7	Challenges of the Colour blue
13	The main project AVENISEESINEVA
19	Aleksandr Mortaev «Singing Arrows»
25	Peter Belyi «A Dream»
31	Anastasia Mikhaleva «The Fugue of Floating Ice Sludge»
35	Dmitry Rekin «The Language of The Colour Blue»
39	Anastasia Bezvershuk «Flooded Meadows»
47	Navigable Map of The Yenisei River
51	Vladimir Nasedkin «Without Banks»
57	Aleksandr Mortaev «Worlds»
61	Andrey Isaenkov «Triptych W-002»
65	Vladimir Marin «High Water»
71	Yura Adomeyko «Aknidud»
77	Vasilii Kononov-Gredin «Vocalisation»
83	Damir Muratov «What The Yenisei Carries»
89	Special project, Sergey Kovalevsky, Vadim Maryasov «The Ice Broke Up»
99	Guest project Polar Art Residence: 2016—2023
129	Special project, Dmitry Rekin «On The Waves of Our Memory»
137	Special project, Grisha Sharov «Memory of Water»
143	The parallel programme of the Biennale «Walking to The River»
147	Krasnoyarsk Museum of Water Transportation
157	The Otdykha Island
165	The River Gallery
175	1st Wild Palms Siberian Laboratory of Curators
193	5th Fata Morgana Siberian Laboratory of Young Art
233	Communication programme
236	Roundtable discussion «Art Residences in Museums of Siberia»
242	Valeria Novitskaya, Report from The Opening of Biennale
247	About the Poster of Biennale
249	Biennale team

Обратимость... и есть последняя истина.
Финальная фраза посмертной книги Мерло-Понти

В 2023 году старейшая биеннале в России продолжает одну из своих стратегических линий — концептуализацию сибирского пространства.

Новый этап художественного «освоения Сибири» отличается пристальным вглядыванием в метафорику и метафизику реки Енисей — «вертикальной оси симметрии» России.

Возможно, в этом — существенное отличие от прежних «территориальных» проектов: «Чертёж Сибири» (2007), «Даль» (2009), «Во глубине» (2011), «Любовь пространства» (2013).

И, конечно, здесь и сейчас особо вспоминается «нулевая биеннале» — фестиваль «Новые территории искусства» (1993), которому осенью 2023-го исполнилось ровно 30 лет. В истории Музейного центра «Площадь Мира» — это «учреждающее событие», задавшее масштаб судьбы культуры страны.

Творческая идентика метарегиона

Река Енисей давно фигурирует как вектор самоидентификации Красноярского края. Благо «енисейский меридиан» фактически прямая ось с юга на север, через всю ширину страны. Однако в подлинном самоопределении речь идёт не столько о географии, а сколько о творческой квинтэссенции территории, открывающейся в зазорах между землёй и небом, между здесь и там, между глубиной и далью.

В основу творческого понимания пространства и сообщества может и должна быть положена живая метафора, многозначный образ, свежий смысл. Смыслозависимым существам необходима концептуальная основа территориализации...

Особенно ценно, когда такое зачинающее слово — уникальный палиндром «А в Енисее синева». Этот редкий «тяни-толкай» вывозит проектную интуицию в парадоксальные мыслительные измерения.

Есть в конструкции заглавного перевёртыша удачная пара существительных для диалектического полагания пространственной идентичности: Енисей — символ локальности, синева — метафора глобальности. То есть во глубине регионального «потокowego феномена» скрывается универсальное измерение.

«Авенисеесинева» — заговаривание имиджевой очевидности Енисея, запуск игры остранения территориальной данности, разворачивание-переворачивание географического номинала. Сама магическая формула этой «мантры», сила и правда языка вынуждает мыслить синеву как основу идентичности человека края. И, перефразируя Борхеса с Паскалем, этот край может проходить везде...

Теоретический горизонт проекта

Извечная тяга искусства и музея к открытию соответствий, совпадений и сходств образа и реальности на 15-м биеннальном витке подводит творческую мысль и чувство к вызову «Фундаментального Феномена Обратимости» — парадоксу оборачивания мира на самого себя. Конечно же, не без помощи человека (художника)... Морис Мерло-Понти полагал, что в установлении отношений между внутренним и внешним горизонтами и случается «наша экзистенция в качестве видящих... в качестве существ, которые оборачивают мир на него самого и приходят в мир с другой стороны».

В свою очередь, современная наука уделяет исключительное внимание физике симметрии и фундаментальной обратимости. Существует гипотеза Ферми — Бозе о суперсимметрии, связывающей частицы материи (фермионы) и частицы взаимодействия (бозоны) в природе так, что они могут превращаться друг в друга. Можно сказать, что преобразование суперсимметрии может переводить вещество в излучение и наоборот.

Глубокие концептуальные обертоны звучат и в метафорике реки. Так, экзистенциальный императив «достижения истока множественной интимности мира», постижения «иных начал», по Жан-Люку Нанси, ведёт в глубину показа. А исток — это и поток. В потоковом состоянии тела открывается искомое всеми мыслителями Сообщества

The reversibility ... is the ultimate truth.
The final phrase in the last book by Maurice Merleau-Ponty

In 2023, the oldest biennale in Russia continues one of its strategic trends — the conceptualization of the Siberian land.

The new stage of the artistic “development of Siberia” is distinguished by a close look at the metaphors and metaphysics of the Yenisei River — the “vertical axis of symmetry” of Russia.

Perhaps this is the significant difference from previous “territorial” projects: Drawing of Siberia (2007), Expanse (2009), In the Depths (2011), Love of Space (2013).

Here and now, of course, we especially recall the Zero Biennale — the festival “New Territories of Art” (1993), which celebrated its 30th anniversary in the autumn of 2023. In the history of the Ploschad Mira Museum Centre, which can be translated as Peace Square or World Square, it was the “founding event” that set the scale of the country’s culture destiny.

Creative identity of the meta-region

The Yenisei River has been a vector of self-identification of the Krasnoyarsk Krai for a long time. The “Yenisei Meridian” is a straight axis from south to north, across the entire country. However, the true self-determination is not so much about geography, but about the creative quintessence of the territory that opens up in the gaps between the earth and the sky, between here and there, between depth and distance.

A creative understanding of space and community can and should be based on a living metaphor, a multivalent image, a fresh meaning. Meaning-dependent creatures need a conceptual basis for territorialization...

It is especially valuable when a starter word is the unique palindrome AVENISEESINEVA (The colour blue is in the Yenisei). This rare “push-and-pull” takes the design intuition into paradoxical thought dimensions.

There is a successful pair of nouns in the construction of the title shifter for dialectical assumption of spatial identity: The Yenisei is a symbol of locality, the colour blue is a metaphor of globality. It means that a universal dimension is hidden in the depths of the regional “stream phenomenon”.

The colour blue is in the Yenisei (A V ENISEE SINEVA) is a charm of the Yenisei image obviousness, it is launching of the game of territorial givenness defamiliarization, unfolding and reversal of the geographical nominal. The very magic formula of this “mantra,” the power and truth of the language forces us to think of the colour blue as the basis of the identity of man of the region. And, rephrasing Borges and Pascal, this region can be everywhere...

The theoretical horizon of the project

At the 15th Biennale, the eternal urge of art and museums to discover correspondences, coincidences and similarities between image and reality brings creative thought and feeling to the challenge of the “Fundamental Phenomenon of Reversibility” — the paradox of the world turning on itself. Of course, with the help of man (artist)... Maurice Merleau-Ponty believed that in establishing the relationship between inner and outer horizons “our existences as visionaries, as beings who turn the world on itself and come into the world from the other side” happens.

In turn, modern science pays exceptional attention to the physics of symmetry and fundamental reversibility. There is the Fermi–Bose hypothesis of supersymmetry, linking matter particles (fermions) and interaction particles (bosons) in nature in such a way that they can transform into each other. We can say that supersymmetry transformation can transform matter into radiation and vice versa.

Deep conceptual overtones are also heard in the metaphors of the river. Thus, according to Jean-Luc Nancy, the existential imperative of “reaching the source of the world’s multiple intimacy,” and comprehending “other beginnings” leads to the depth of the demonstration. And the source is also the flow. The flow state of a body reveals the Being Singular Plural sought by all Community thinkers: “What is significant in art and

Единичное множественное: «То, что значимо в искусстве и делает из него искусство (и делает человека художником мира, то есть тем, кто выставляет мир для мира)... это доступ к удалённому истоку, в самом этом отрыве, множественное прикосновение к единичному истоку. <...> Мир — это всегда столько миров, сколько требуется для создания одного мира».

И «человек растворяется в мире», — говорил другой философ Владимир Бибихин...

Валерий Подорога предлагал понимать мир как поток, «на пути движения которого мы застаём наши тела-пороги, и именно они создают завихрения, отклонения, вибрации, которыми мы, в сущности, и воспринимаем мир, более того — по их границам располагаются наши экзистенциальные территории».

А в бытийно-исторической повестке «[енисеесинева](#)», возможно, способна отразить природу времени позднего модерна — того, что Зигмунт Бауман назвал [liquid modernity](#). Эпоха «текучей современности» характерна большой неопределённостью как в индивидуальной, так и в социальной жизни. Это переход от сложного структурированного мира, который обременён различной сетью обязательств, к миру гибкому, текучему, свободному от различных границ...

Видимо, стоит согласиться с Уайтхедом, предвидевшим, что «выяснение смысла высказывания “всё течёт” снова есть одна из главнейших задач» как для естественно-научной, так и для гуманитарной мысли.

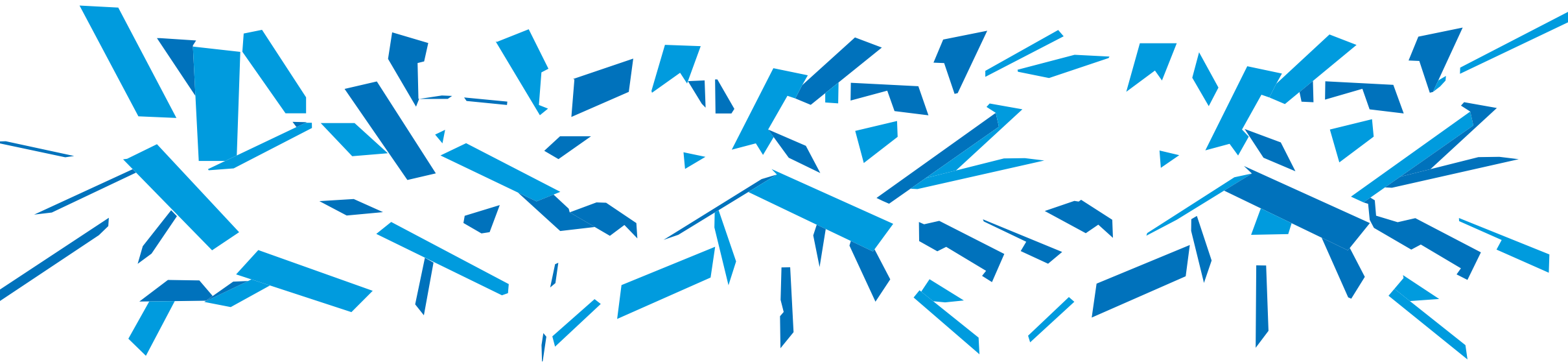
makes it art (and makes one an artist of the world, that is, one who presents the world to the world) ... it is access to a remote source, in its very detachment, a plural touch with a singular source. [...] The world is always as many worlds as it takes to make one world.”

And “man dissolves in the world,” said another philosopher, Vladimir Bibikhin...

Valery Podoroga proposed to perceive the world as a flow, “on the path of whose movement we catch our bodies-thresholds, and it is they that create swirls, deviations, vibrations, by which we, in fact, perceive the world, moreover, our existential territories are located along their borders.”

And in its existential and historical agenda, [AVENISEESINEVA](#) may be able to reflect the nature of the time of late modernity. Zygmunt Bauman called it [liquid modernity](#). The era of liquid modernity is characterised by great uncertainty in both individual and social life. It is a transition from a complex structured world, which is burdened with a diverse network of obligations, to a world that is flexible, fluid, and free of various boundaries...

Perhaps we should agree with Whitehead, who foresaw that “the clarification of the meaning of the statement ‘everything flows’ is again one of the most important tasks” for both natural science and humanitarian thought.

Поэтический горизонт проекта

У искомой «синева» проглядывает завидная поэтика. Так, в расшифровке заглавной загадки нас поддерживают подсказки Бориса Пастернака, восхитительно переложившего мотив грузинского поэта Бараташвили в русский «Цвет небесный, синий цвет». В этой «краске высоты» скрывается «синева иных начал». «В этот голубой раствор / Погружён земной простор»...

А трагическое мирозерцание другого великого поэта XX века — Мандельштама — подключает нашу гидронимию к спасительной темноте и высоте: «Унеси меня в ночь, где течёт Енисей / И сосна до звезды достаёт».

The poetic horizon of the project

The colour blue we are looking for has an enviable poetics. For example, in deciphering the title riddle, we are supported by the clues of Boris Pasternak, who delightfully translated the motif of the Georgian poet Nikoloz Baratashvili into Russian “Blue, the colour of the skies.” In this “colour of my dreams, of elusive starry streams,” lies “the mystery, the pure senses of a child.” “It has flown around the Earth since the moment of her birth...”

And the tragic worldview of another great poet of the 20th century, Osip Mandelstam, connects our hydronymy to the saving darkness and height: “Lead me off in the night where the Yenisei flows, where the pines reach up to the stars.”

(Здесь даже слышится определение свойств искусства по философу Бадью. Слегка перефразируя: **стройность** сосны, **внезапность** ночи и **высота** звезды.)

Зеркальная тавтология воззвания АВЕНИСЕЕСИНЕВА — способ говорения самим языком. В пределе — речь идёт об автопоэтическом рефлексивном замыкании языка на самого себя. В этом «коротком замыкании» искрит энергия поэзии.

Музей текучего мира

Уже 35 лет минималистская герметичность архитектурного объёма Музейного центра гулко резонирует с течением Енисея. Теперь же добавилась и динамическая краска: синими морозными вечерами из-под жёсткого бетонного корсета — нависающего над входом объёма — сочится-изливается художественный свет. Как будто сделался прозрачным пол «Музея революции» — «ядерной» экспозиции, рефлектирующей опыт коммунистической модернизации России... Так «из-под полы» Музея Ленина светится «Площадь Мира». И над всяк сюда входящим плещется «внутренний раствор» — жидкое пространство modernity. Здесь мы подступаем к «енисейскому» «агрегатному» состоянию вещества и текста.

Видимо, сегодня активируется такое фундаментальное свойство музейной платформы, «мироприменения» как «зеркало реки» — сего поверхностными и глубинными напряжениями. Ведь уникальность экспозиционного пространства Музейного центра обеспечивается принципом удвоения и рефлексии. А там, где двоятся пространство, возникает необходимая «разность потенциалов», открывается возможность события чувства и мысли.

Речная метафора важна для стратегии Красноярской биеннале — ведь её музейность — это прежде всего установка на конфигурирование потока времени. А истинное «темпоральное» творчество испытывает не только давление памяти, но и внимает событийному прибытию грядущего.

Сергей Ковалевский,
комиссар биеннале

(Here, we can even hear the definition of the properties of art by philosopher Alain Badiou. We slightly paraphrase it: the **slenderness** of the pine tree, the **suddenness** of the night, and the **height** of the star.)

The mirror tautology of AVENISEESINEVA (The colour blue is in the Yenisei) proclamation is a way of speaking by language itself. At the extreme, we are talking about the autopoietic reflexive short-circuiting of language to itself. The energy of poetry sparks in this “short-circuit.”

The museum of the liquid world

For 35 years, the minimalist tightness of the architectural volume of the Museum Centre has resoundingly resonated with the flow of the Yenisei. Now, a dynamic colour has been added: on frosty blue evenings, artistic light oozes out from under the rigid concrete corset hanging over the entrance. It is as if the floor of the Museum of the Revolution, a “core” exposition reflecting the experience of communist modernisation of Russia, has become transparent... In the same way, Ploschad Mira glows from under the floor of the Vladimir Lenin Museum. And above everyone who enters here, an “internal solution,” the liquid modernity, is splashing. Here, we approach the Yenisei “aggregative” state of substance and text.

Apparently, such a fundamental property of the museum platform and “world application” as the “mirror of the river” with its surface and deep tensions is being activated today. After all, the uniqueness of the exposition space of the Museum Centre is ensured by the principle of doubling and reflection. And where the space is doubled, the “difference of potentials” arises, and the possibility of the event of feelings and thoughts opens up.

The river metaphor is also important for the strategy of the Krasnoyarsk Biennale, because its museumness is, first of all, a setting for configuring the flow of time. And true “temporal” art experiences not only the pressure of memory, but also heeds the eventual arrival of the future.

Sergey Kovalevsky,
Commissioner of the Biennale

«А В ЕНИСЕЕ СИНЕВА»

Художники:

Александр МОРТАЕВ (Красноярск)
Пётр БЕЛЫЙ (Санкт-Петербург)
Анастасия БЕЗВЕРШУК (Красноярск)
Владимир НАСЕДКИН (Москва)
Владимир МАРИН (Калуга)
Юрий АДОМЕЙКО (Красноярск)
Василий КОНОНОВ-ГРЕДИН (Москва)
Дамир МУРАТОВ (Омск)
Андрей ИСАЕНКОВ (Красноярск)
Анастасия МИХАЛЁВА (Красноярск)
Дмитрий РЕКИН (Нижний Новгород)

Куратор: **Сергей Ковалевский**

Партнёры:

Музей-заповедник «Шушенское»
Минусинский музей им. Н.М. Мартянова
Красноярский краевой краеведческий музей
Енисейский музей-заповедник им. А.И. Кытманова
Таймырский краеведческий музей
Музей истории медицины
Музей Норильска

AVENISEESINEVA

(The colour blue is in the Yenisei)

Artists:

Aleksandr MORTAEV (Krasnoyarsk)
Peter BELYI (St. Petersburg)
Anastasia BEZVERSHUK (Krasnoyarsk)
Vladimir NASEDKIN (Moscow)
Vladimir MARIN (Kaluga)
Yuri ADOMEYKO (Krasnoyarsk)
Vasiliy KONONOV-GREDIN (Moscow)
Damir MURATOV (Omsk)
Andrey ISAENKOW (Krasnoyarsk)
Anastasia MIKHALEVA (Krasnoyarsk)
Dmitry REKIN (Nizhny Novgorod)

Curator: **Sergey Kovalevsky**

Partners:

Shushenskoye Museum-Reserve
Minusinsk Regional Museum named after N. Martyanov
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore
Yeniseysk Historical and Architectural Museum-Reserve named after A. Kytmanov
Taymyr Local Lore Museum
Museum of the History of Medicine
Museum of Norilsk

А В ЕНИСЕЕ СИНЕВА

Отталкиваясь от заглавного палиндрома — интригующего словосочетания, которое одинаково читается как с начала, так и с конца, выставка стремится проявить и развернуть интуицию загадочной «обратимой синевы» — рамочного концепта Красноярской биеннале.

Основной механизм поиска «синевы иных начал» — экспедиции художников концептуально-пластического склада мышления на берега большой сибирской реки. Для масштабного подключения разнообразной территории мы заключили альянс с коллегами из Шушенского, Минусинска, Красноярска, Енисейска, Дудинки и Норильска. Таким образом возникла сеть временных арт-резиденций в музеях края. В процессе взаимодействия с музейными сотрудниками и получения непосредственных впечатлений пространства художники сформулировали идеи инсталляций, включающие реальные истории, коллекции и свойства ландшафта локального места.

Кроме того, в ансамбль участников выставки вошли и авторы, которые, оставаясь в мастерской, совершили «внутренние» путешествия в космос енисейского мифа.

Каждый из художников искал визуальные образы «потокowej реальности» в различных эстетиках, выразительных средствах и жанрах. Погружаясь вместе с ними в «пространственный раствор» со-временности, можно ощутить тягу, силу, влечение первовещества и истории...

Развёртывая инсталляции арт-резидентов «Приенисейского края» «на Площади Мира», мы соблюдаем географический принцип движения реки с юга на север. Так из авторских открытий и кураторских рефлексий формируется совокупная средовая композиция «Енисеесиневы». Здесь и подземное свечение истоков, и подводное русалочье марево, и вечер в затопленном городке, и корабельные доки, и Ледовитый океан, и ночное сияние полярного дня...

Фактически индивидуальные линии движения «голубой материи» собираются в многомерную экспозицию-карту притоков, протоков и заводей смысла.

Сергей Ковалевский

Starting from the title palindrome, an intriguing word combination that can be read from the beginning and from the end, the exhibition seeks to manifest and reveal the intuition of the mysterious “reversible colour blue”, the framework concept of the Krasnoyarsk Biennale.

The main mechanism of searching for the “blue, which mystery beguiled the pure senses of a child” is the expeditions of artists of conceptual and plastic thinking to the shores of the large Siberian River. In order to cover the diverse territory, we formed an alliance with colleagues from Shushenskoye, Minusinsk, Krasnoyarsk, Yeniseysk, Dudinka, and Norilsk. Thus, a network of temporary artist residencies emerged in the museums of the region. In the process of interacting with museum staff and getting first-hand impressions of the place, the artists came up with ideas for installations incorporating real stories, collections, and landscape features of the localities.

In addition, the ensemble of the exhibition participants also included artists who, while remaining in workshop, made “inner” journeys into the space of the Yenisei myth.

Each of the artists searched for visual images of “streaming reality” in different aesthetics, expressive means, and genres. Immersing together with them in the “spatial solution” of modernity, one can feel the draft, the power, the attraction of *prima materia* and history...

Assembling the installations of the art residents of the Yenisei Krai at the Ploschad Mira Museum Centre, we follow the geographical principle of the river’s movement from south to north. This is how artists’ discoveries and curator’s reflections form the cumulative environmental composition AVENISEESINEVA (The colour blue is in the Yenisei). There is the underground glow of sources, the underwater mermaid’s haze, one evening in a flooded town, ship docks, the Arctic Ocean, and the night glow of a polar day...

In fact, the individual lines of “blue matter” motion are gathered into a multidimensional map exposition of tributaries, creeks, and pools of meaning.

Sergey Kovalevsky

основной проект
XV Красноярской Музейной Биеннале

А В ЕНИСЕЕ

Кураторы:
Николай Александров (Красноярск)
Александр Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)

СИНЕВА

Кураторы:
Николай Александров (Красноярск)
Александр Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)
Николай Александров (Красноярск)

Александр Мортаев ПОЮЩИЕ СТРЕЛЫ

Графика и лайтбоксы

Окружённая отрогами Саянских гор и степными пространствами Тыва — уникальный регион Центральной Азии, до сих пор сохранивший не только богатый природный ландшафт, но и глубокие культурные корни. Традиционная культура коренных народов Сибири является одним из источников самоидентичности, точкой входа в пространство современного мира.

Цель арт-экспедиции в Урянхайский край — визуальное исследование культурного кода земли, где начинается Енисей. Художник сознательно уходит от приёмов этнографической описательности, сосредотачиваясь на внутренних мотивах традиционных духовно-эстетических программ и выявляя пластические созвучия в складках гор, облаков, одежды, лиц. При этом все физические объекты на рисунках погружены в раствор небесной синевы, всё пронизано метафизическим светом тенгрианского «вечного синего неба». Подчёркивая силу регистрируемого художественной «аппаратурой» излучения, автор выделяет в качестве экспоната саму абстракцию свето-цвета, включая в раму лайтбокса дематериализованную краску. Таким образом, в линейном пространстве инсталляции делаются зримыми трансцендентные переходы между белым и чёрным, между прошлым и настоящим, между посю- и потусторонним, между вертикалью и горизонтом.

Метафора «поющие стрелы» в названии проекта отсылает к связи времён, поколений, традиции и современности. Стрела в культуре народов Саяно-Алтая — это и оружие, и символ власти и силы, кроме того, это сакральный атрибут, который используют шаманы в своих обрядах, осуществляя переход между средним и верхним мирами. В прошлом на стенах домов могли висеть стрелы, украшенные цветными лентами, в качестве оберегов.

Aleksandr Mortaev SINGING ARROWS

Graphics and light boxes

Surrounded by the spurs of the Sayan Mountains and steppes, Tyva is a unique region of Central Asia that has preserved not only its rich natural landscape but also cultural background. The traditional culture of the indigenous peoples of Siberia is one of the sources of self-identity, a point of entry into the space of the modern world.

The goal of the art expedition to the Uryankhai region is a visual exploration of the cultural code of the land where the Yenisei begins. The artist consciously distances from the methods of ethnographic descriptiveness, focuses on the inner motifs of traditional spiritual and aesthetic programmes, and reveals plastic consonances in the folds of mountains, clouds, clothes, and faces. At the same time, all physical objects in the pictures are immersed in a solution of celestial colour blue, everything is permeated with the metaphysical light of the Tengrian “eternal blue sky.” Emphasising the power of the radiation measured by the art “equipment,” the artist singles out the abstraction of light and colour itself as an exhibit, including dematerialised paint in the lightbox frame. Thus, transcendental transitions between white and black, between past and present, between this- and other-worldly, between vertical and horizon are visible in the linear space of the installation.

The metaphor of “singing arrows” in the name of the project refers to the link of times, generations, traditions, and modernity. An arrow in the culture of Altai-Sayan peoples is both a weapon and a symbol of power and strength, besides, it is a sacral attribute used by shamans in their rituals, making transition between the middle and upper worlds. In the past, arrows decorated with coloured ribbons could be hung on the walls of houses as amulets.

В пространстве галереи свет бьёт отовсюду и по-разному. Синева переливается через пол с одной стороны на другую. Кажется, Александр Мортаев открыл три формы сияния: выпуклые квадраты излучают абстрактно-трансцендентный цвет космоса, из подполья высвечиваются-вырастают трёхмерные структуры, а графический фриз поддерживает общий минимализм культурно-историческими проблесками белых пятен.

Хурал в иллюминаторах: делегаты прошлого смотрят из космоса в круглые окна. Изображения гор, лиц, одежды — белым карандашом по голубому полю — выглядят как облачные складки в синеве. Всё это — следы неба. Видимо, из этого же воздушного материала художник делает оперение для стрел времени.

При этом «голубой раствор» в настенных «чашечках Петри» ещё и питательный, он зарождает живую форму — прошлого или будущего.

И парадоксальный факт — под нами (в окнах в полу) синева небес, бьющая из земли. Это особый вид — «земное» небо. В раскопах даже виднеются звёзды...

Из световых колодцев поднимаются разнокалиберные коляски, выторгованные у повседневности. Эти каркасные фигуры вполне архаичны, выглядят в рентгеновском свете искусства скелетами древних колесниц. В них сосредоточена память пути в темноте.

И **скелеты синевы** слегка **эйдетичны**. Они как бы эманатируют из идеальной субстанции в вещественный мир.

То ли из-за углублённого внимания к тенгрианским корням, то ли из-за аскетичного минимализма графики инсталляция Мортаева — наиболее трансцендентальная работа биеннале. Вдобавок пунктир световых колодцев буквально длит, подхватывает зачин свето-синего подпольного ручья «Сна» из входной «Панорамы Воскресенья...». Тут срабатывает таинственная логика Музея, побуждающая по-мандельштамовски **«вечные сны**, как образчики крови, переливать из стакана в стакан». Поэтому визуализация истока Енисея рифмуется с философским подтекстом истока бытия и начал мира.

И наше путешествие по «реке времени» не без оснований вступает в резонанс с модельным текстом «Божественной комедии», где **«Чистилище»... начинается с пейзажа неба... Первая синева, которую видит выходящий на свет Божий Данте, напоминает... пастернаковскую синеву», — пишет Ольга Седакова (Перевести Данте).**

И что ж, слово из песни не выкинешь: после настраивающей и формирующей темноты «Воскресения на площади» мы входим в Тёмную галерею, «чистилище синевы», в роли «воскресших». **«Мы снова здесь, на земле, — но мы здесь по-другому. <...> ...Мы не то что понимаем, а кожей чувствуем, что «простая жизнь», «земная жизнь»... не ежедневный (насушный) хлеб, а ежедневная (насушная) манна с небес, чудо и чистый дар. Всё это — зрение, слух, свобода движения — было у нас и прежде, но теперь оно пришло другим: воскресшим» (ibid).**

Получается, на графических листах отпечатались «манна». Ею — тоже «краской высоты» — прорисованы земные формы.

«Итак, возвращение к жизни начинается с видимого неба. И получается, что **первое дело «земной жизни», «нашей жизни» — видеть небо**. И потому, что оно прекрасно, и каждый его цвет — одновременно свет; и потому, что оно высоко, а высокая даль всего необходимо... и потому, что оно — образ благородства души, и в законах его движения записаны какие-то важнейшие **начала жизни**, и физической, и духовной» (ibid).

А «поющие стрелы» в итоге запели... голосами птиц виртуального Норильска, залетающими из другого зала. (Ритурнель так ритурнель. Севери Юг соединились в кольцо.)

Сергей Ковалевский

In the gallery space, harsh light shines from everywhere and in different ways. The blue shimmers across the floor from one side to the other. Aleksandr Mortaev seems to have discovered three forms of radiance: convex squares emit the abstract and transcendental colour of space, three-dimensional structures develop and shine out of the underground, and the graphic frieze supports the general minimalism with cultural and historical glimpses of white spots.

Khural in portholes: delegates of the past look through round windows out of space. Images of mountains, faces, clothes, made with white pencil over a blue field, look like cloud curves in the blue.. All these are traces of the sky. Apparently, the artist makes plumage for the arrows of time from the same airy material.

At the same time, the “blue solution” in the “petri dishes” on walls is also nourishing, it gives birth to a living form — past or future.

The paradoxical fact is that beneath us (in the floor windows) the colour blue of the sky shines out of the earth. It is a special kind — the “earthy” sky. We can even see stars in the excavations...

From the light pipes, various carriages rise, they are bargained from everyday life. These figures are quite archaic, looking like skeletons of ancient chariots in the X-ray light of art. They centre the memory of a journey in the dark.

And the **skeletons of the colour blue** are slightly **eidetic**. They seem to emanate from the ideal substance into the material world.

Whether because of the in-depth attention to Tengrian roots or because of the ascetic minimalism of the graphics, Mortaev’s installation is the most transcendental work of the Biennale. In addition, the punctuation of light pipes literally lasts, picks up the beginning of the light-blue underground stream *Dream* from the entrance *Panorama of Sunday*. This is where the mysterious logic of the Museum comes into play, prompting to **“pour eternal dreams**, like blood samples, from glass to glass” like Osip Mandelstam. Therefore, the visualisation of the source of the Yenisei rhymes with the philosophical connotation of the source of existence and the beginnings of the world.

And our journey along the “river of time” not without reason resonates with the model text of *The Divine Comedy*, where **“Purgatory... begins with the scenery of the sky... The first blueness that Dante sees as he emerges into the light of God resembles... the colour blue of Pasternak,” Olga Sedakova writes (Translate Dante).**

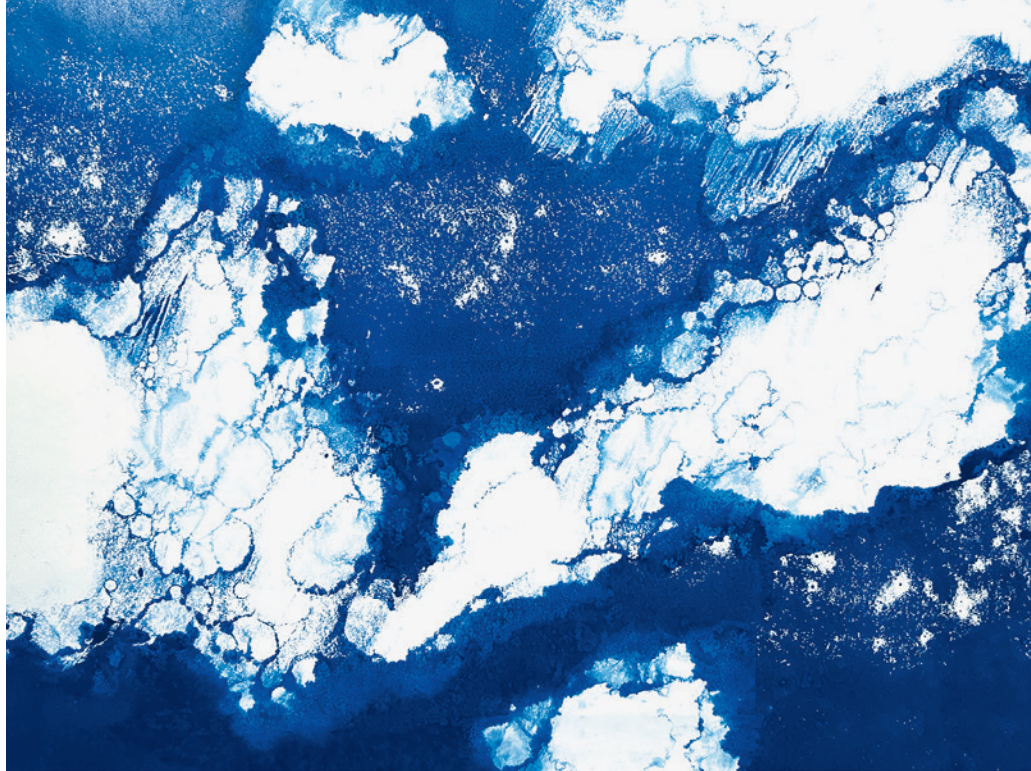
And well, you cannot throw words out of a song: after the setting and forming darkness of *Sunday on the Square*, we enter the Dark Gallery, the **“purgatory of the colour blue,”** as “the resurrected.” **“We are here on earth again, but we are here differently. [...] We not only understand but feel with our skin that ‘simple life,’ ‘earthly life’ ... is not daily bread, but daily manna from heaven, a miracle and a pure gift. All this — sight, hearing, and freedom of movement — we had before, but now it came in another way: resurrected.” (ibid)**

It turns out that “manna” was imprinted on the graphic sheets. Earthly forms are drawn with it, with the “colour of elusive starry streams.”

“So, the return to life begins with the visible sky. And it turns out that the first thing of ‘earthly life,’ ‘our life,’ is to see the sky. Because it is beautiful, and its every colour is the light at the same time; because it is high, and the high distance is most necessary ... and because it is the image of a noble soul, and some of the most important beginnings of life, both physical and spiritual, are written in the laws of its movement.” (ibid)

The “singing arrows” ended up singing... with the voices of birds of virtual Norilsk flying in from another hall. (Ritornello it is. North and South joined in a circle.)

Sergey Kovalevsky

Пётр Белый
МЕЧТА

Инсталляция

Этот проект возник в результате путешествия автора в Шушенское с его уникальным заповедником, возникшим на месте ссылки Ленина. Брутальная инсталляция встаёт в бесконечный ряд произведений художников, изображавших бурное море, — от Хокусая до Айвазовского. Излюбленный мотив романтического искусства в данном случае построен на совмещении полярных эстетик. Идея онтологической свободы ветра и воды вступает в парадоксальный союз с символом ограничения — забором. Нарушение строгой геометрии железного листа, бунтующее против собственной природы, рассказывает о конфликте, с одной стороны, уничтожающем, с другой — дающем надежду на обновление. Знаком этой надежды становится внезапно возникающее море и небо. Деконструкция классического романтического пейзажа с превращением его в ряд отдельных элементов, расползшихся по залу, сохраняет общий синий цвет как первоисточник бытия. Поэтизация катастрофы, романтический взгляд на революцию, свойственный идеалистам-революционерам, море чернил, истраченных Лениным, вызвали бурю. Был ли Ленин романтиком, верящим в утопию, которая впоследствии стала реальностью, превратившись в море крови? Огромные чернильные монотипии и плывущие по ним полуоблаками-полуайсбергами, — застывший взгляд каменных глаз, устремлённый в несостоявшееся будущее. Забор-океан — театр абсурда, возникший в результате нескончаемого эксперимента, несостоявшаяся, но заветная мечта о свободе.

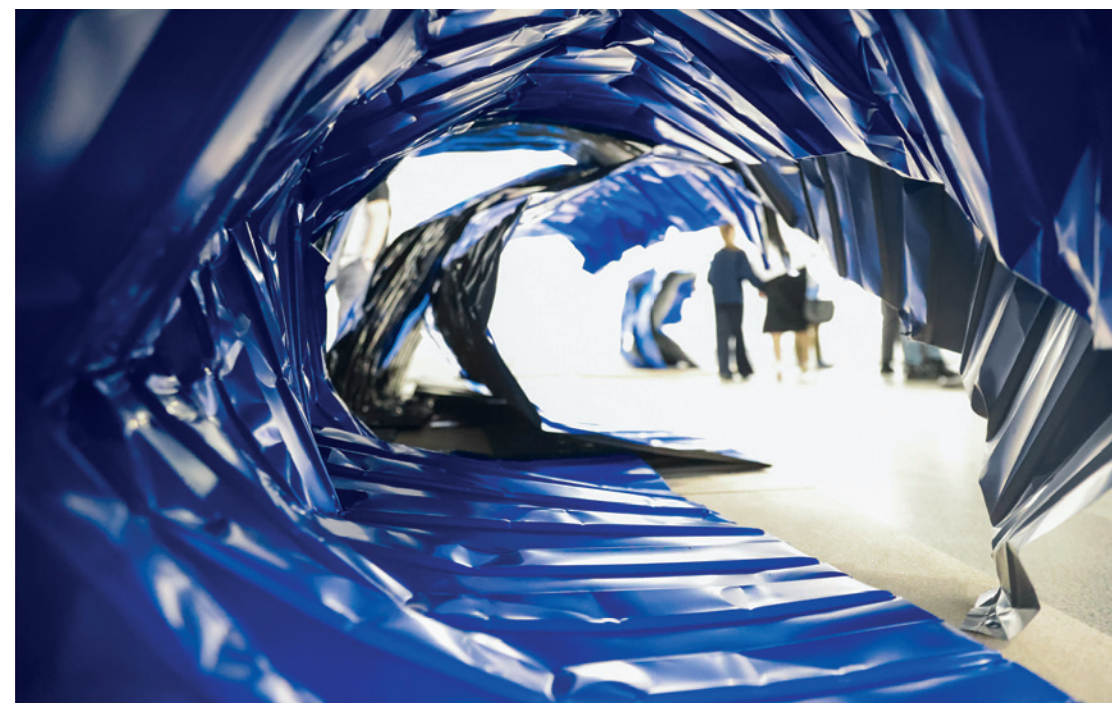
Художественная экспедиция осуществлена при поддержке Музея-заповедника «Шушенское».

Peter Belyi
A DREAM

Installation

This project arose as a result of the artist's trip to Shushenskoye with its unique reserve, which emerged at the site of Lenin's exile. The brutal installation stands in an endless series of works by artists who depicted stormy seas, from Hokusai to Aivazovsky. The favourite motif of romantic art in this case is built on the juxtaposition of polar aesthetics. The idea of ontological freedom of wind and water enters into a paradoxical alliance with the symbol of limitation — the fence. The violation of the strict geometry of the iron sheet, rebelling against its own nature, tells of a conflict that, on the one hand, destroys, and on the other hand, gives hope for renewal. A sign of this hope is the suddenly appearing sea and sky. The deconstruction of a classical romantic landscape, with its transformation into a series of separate elements sprawled across the hall, preserves the overall blue colour as the primary source of being. The poeticization of the catastrophe, the romantic view of the revolution characteristic of idealist revolutionaries, and the sea of ink used by Lenin caused a storm. Was Lenin a romantic who believed in a utopia that later became a reality, turning into the sea of blood? Huge ink monotypes with half-clouds, half-icebergs floating on them — the frozen gaze of stone eyes staring into a failed future. The ocean fence is a theatre of the absurd that arose as a result of an endless experiment, a failed but cherished dream of freedom.

The artistic expedition was carried out with the support of the Shushenskoye Museum-Reserve.

Пётр Белый по-своему двигается в эйдетическом направлении. Художник **выколачивает** из забора **идею**. Выбивание **эссенции мечты**, потенциальной энергии свободы и открытости горизонта приводит к выколотке волны. Процесс изготовления «хокусаевских» гребней описывается выражением «море волнуется раз», «море волнуется два»... три... четыре. Техника «бить-колотить» сопровождается страшным грохотом.

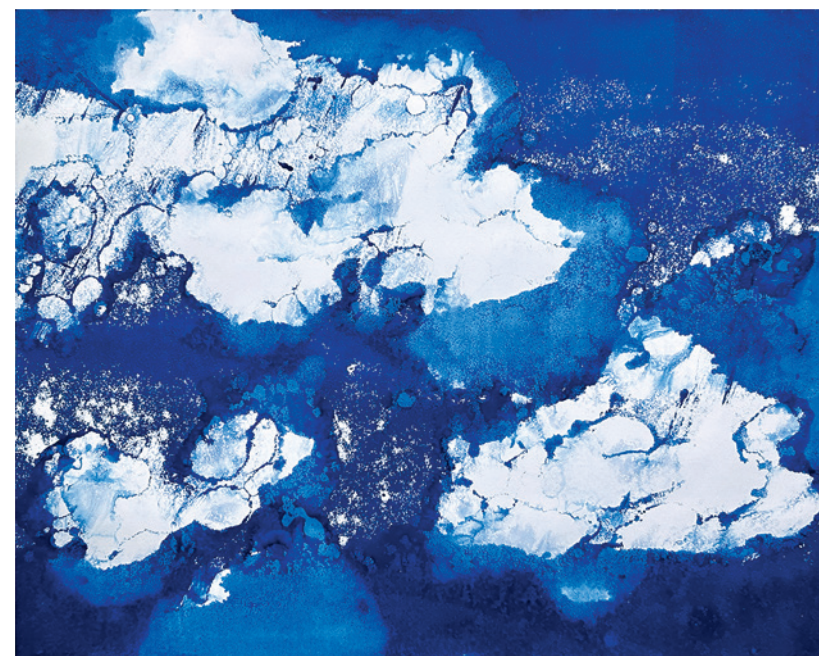
После показа Петром фотографии панно-выколотки в Шушенском автовокзале проявилась совершенно произвольная и свежая аналогия. Поскольку советские оформители поместили канонический профиль вождя на длинную складчатую горизонтальную полосу, возникает мысль, что наш концептуальный скульптор всё-таки внёс что-то, связанное с «гением места»: художник поймал и революционную волну. Может быть, так выглядит ленинская мысль, ограниченная внутренними заборами классовой борьбы? Однако здесь хочется довериться Хайдеггеру: **«Настоящий революционер не приносит новое, не сохраняет старое, он пробуждает первоначальное».**

Ещё неожиданный эффект скульптуры: в ней определённо звучит изгиб ребристой плотины Саяно-Шушенской ГЭС.

Есть в форме длинной волны и абрис кита. В соседстве с графическими силуэтами Рекина раскрывается «тема кашалотов»...

«Ну раз море, так и небо», — говорит художник и развивает в пространстве форму маринистической картины. Трёхмерную пластику волнующегося моря поддерживают гигантские монотипии с облаками, которые динамично разлетаются в белизне стен. При движении зрителя в инсталляции между двумя объёмами и пятью листами всё время возникают пейзажные связи. Таким образом происходит осязаемое «раздвигание и опространствование», в котором сегодня и случается бытие.

Сергей Ковалевский

The idea of the border

Hokusai is in the Yenisei

Peter Belyi, in his own way, moves in the eidetic direction. The artist **carves the idea** out of the fence. Knocking out the **essence of the dream**, the potential energy of freedom and openness of the horizon leads to the gouging of the wave. The process of making Hokusai-like crests of waves is described by the expression “the sea runs high”. The “beat-pound” technique is accompanied by a terrible rumble.

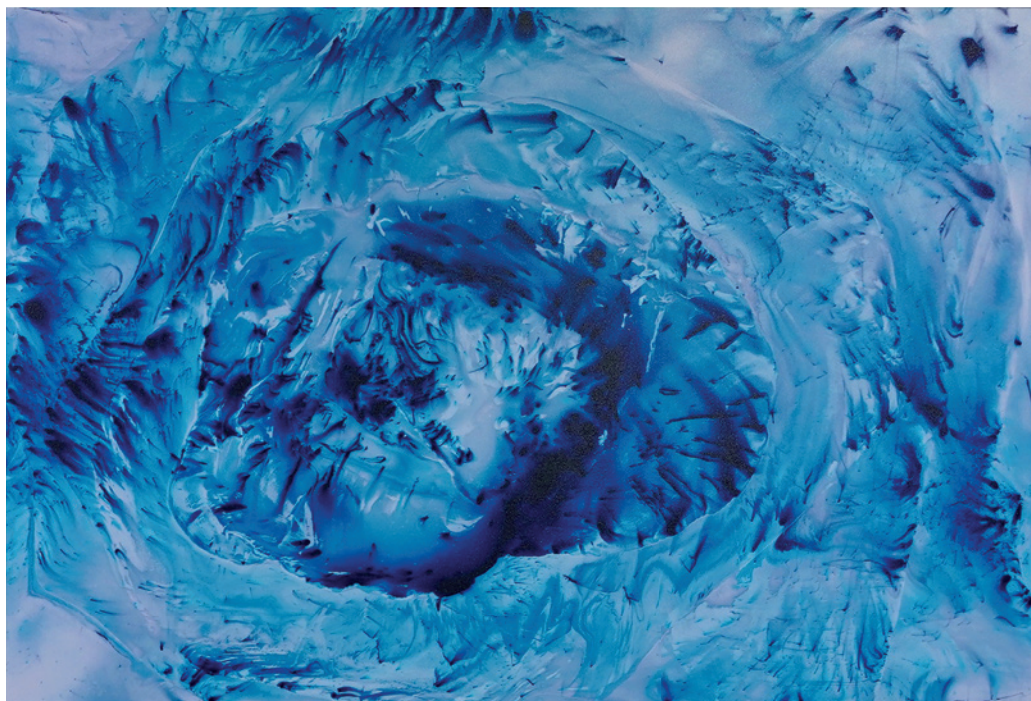
After Peter showed me a photograph of the punched panel at the Shushenskoye bus station, a completely involuntary and fresh analogy emerged. Since the Soviet designers placed the canonical profile of the leader on a long folded horizontal strip, the idea arises that our conceptual sculptor nevertheless contributed something related to the genius loci: the artist also caught the revolutionary wave. Maybe this is what Lenin’s thought looks like, limited by the internal fences of the class struggle? However, here I would like to trust Heidegger: **“A true revolutionary does not bring in the new, nor does he preserve the old, he awakens the original.”**

Another unexpected effect of the sculpture: the curve of the ribbed dam of the Sayano-Shushenskaya hydroelectric power plant definitely sounds in it.

There is also an outline of a whale in the form of a long wave. Next to Rekin’s graphic silhouettes, the “theme of sperm whales” is revealed...

“Well, as is the sea, so is the sky,” says the artist and develops the form of a marine painting in space. The three-dimensional plasticity of the rippling sea is supported by giant monotypes with clouds that dynamically scatter in the whiteness of the walls. As the viewer moves through the installation, landscape connections between the two volumes and the five sheets are constantly emerging. In this way, there is a tangible “expansion and spatialisation” in which being happens today.

Sergey Kovalevsky

Anastasia Mikhaleva

THE FUGUE OF FLOATING ICE SLUDGE

Photo printing, plastic

The artist melts ice on paper and with the help of pigment gets unusual prints. In the exhibition, they are presented as scanograms that allow us to scale up three to five times. Enhancing shadows and contrast during processing makes it possible to see what is not visible to the naked eye in the original image.

The aggregative states of water — its unpredictability and variability — became a real inspiration for the creation of the presented works.

The visual work is based on the repetition of ice bodies, and each body has its own individual voice. As in the musical form of fugue, based on the sequential repetition of one theme in several voices. This elongated composition forms an ice mass and resembles chunks of ice floating down a river.

The Fugue of Floating Ice Sludge is an image of the natural rustling of the river before freezing over.

Анастасия Михалёва

ФУГА ШУГИ

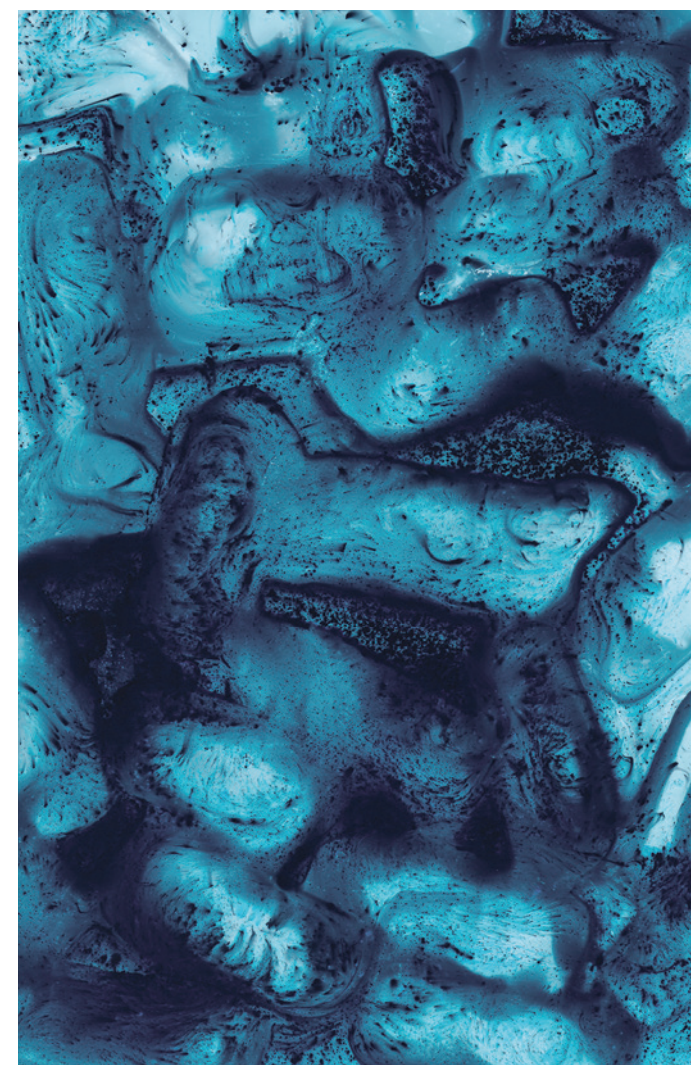
Фотопечать, пластик

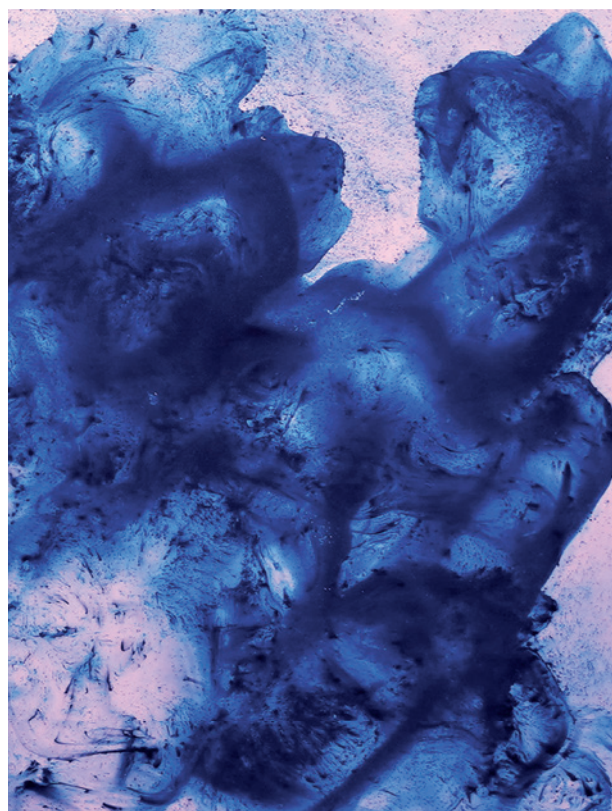
Автор топил лёд на бумаге и с помощью пигмента получает необычные отпечатки. В экспозиции они представлены сканограммами, позволяющими в три-пять раз увеличить масштаб. Усиление теней и контраста при обработке даёт возможность увидеть то, что не видно невооружённым глазом на исходном изображении.

Агрегатные состояния воды — её непредсказуемость и изменчивость — стали настоящим вдохновением для создания представленных работ.

Визуальное произведение строится на повторении ледяных тел, и у каждого тельца свой индивидуальный голос. Как в музыкальной форме фуги, основанной на последовательном повторении одной темы несколькими голосами. Такая вытянутая композиция образует ледяную массу и напоминает шугу, бегущую по реке.

«Фуга шуги» — это изображение природного шороха реки перед ледоставом.

Дмитрий Рекин
ЯЗЫК СИНЕВЫ

Типографическая композиция
Плёнка, плоттерная резка

Графическое переложение стихотворения Николоза Бараташвили в переводе Бориса Пастернака:

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеvu иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоённый синевою.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружён земной простор.

Это лёгкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый зимний дым
Мглы над именем моим.

1841–1938

Dmitry Rekin
**THE LANGUAGE OF
THE COLOUR BLUE**

Typographic composition
Film, plotter cutting

Graphic arrangement of Nikoloz Baratashvili's poem translated into Russian by Boris Pasternak. Here is the English version of Pasternak's translation by Olga Dumer:

Blue, the colour of the skies,
Was the first I recognised
Blue, its mystery beguiled
The pure senses of a child.

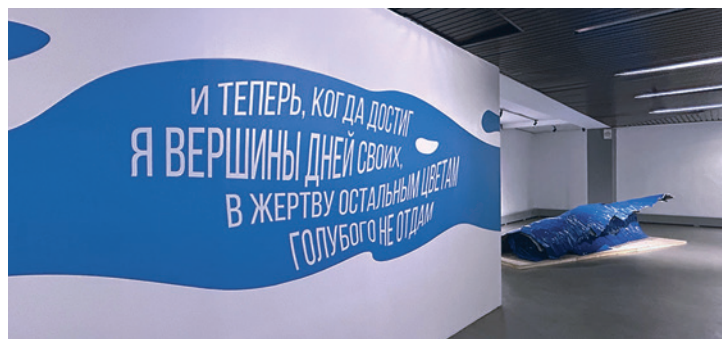
Even now, when I am close
To my infinite repose,
When my final debts are due,
My devotion is to blue.

Blue — I see a magic spell
In your eyes — those two blue-
bells;
Their depth is a delight
Like the azure of the tide.

It's the colour of my dreams,
Of elusive starry streams,
It has flown around the Earth
Since the moment of her birth.

And my soul will be immersed
In the cyan universe.
When they say the last farewell
To my mundane mortal shell.

Snowflakes fall from hazy skies
Turning into thin blue ice;
It will make a glossy frame
On the tomb around my name.

Речь реки

А в Енисее переход

Графическое переложение стихотворения на «витражные» стены музея вводит в экспозиционный оборот поэтический текст, ставший камертоном для настройки проектного воображения биеннале.

С помощью текучих слов сквозь «слепые окна» внутрь музея как бы проецируется внешний Енисей, превращаясь в вербальную панораму «раствороземного пространства». Язык реки — это рябь на воде, солнечные блики, белые буруны порогов.

Живая форма дышит и пульсирует по кругу, порой она улыбается, иногда проливает слёзы. И показывает язык. В совокупной экспозиции биеннале набирается целый ряд видов языков ени-синевы. Есть и плавные извивы, и прямые сетки, и динамика деконструкции...

Графика Рекина визуализирует речную речь в четырёх промежутках, «зазорах» между залами с «территориальными» инсталляциями. «**Растворив пространство переходов**, мы преодолеваем разрывы, задаём тон и масштаб синевы, обеспечиваем непрерывность движения материи на первом этаже. Как в картографическом монтаже 13 лощей Родевича. В них и поэтографии есть некоторое сходство. Получается, что слова Пастернака здесь складываются в **четырёхстопно-пятиверстную** карту — средство навигации по **прячущейся в тумане местности**, «когда в ней не видать ни зги».

Сергей Ковалевский

The speech of the river

The transition is in the Yenisei

The graphic arrangement of the poem onto the “stained glass” walls of the museum introduces the poetic text into the exhibition, which has become a tuning fork for the project imagination of the Biennale.

With the help of fluidal words, the external Yenisei is projected into the museum through the “blind windows,” turning into a verbal panorama of the “solution of the earth’s expanse.” The language of the river is the ripples on the water, the glare of the sun, the white breakers of the rapids.

The living form breathes and pulsates in a circle, sometimes it smiles, sometimes it sheds tears. And sticks out its tongue. The total exhibition of the Biennale includes a whole range of Yeni-blue tongues. There are smooth windings, straight grids, and the dynamics of deconstruction...

Rekin’s graphics visualise the river speech in four spaces, “gaps” between halls with “territorial” installations. By **“dissolving the spaciousness” of transitions**, we overcome the interruptions, set the tone and scale of the colour blue, and ensure the continuity of the movement of matter on the first floor. As in the cartographic assembly of Rodevich’s 13 sailing directions. There are some similarities between them and poetography. It turns out that Pasternak’s words here form a tetrameter-pentameter map — a means of navigation through an area hidden in fog, “when you cannot see a thing in it.”

Sergey Kovalevsky

Анастасия Безвершук

ЗАЛИВНЫЕ ЛУГА

Инсталляция

Ткань, цианотипия

Заливные луга — это район в черте города Минусинска (когда-то Тагарский остров). Он находится в низине, и поэтому регулярно заливался водой протоки Енисея.

На этом редком с точки зрения ландшафта и лесопарковой зоны месте в 1909 году был создан «Сад Бедро». Его основал политический ссыльный Иван Прохорович Бедро. «Я сделаю Сибирь райским садом» — такая была у революционера мечта. В опытном саду, несмотря на погодные условия, успешно проходила селекция, акклиматизация и вегетативная гибридизация яблонь, груш, вишни, ранеток, абрикосов, лип и других деревьев. Сегодня на месте, где был «Сад Бедро», планируют создать сквер для горожан.

«-56 °C и западный ветер», — сделал зимой в саду заметку в дневнике сын Ивана Бедро Алексей. В условиях резко континентального климата и весенних паводков существовал не только опытный сад, но и опытное поле, где успешно собирали урожай арбузов, дынь, тыкв, помидоров и других культур. Затем огромные плоты с бахчевыми отправляли выше по Енисею.

На плотках по реке переправляли не только арбузы, но и домашний скот на выпас. Скотоводство тысячелетиями было основной деятельностью человека по берегам Енисея на острове Тагарский. Различные металлические фигурки с изображением коня по сей день здесь находят археологи.

В водах Енисея обитало много рыб, царствовали осетры и стерляди. Это способствовало активному рыболовству. Но был случай, когда в 1887 году в рыбные сети попали вовсе не рыбы, а мыши, которые пытались переплыть Енисей и потонули. Мыши съели всю растительность, все корни, в почве образовались пустоты, в которые проваливались конные повозки. Кроме мышей и крыс, нашествие которых происходило из-за наводнений и землетрясений, случались налёты летучих мышей, о которых писали в газетах: просили горожан быть гостеприимными и не выгонять их до осени, «пока они сами не покинут амбары».

Печать на ткани в технике цианотипия создаёт эффект течения времени, и все сюжеты продолжают существовать, находясь под водой, словно Атлантида. Всё перемешалось в витальном потоке: силуэты местных растений, цветущих садов, плавающих арбузов, редких рыб, животных, людей и архитектуры. Большая синяя материя словно укрывает место многослойной истории, где человек, вопреки обстоятельствам, создавал Райский сад.

Материалы для исследования предоставлены Минусинским краеведческим музеем.

Anastasia Bezvershuk

FLOODED MEADOWS

Installation

Fabric, cyanotype

Flooded Meadows is an area within the city of Minusinsk (once Tagarsky Island). It is located in a lowland, and therefore was regularly flooded with water of the Yenisei channel.

On this rare place in terms of landscape and forest park area, the Bedro Garden was created in 1909. It was founded by the political exile Ivan Prokhorovich Bedro. “I will make Siberia a Garden of Eden” — this was the revolutionary’s dream. In the experimental garden, despite the weather conditions, selection, acclimatisation, and vegetative hybridisation of various apple trees, pears, cherries, apricots, lindens, and other trees were successfully carried out. Today, on the place where the Bedro Garden was, they plan to create a public garden for citizens.

“-56 °C and a western wind,” Ivan Bedro’s son Alexey wrote in his diary in the garden in winter. In conditions of sharply continental climate and spring floods, there was not only an experimental garden, but also an experimental field where they successfully harvested watermelons, melons, pumpkins, tomatoes, and other crops. Then, huge rafts with melons were sent up the Yenisei.

Not only watermelons, but also livestock were transported along the river on rafts for grazing. Cattle breeding was the main human activity along the banks of the Yenisei on Tagarsky Island for thousands of years. Today, archaeologists still find here various metal figurines depicting a horse.

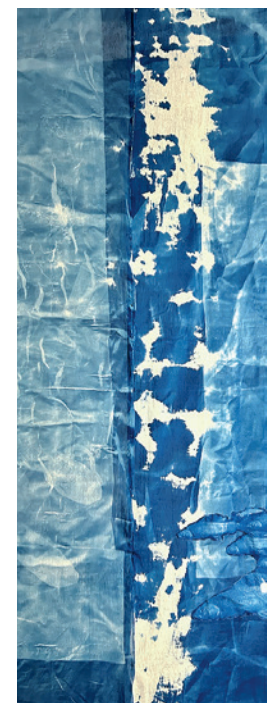
The waters of the Yenisei were home to many fishes, sturgeons and sterlets reigned supreme. This contributed to active fishing. But in 1887, there was an incident when it was not fish at all that got caught into the fish nets, but mice that tried to swim across the Yenisei and drowned. The mice ate all the vegetation, all the roots, resulting in hollows in the soil into which the horse-drawn carts were constantly falling. In addition to mice and rats, the invasion of which occurred due to floods and earthquakes, there were raids of bats and the local newspapers wrote about it: they asked the townspeople to be hospitable and not drive them out until autumn, “until they leave the barns themselves.”

Printing on fabric using the cyanotype technique creates the effect of the passage of time, and all the subjects continue to exist, being under water, like Atlantis. Everything is mixed in a vital flow: silhouettes of local plants, blooming gardens, floating watermelons, rare fishes, animals, people, and architecture. The large blue matter seems to cover a place of multi-layered history, where man, despite the circumstances, created the Garden of Eden.

Materials for the study were provided by the Minusinsk Museum of Local Lore.

В глубине души

А в Енисее райский сад

Художница занимается «набиванием рисунка ткани» посредством «солнечных ударов».

Едва уловимая **орнаментальная** текстура достигается интарсией-впечатыванием-растворением найденных в экспедиции вещей, гербариев и фотографий. Но при этом сквозь и вдоль синих занавесей сочится, струится и скользит живая материя памяти. Возникает феномен **полупрозрачности** енисеесинева.

Вместе с тем очевидна метафора сетей, в которую ловятся рыбы, мыши, арбузы и люди.

«Воздух бывает тёмным, как вода, и всё живое в нём плавает, как рыба» (Мандельштам).

Есть в этом пространственном растворе минусинских заводов и апокалиптический оттенок, связанный со случаем затопления города в начале XX века.

«И объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травкою обвита была голова моя» (пророк Иона).

Заливные луга заливают глаза, омывают лица и очи. И открытые окна душ плачут бисерно-жемчужными слезами.

Иди же и смотри опояшь его
поясом из гладкого тростника, и омой ему лицо,
чтобы стереть с него всякую грязь,

ибо не подобало бы с глазами, захваченными
какой-либо мутью, явиться перед первым
служителем, из тех, что из рая.

Этот островок по самому краю,
там, внизу, там, где в него бьёт волна,
растит тростник в прибрежных затонах.

Когда мы оказались там, где роса
борется с солнцем, отыскав место,
где под лёгким бризом она медленнее редет,

обеими ладонями по рассыпанным влажным травам
бережно проводил мой учитель.
И я, внимательно следя за его искусством,

подставил ему щёки, залитые слезами.
И вот он открыл мне до конца
тот цвет, который спрятал от меня ад.

(Данте, Божественная комедия, перевод О. Седаковой)

Знаменательно, что первый вариант текста Петра Белого заканчивался словами про «русский рай». А следующий зал Анастасии Безвершук фактически посвящён «раю на земле». Так проявляется енисейская линия **«инпарадизации»** (термин Данте). Что означает способ смотрения на всё на земле «из опыта рая»...

Сергей Ковалевский

Deep down

The Garden of Eden is in the Yenisei

The artist is engaged in “printing a pattern on fabric” by means of “sunstrokes.” A subtle **ornamental** texture is achieved by intarsia-imprinting-dissolving things found during the expedition, herbariums, and photographs. Yet through and along the blue curtains, the living matter of memory oozes, flows, and glides. The phenomenon of the **translucency** of the Yeni-blue emerges.

At the same time, the metaphor of the nets in which fish, mice, watermelons, and human beings are caught is evident.

“The air grows dark, like water, and all things living swim through it like fish” (Osip Mandelstam).

There is an apocalyptic tinge in this spatial solution of the Minusinsk backwaters, connected with the flooding of the town at the beginning of the twentieth century.

“Water encompassed me to the point of death. The great deep engulfed me, weeds were wrapped around my head” (the Prophet Jonah).

The flooded meadows are pouring over the eyes and washing the faces. And the open windows of souls are weeping beaded-pearl tears.

Go with this man, see that you gird his waist
with a smooth reed; take care to bathe his face
till every trace of filth has disappeared,

for it would not be fitting that he go
with vision clouded by the mists of Hell,
to face the first of Heaven’s ministers.

Around this little island at its base,
down there, just where the waves break on the shore,
you will find rushes growing in soft sand.

When we had reached a place where the cool shade
allowed the dew to linger on the slope,
resisting a while longer the sun’s rays,

my master placed both of his widespread hands
gently upon the tender grass, and I,
who understood what his intention was,

offered my tear-stained face to him, and he
made my face clean, restoring its true colour,
once buried underneath the dirt of Hell.

(The Divine Comedy by Dante Alighieri)

It is significant that the first version of Peter Belyi’s text ended with the words about “Russian heaven.” And the next hall of Anastasia Bezvershuk is actually dedicated to “heaven on earth.” This is how the Yenisei line of Dante’s **Paradiso** manifests itself. Which means a way of looking at everything on earth “from the experience of heaven.”

Sergey Kovalevsky

СУДОХОДНАЯ КАРТА РЕКИ ЕНИСЕЯ

от города Минусинска до города Красноярска

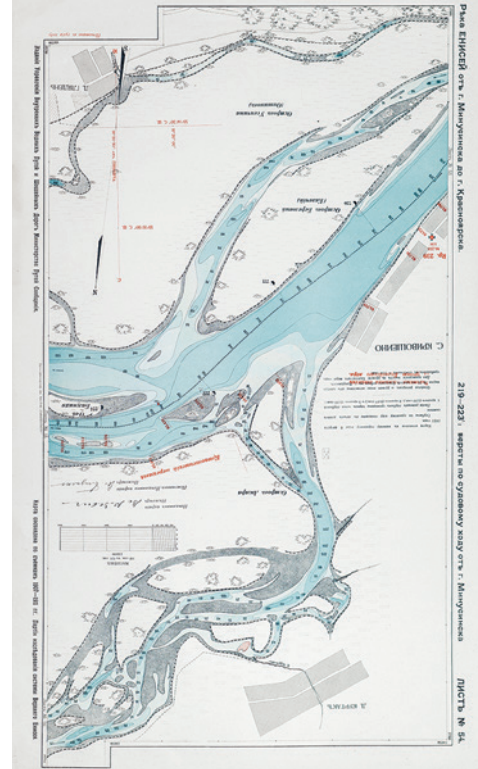
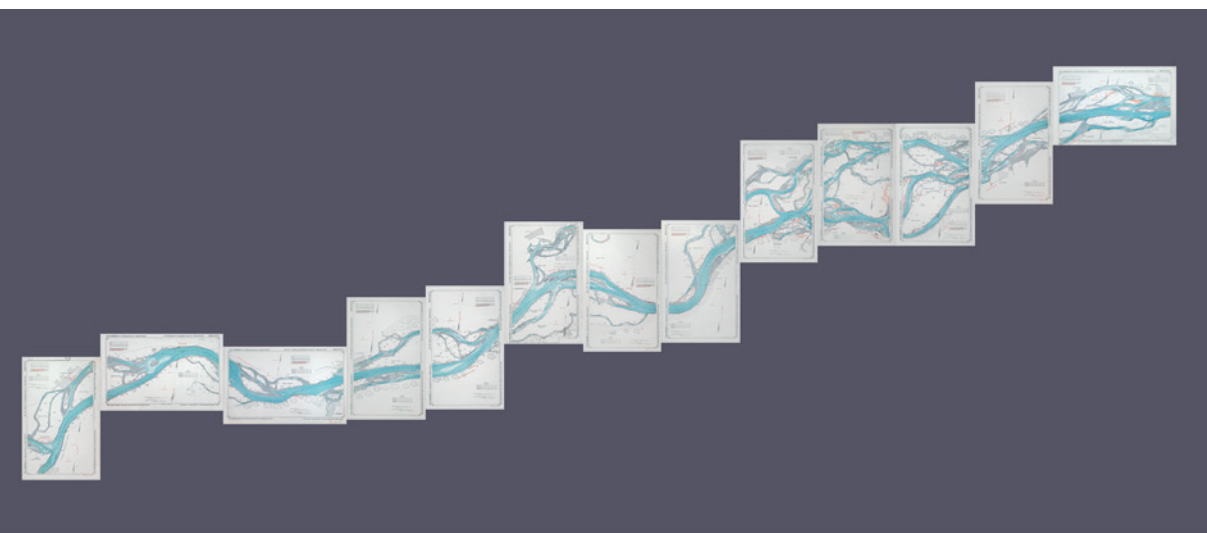
Составлена по данным работ 1907—1911 гг. Партии исследования системы Верхнего Енисея под редакцией инженера путей сообщения В. М. Родевича.

Издание управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения.

С-Петербург: хромо-лито-картографическое заведение Акц. общества «Самообразование», 1912 г.

Фотокопии 13 листов из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея.

Старинная карта-сборка настраивает на восприятие сквозного сюжета биеннале. Ее изощрённая полихромная прикладная графика в художественном окружении выставки сама становится найденным произвольным произведением.

NAVIGABLE MAP OF THE YENISEI RIVER

from the town of Minusinsk to the city of Krasnoyarsk

Compiled from the data of the works of 1907—1911 performed by the Party for the Research of the Upper Yenisei System under the editorship of the railway engineer V. M. Rodevich.

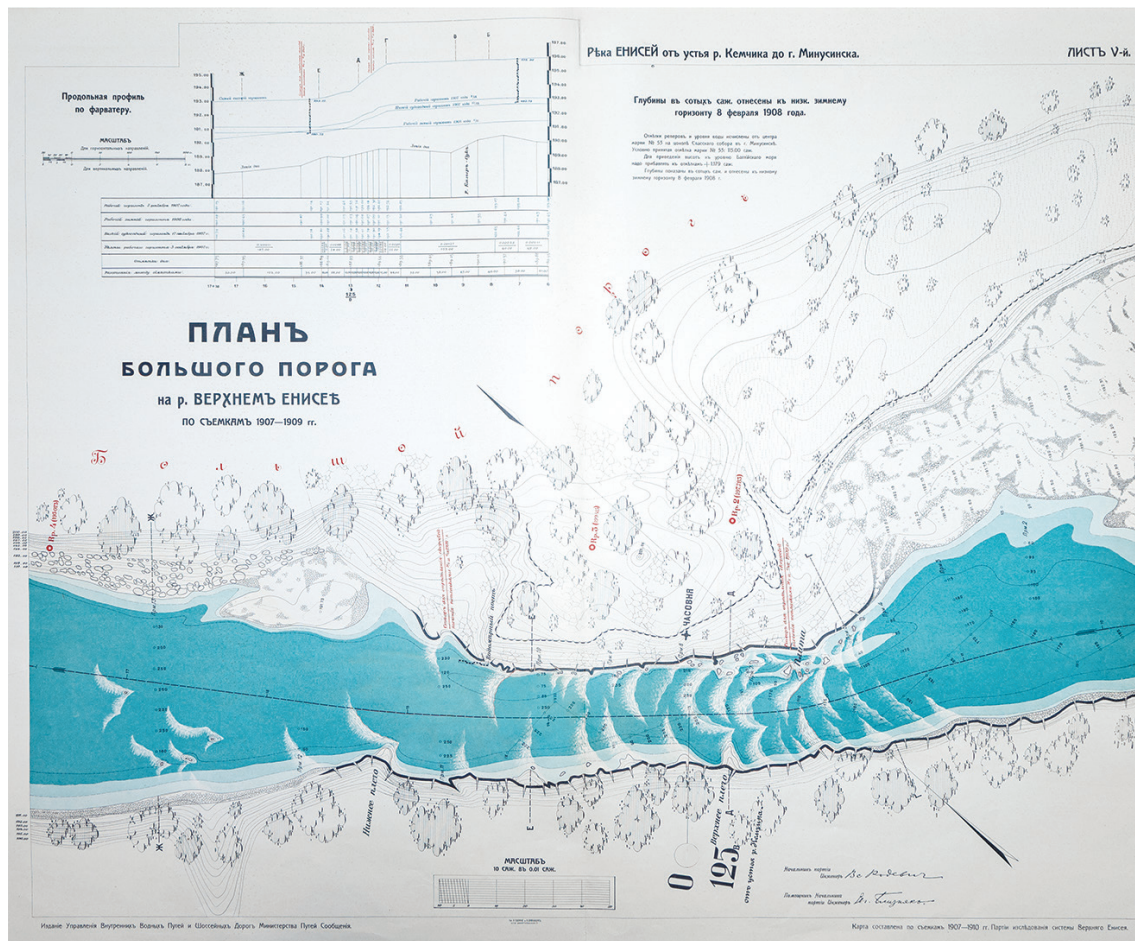
Publication of the Department of Inland Waterways and Highways of the Ministry of Transportation.

St. Petersburg: Chromo-litho-cartographic establishment of the Self-Education JSC, 1912.

Photocopies of 13 sheets from the collection of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore.

The antique map-assembly sets the mood for the perception of the Biennale's cross-cutting subject.

Its sophisticated polychrome applied graphics in the artistic environment of the exhibition becomes a found involuntary work.

Анатомия души

На входе в темноту синева возник многозначный графический символ. Трассированный рисунок ста-с-лишним-летней судоходной карты Енисея выглядит фрагментом «кровеносной» системы. Инженеру Родевичу в этих пятивёрстных отрезках реки произвольно удалась **артериально-сосудистая пластика**.

Так же похоже выглядит **нейрон**...

Но особенно подкрепляет биоанатомическую метафору «протуберанцев» случай в поезде, происшедший с томским искусствоведам Валерией Новицкой, услышавшей в плацкартном вагоне по дороге на биеннале фразу: «А Енисей? **Жила** красноярской души!» Сильнейшее самоопределение неизвестного сибиряка побуждает осознать размер и телесность идентичности.

Кроме того, в бывшем музее Ленина уместно вспоминается редкая картинка соцартиста Латышева «Ленин жил, Ленин жив, Ленин жилы». Вот они, наконец, и встретились...

Конечно, не стоит забывать о метаидее карты, тем более в спонтанном поступлении в экспозицию 15-й биеннале каскада лодий Родевича вдруг проявилась генеральная фигура 7-й биеннале — «сибирский чертёж» Ремезова. Если тогда доминировала земля, то сегодня мы, видимо, сосредоточены на **картировании неба**, отражённого в енисеесинева.

Сергей Ковалевский

The anatomy of the soul

At the entrance to the darkness of the colour blue, a multi-valued graphic symbol appeared. The traced drawing of the hundred-plus-year-old navigable map of the Yenisei looks like a fragment of a circulatory system. In these five-verst stretches of the river, the engineer Rodevich involuntarily succeeded in **arterial-vascular plasticity**.

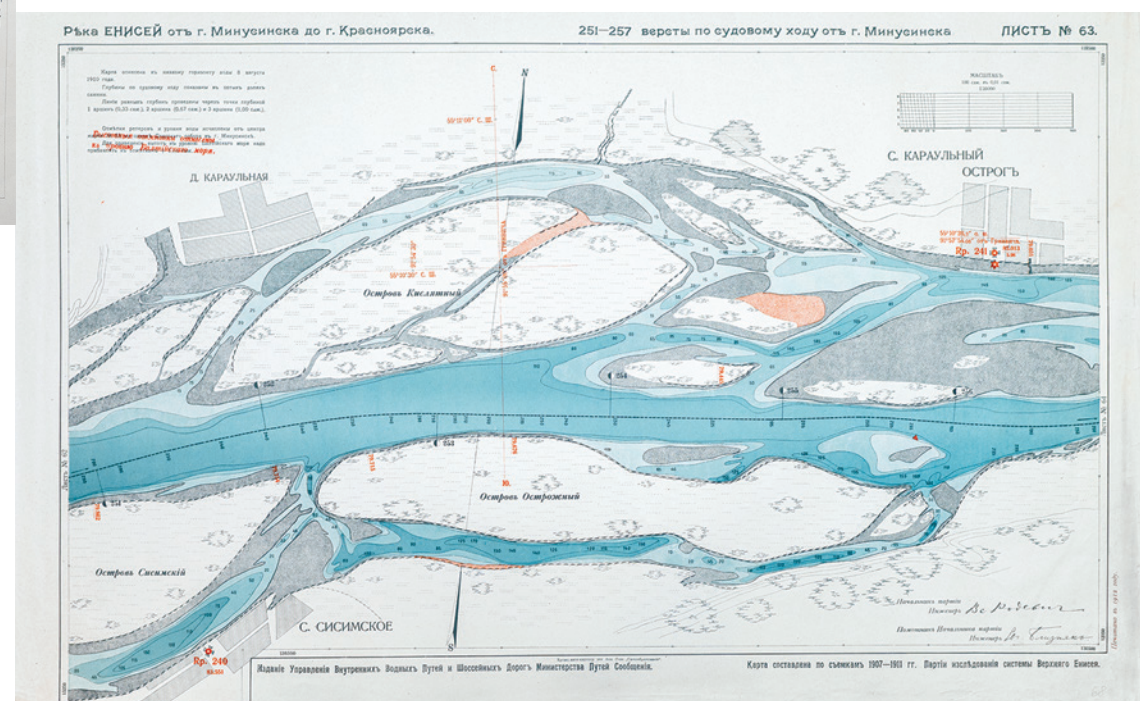
The **neuron** also looks similar...

But the bioanatomical metaphor of “prominences” is especially reinforced by an episode on a train that happened to the art historian Valeria Novitskaya from Tomsk, who heard a phrase in a couchette car on the way to the Biennale: “What about the Yenisei? The **vein** of the Krasnoyarsk soul!” The strongest self-definition of an unknown Siberian prompts one to realise the size and corporeality of identity.

In addition, in the former Lenin Museum, a rare picture of the socialist artist Latyshev *Lenin lived, Lenin is alive, Lenin is veins* is appropriately recalled. Here, they have finally met...

Of course, we should not forget about the meta-idea of the map, especially since in the spontaneous entry of the cascade of Rodevich’s 13 sailing directions into the exhibition of the 15th Biennale, there appeared the general figure of the 7th Biennale — Remezov’s *Siberian Drawing*. If the earth dominated then, today we seem to be focused on **mapping the sky** reflected in *the colour blue of the Yenisei*.

Sergey Kovalevsky

Владимир Наседкин
БЕЗ БЕРЕГОВ

Серия картин и рисунков
Холст, масло, песок, бумага, шариковые ручки, акрил, МДФ, спутниковые фотографии

Предмет визуального исследования — сухогрузы, баржи, паромы, нефтеналивные танкеры и дебаркадеры Енисея. Чтобы оценить выразительность и точность линий, художник предлагает взглянуть на них из космоса, откуда категории красоты замещаются утилитарностью и конструктивностью, а геометрические формы реальны и заполняют всё пространство картин. Натура развоплощается и дематериализуется, утрачивая свою вещественную тяжесть, чтобы вдруг просквозил истинный чертёж вещей, их тайный смысл и скрытый замысел.

При точном воспроизведении грузовых судов (с использованием спутниковых фотографий), лежащих в основе структурных композиций, художник отрывается от первоисточника и оказывается в беспредметной, истинно свободной геометрии чистого искусства. Здесь органичное объединение супрематизма и архитектурного минимализма доведены до абсолюта и звучит музыка Реки.

В инсталляции использованы работы Кружка судомоделистов Красноярского краевого Дворца пионеров под руководством М.С. Филякова.

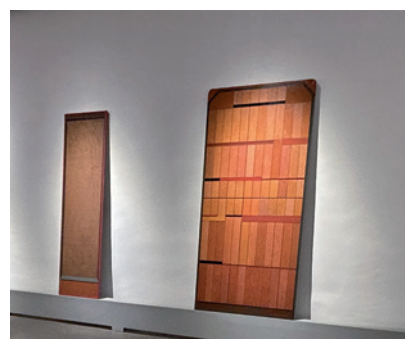
Vladimir Nasedkin
WITHOUT BANKS

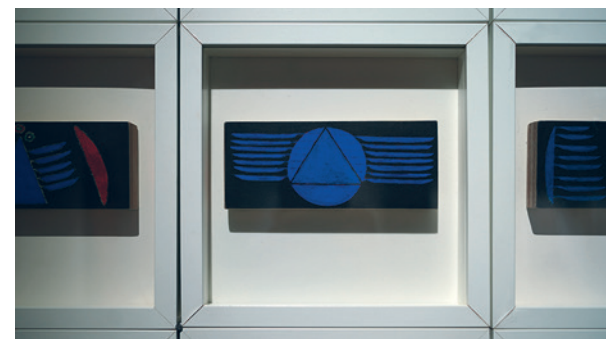
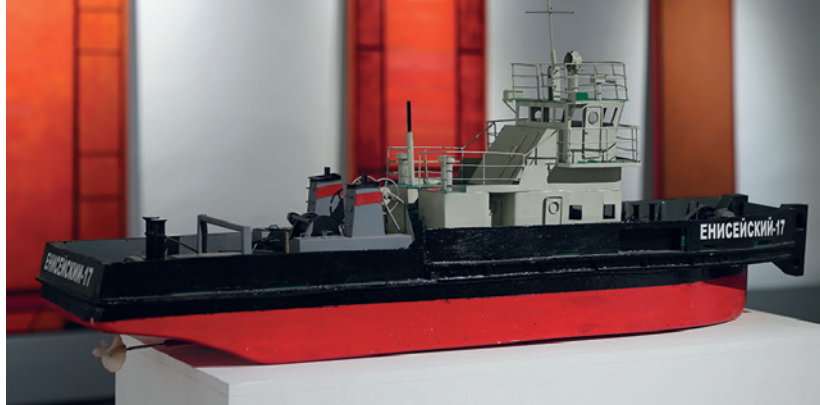
Series of paintings and drawings
Canvas, oil, sand, paper, ballpoint pens, acrylic, MDF, satellite photos

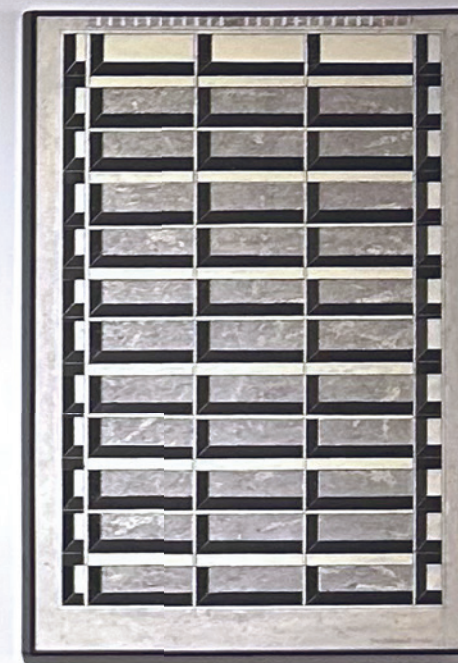
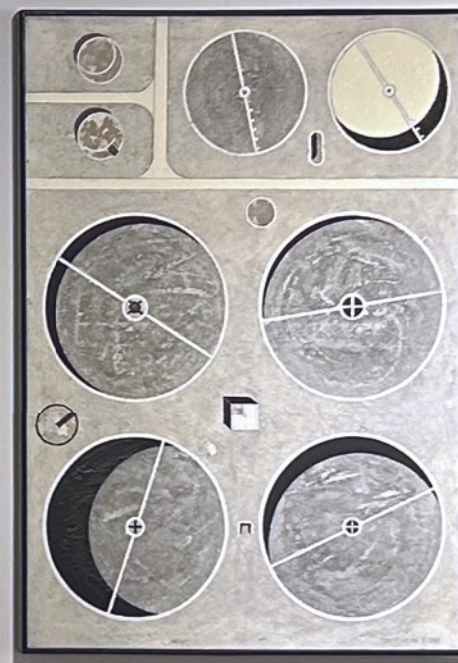
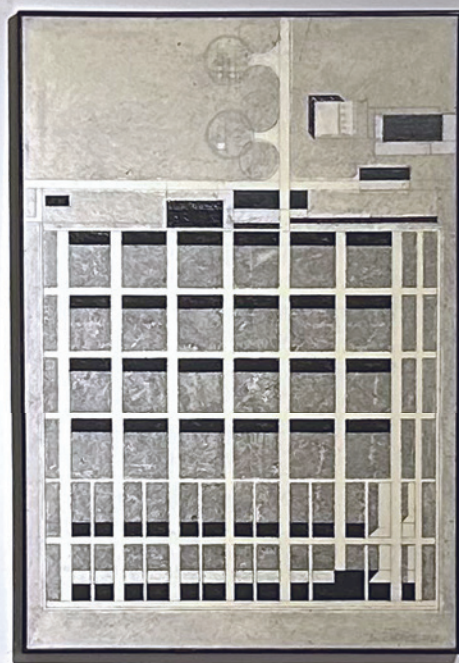
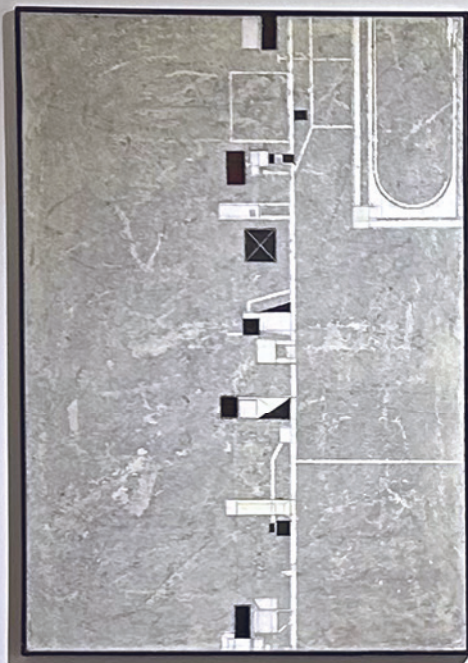
The subject of the visual study is dry cargo ships, barges, ferries, oil tankers, and landing stages of the Yenisei. To appreciate the expressiveness and precision of lines, the artist suggests looking at them from space, from where the categories of beauty are replaced by utilitarianism and constructiveness, and geometric shapes are real and fill the entire space of the paintings. Nature is disembodied and dematerialised, losing its material gravity, so that the true blueprint of things, their secret meaning and hidden intent suddenly become apparent.

By faithfully reproducing the cargo ships (using satellite photographs) that underlie the structural compositions, the artist breaks away from the original source and finds himself in the non-objective, truly free geometry of pure art. Here, the organic combination of suprematism and architectural minimalism is brought to the absolute and the music of the River sounds.

The installation uses the works of the Ship Modelling Club of the Krasnoyarsk Regional Palace of Pioneers under the leadership of M.S. Filyakov.

Караваны ракет

А в Енисее космолан

Художник вглядывается в реку с околоречной орбиты, подключая оптику спутника. Видение с космического расстояния приводит к эффекту особой вещественности живописи. Обращая внимание на грузовые суда: автор масштабирует форму, выделяет в проекции палубы абстрактную геометрию, форсирует фактуру поверхности. Такая «чертёжная» живопись, проявляя каркасность и структурность, производит сублимацию искусственного объекта, возвращает его обратно в **чертёж**. Но уже **телесный**, материальный. Эта «высокая» обратимость объекта инкрустирует в форму прозрачность замысла, присутствие идеи, эйдоса.

Стоящие на приступочке под лёгким наклоном серые картины-вертикали напоминают и каменные надгробия восточных кладбищ. Или того дальше — древние **менгиры** в степях. В этом плане сакральной метафоры открывается и «экуменический» мотив: по двум сторонам расставились исламские и христианские «гробы». Белокаменная резьба плит на левой стороне и красные иконные доски — **«ковчег»** — на правой. (Ковчег — ещё и иконописное понятие, означающее выборку деревянного ложа для живописи.) Есть в этих «конструктивистских» лодках, барках и ладьях отзвук мифологии предельного, смертного перехода...

В языковую подоплёку трансцендентной реки Наседкин добавляет серию графем по мотивам навигационных створных знаков. Рябь чёрточек напоминает кодировку «Книги перемен». В речных гексаграммах заложено пророческое послание?

Сергей Ковалевский

Caravans of missiles

The space plane is in the Yenisei

The artist peers into the river from the Earth's orbit, involving the satellite optics. Watching from space leads to the effect of a special materiality of painting. Paying attention to cargo ships, the artist scales the shape, highlights abstract geometry in the deck projection, and forces the surface texture. Such "drawing" painting, showing frame and structure, sublimates the artificial object, returning it back to the **drawing**. But it is already **corporeal**, material. This "high" reversibility of the object encrusts the form with the transparency of the plan, the presence of the idea, the eidos.

The grey paintings-verticals standing on a ledge at a slight angle are reminiscent of the stone tombstones of eastern cemeteries. Or even further — ancient **menhirs** in the steppes. In terms of sacred metaphors, the "ecumenical" motif is also revealed here: Islamic and Christian "coffins" are placed on both sides. White stone carving of slabs on the left side and red icon boards — **«arks»** — on the right side. (Ark is also an iconographic concept, meaning a cut-back centre portion of the icon panel.) There is an echo of the mythology of the ultimate, mortal transition in these "constructivist" boats, barques, and longships...

Nasedkin adds a series of graphemes inspired by navigational beacons to the linguistic background of the transcendent river. The ripples of the lines resemble the encoding of *Book of Changes*. Is there a prophetic message in the river hexagrams?

Sergey Kovalevsky

Aleksandr Mortaev

WORLDS

Series of objects
Plastic

The series visualises the traditional concept of the structure of the Upper World of the Shors. According to their cosmogonic views, the world is divided into three layers: the Upper (the world of good spirits), the Middle (the world of people), and the Lower (the kingdom of Erlik Khan). The upper world, in turn, also consists of several layers (from 7 to 19 or more), inhabited by different spirits, celestial bodies, patrons of different natural elements and clans. The god Tengri lives in the uppermost world.

The artist considers the ancient ideas of his people in the context of modern urban culture. He builds his Worlds in the form of skyscrapers, using purely utilitarian material from the sphere of consumption (polymer vegetable crates). The perforated structure of the crates refers, on the one hand, to the geometric patterns of the Shors, and on the other hand, to the cages as some kind of spaces that restrict freedom.

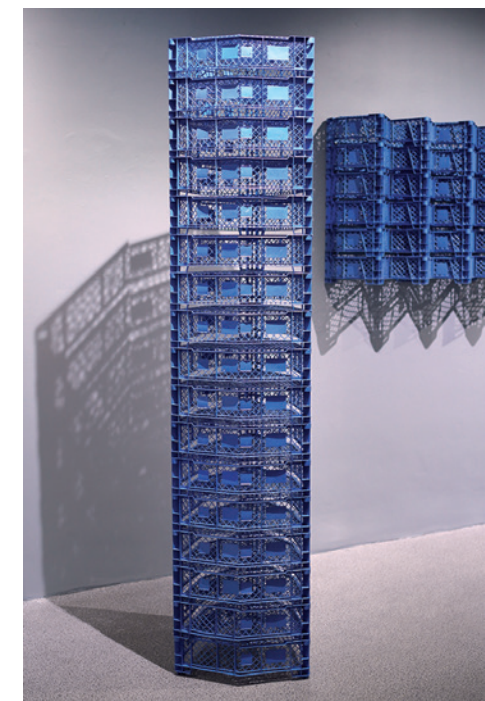
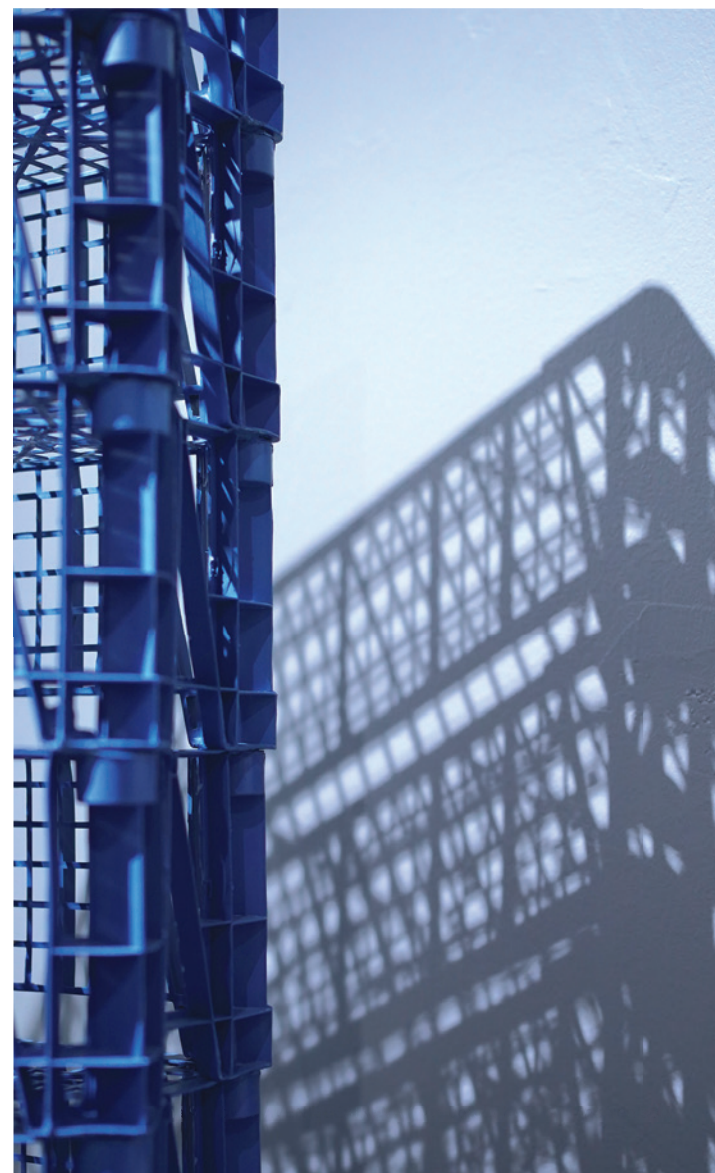
Александр Мортаев

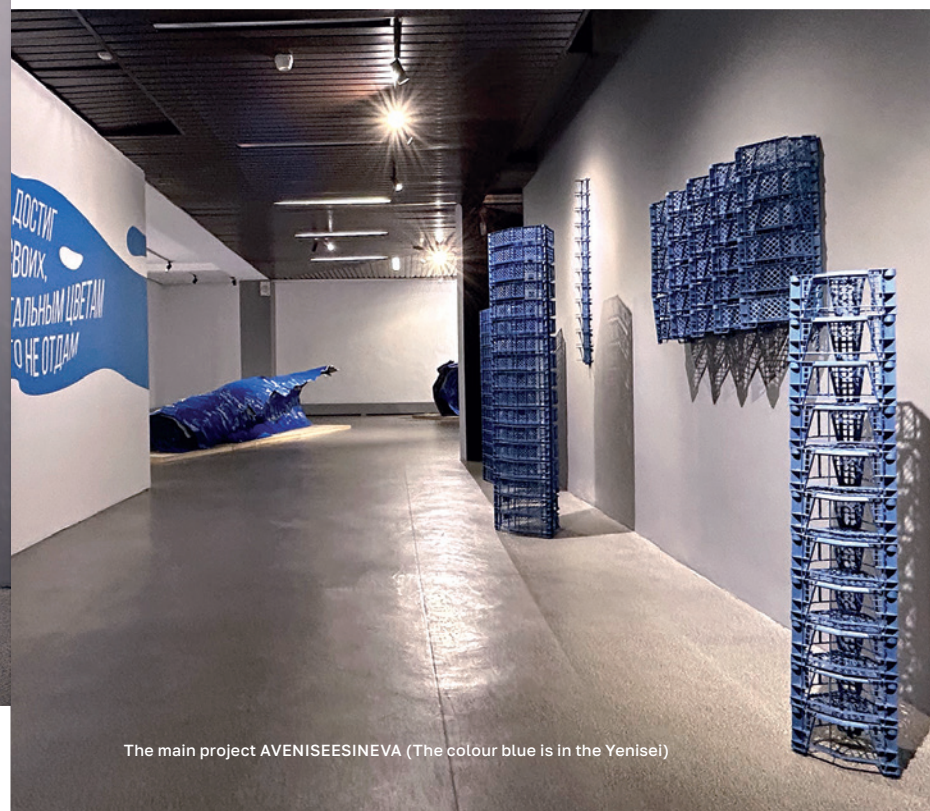
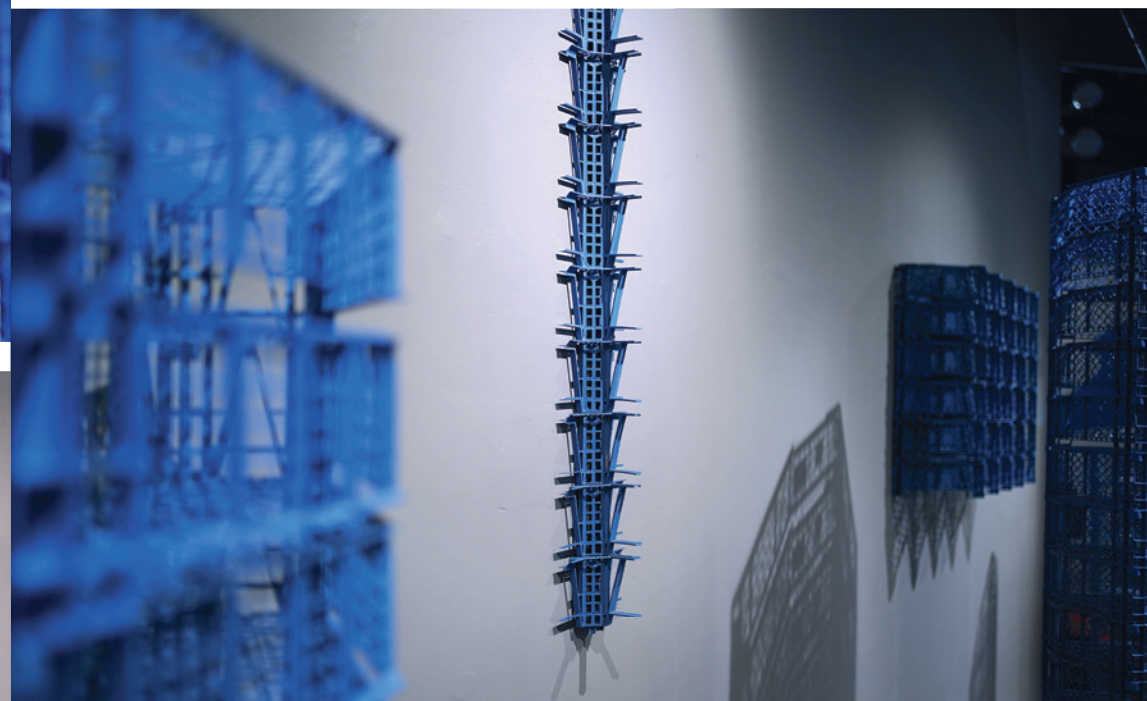
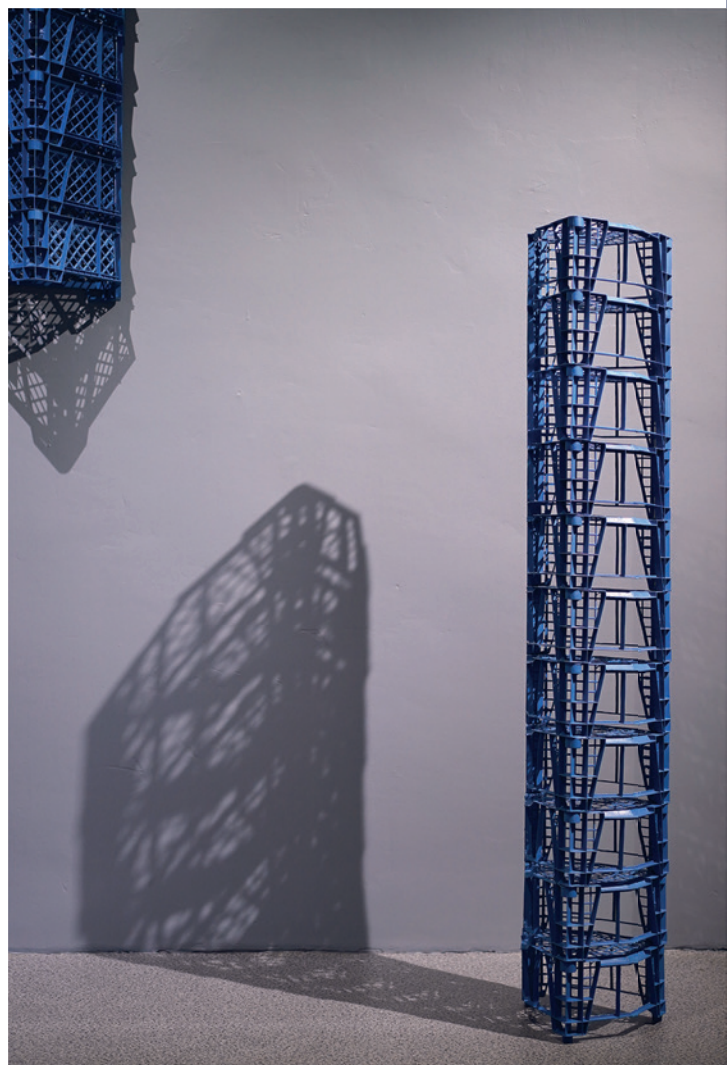
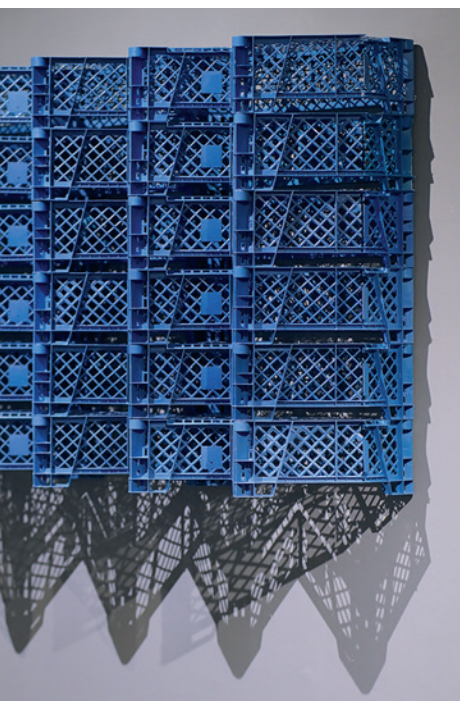
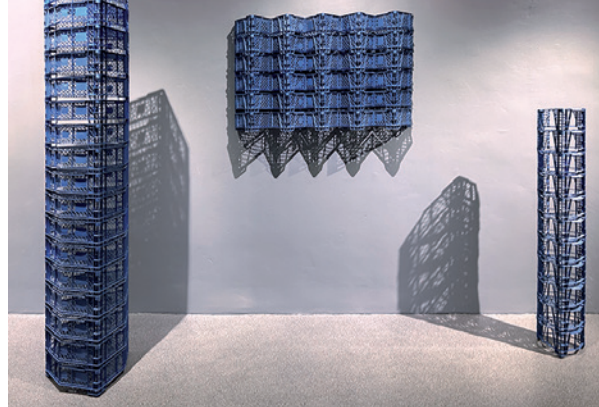
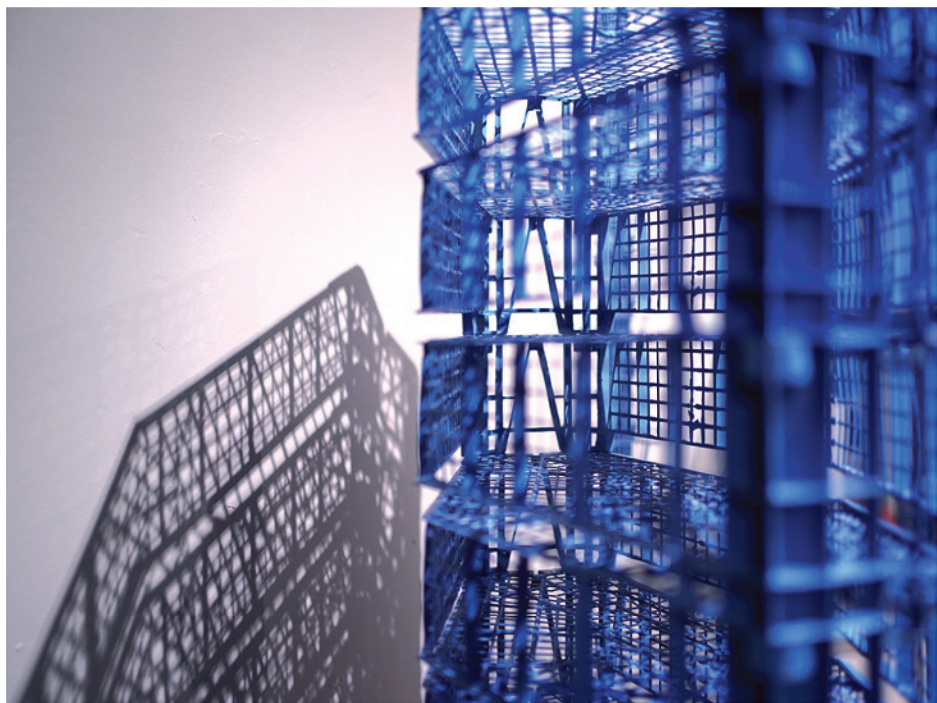
МИРЫ

Серия объектов
Пластик

Серия визуализирует традиционную концепцию структуры Верхнего мира шорцев. Согласно их космогоническим воззрениям мир делится на три слоя: Верхний (мир добрых духов), Средний (мир людей) и Нижний (царство Эрлик-хана). Верхний мир в свою очередь также состоит из нескольких слоёв (от 7 до 19 и более), населённых разными духами, небесными светилами, покровителями разных стихий, родов. В самом верхнем мире живёт бог Тенгри.

Автор рассматривает древние представления своего народа в контексте современной урбанистической культуры. Он выстраивает свои Миры в виде небоскрёбов, используя при этом сугубо утилитарный материал из сферы потребления (полимерные ящики для овощей). Перфорированная структура ящиков отсылает, с одной стороны, к геометрическим орнаментам шорцев, с другой — напоминает клетки как некие пространства, ограничивающие свободу.

The main project AVENISEESINEVA (The colour blue is in the Yenisei)

Andrey Isaenkov

TRIPTYCH W-002

Canvas, acrylic

Blue, white, white, light blue, blue... All this is a certain magic of colour. This is an endless magical rhythm of alternating lines, alternating an object and its reflection. The bright, rich colour, rhythm, and energy emanating from them immerse the contemplator into a whirlpool of diverse ideas. It is the absence of recognisable habitual images of everyday life, in this case the sky and water, and only the picturesque flesh of lines and colour that allows you to plunge into the depths of the meanings of human existence without fuss and to enter the waters of the HEAVENLY RIVER without fear.

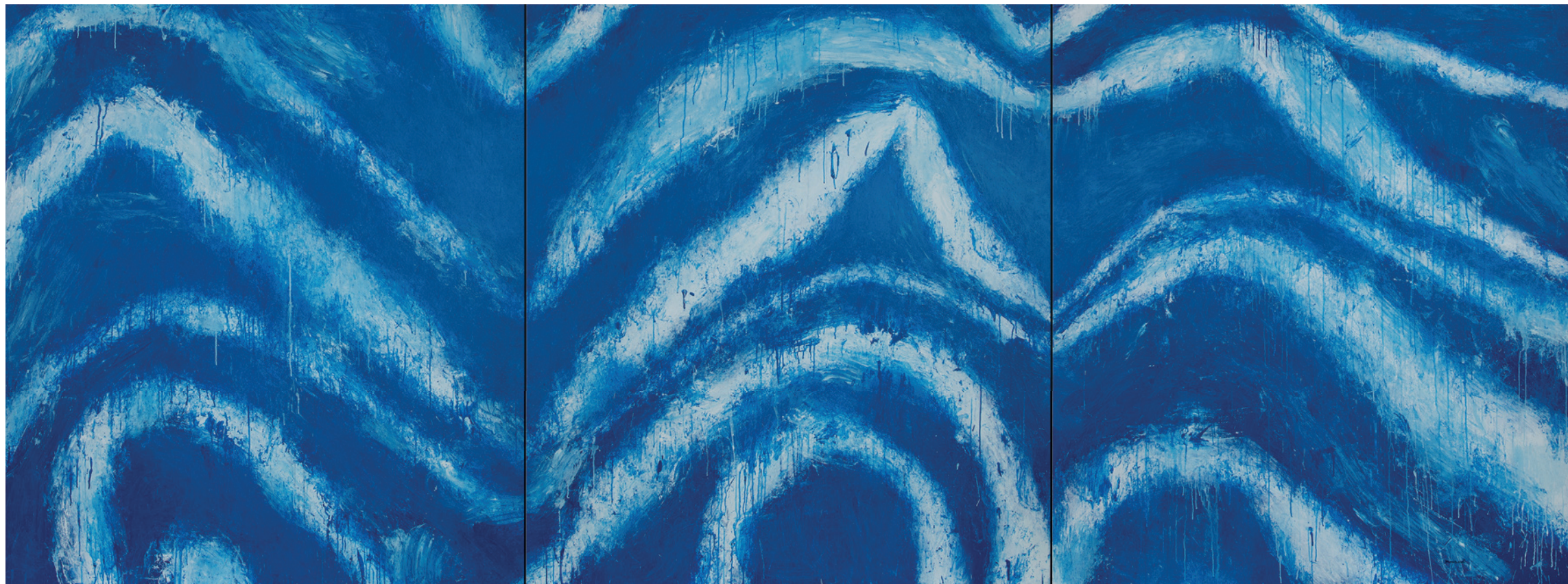
Андрей Исаенков

ТРИПТИХ W-002

Холст, акрил

Синее, белое, белое, голубое, синее... Всё это — определённая магия цвета. Это бесконечный волшебный ритм чередования линий, чередования объекта и его отражения. Яркий, насыщенный цвет, ритм и энергия, исходящие от них, погружают созерцателя в водоворот разнообразных идей. Именно отсутствие узнаваемых привычных образов обыденной жизни, в данном случае неба и воды, а только лишь живописная плоть из линий и цвета позволяет без суеты погрузиться в глубину смыслов человеческого бытия и без страха войти в воды НЕБЕСНОЙ РЕКИ.

Владимир Марин

ВЫСОКАЯ ВОДА

Инсталляция из скульптурных объектов и фотографий

Половодье, наводнение, паводок, тууар, мудар, тылкан, мэтэк — название одного и того же явления. Это происходит весной, когда вода ближе всего подбегает к небу.

В основе проекта лежит фотоматериал, собранный в Енисейске, — деревянные оконные наличники и вода Енисея. А также фотографии наводнений разных лет из фондов енисейского краеведческого музея. Именно из этих исторических снимков выросло решение сделать работы про взаимодействие природного и человеческого. При этом акцент смещён от трагедии к абстрактной пластике. Как на любом достаточно отдалённом документе из прошлого, нас больше привлекают незначительные для участников тех событий детали. Это всё про умение всматриваться в детали, чтобы не видеть целого.

Художественная экспедиция осуществлена при поддержке Енисейского музея-заповедника им. А.И. Кытманова.

Vladimir Marin

HIGH WATER

Installation of sculptural objects and photographs

High water, flood, freshet, tuurar, muden, tylkan, metek are the names of the same phenomenon. This happens in spring when the water comes closest to the sky.

The project is based on photographic material collected in Yeniseysk — wooden window casings and the water of the Yenisei. As well as photographs of floods of different years from the funds of the Yeniseysk Museum of Local Lore. These historical photographs had their part in the decision to make works about the interaction between the natural and the human. At the same time, the emphasis is shifted from tragedy to abstract plasticity. As with any fairly distant document from the past, we are more attracted to details that are insignificant for the participants of those events. It is all about the ability to peer into details so as not to see the whole.

The artistic expedition was carried out with the support of the Yeniseysk Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov.

Основной проект «А в Енисее синева»

The main project AVENISEESINEVA (The colour blue is in the Yenisei)

Основной проект «А в Енисее синева»

The main project AVENISEESINEVA (The colour blue is in the Yenisei)

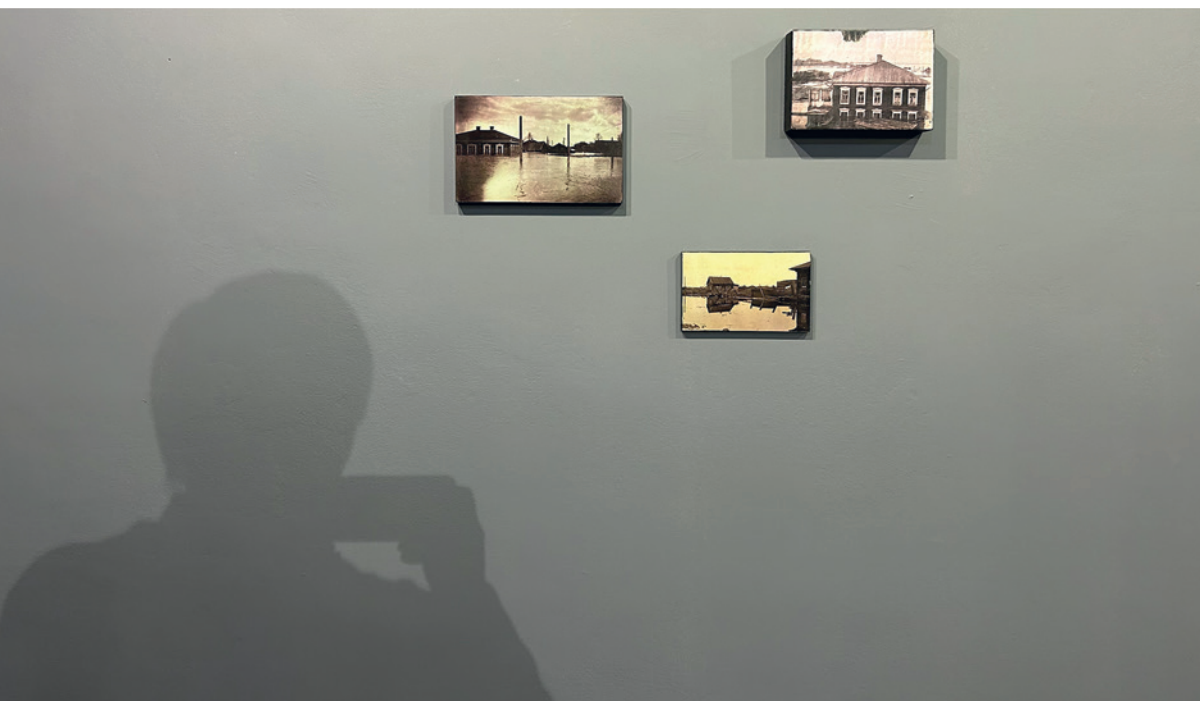

The wavy form

Yeniseysk is in the Yenisei

The rigid forms of the Yeniseysk window casings are slightly affected by the optical distortions of “high water” (by the way, the location of the installation on the second floor subtly confirms the height of the “flooding”). Marin demonstrates a kind of inner virtuality of materiality. The reflections in the mirror of the rising water left a mark in nature, in the wood of the window. However, it is not humidity that made the windows warp. This is the fantasy power of matter itself (“living metaphor”). A special case of reversibility energy, when the virtual is reflected in the material. Here, the **wave changes into matter**.

Sergey Kovalevsky

Волнующая форма

А в Енисее Енисейск

Жёсткие формы енисейских наличников слегка подёрнуты оптическими искривлениями «высокой воды» (кстати, расположение инсталляции на втором этаже тонко подтверждает высоту «затопления»). Марин демонстрирует какую-то внутреннюю виртуальность материальности. Отражения в зеркале поднявшейся воды оставили след в натуре, в древесине окна. Однако окна повело не от влажности. Это — фантазийная сила самой материи («живая метафора»). Особый случай энергии обратимости — когда виртуальное отразилось в материальном. Здесь **волна переходит в вещество**.

Сергей Ковалевский

Инсталляция, смешанная техника

В своём исследовании Дудинки художник решил применить метод анимации города, представив его неким существом. Реальность, а также её контрформа, подсмотренные во время поездки, послужили материалом для истории про находку — хорошо сохранившийся скелет Акнидуда. Скрестив реальное прошлое (историю о Сопкаргинском мамонте Жене), настоящее (своё впечатление от заполярного порта) и фантазию, автор получил смысловой коллаж в духе энциклопедической статьи. Как юный Женя Салиндер обнаружил на таймырском мысе Сопочная Карга целого мамонта, так и художник открывает для себя загадку Дудинки.

Останки Акнидуда — древнего существа, некогда жившего на нашей планете, случайно нашёл японский мальчик Арю Окёмода, поэтому существо было названо в его честь: Акнидуд Арю. Выясняется, что Акнидуд — перевёрнутое имя города Дудинка. А мальчик Арю — это и есть сам Юра-художник.

В экспозиции представлен скелет, выполненный из малярного флизелина, окрашенной фанеры, железных конструкций, и крупный текст с иллюстрациями. Помимо палеонтологической реконструкции, инсталляцию можно воспринимать и как разворот открытой книги, и как абстрактный пейзаж города, или же зритель может дополнить фантазию своими откровениями.

Художественная экспедиция осуществлена при поддержке
Таймырского краеведческого музея.

В реализации проекта принимали участие:
Александра Воробьёва — соавтор текста, Злата Светличная — дизайнер.

Installation, mixed technique

In his research of Dudinka, the artist decided to apply the method of animation of the town, presenting it as a kind of creature. Reality, as well as its counter-form, observed during the trip, served as material for a story about a discovery — a well-preserved skeleton of Aknidud. Having crossed the real past (the story about Zhenya, the Sopkarga mammoth), the present (his impression of the polar port), and the fantasy, the artist got a semantic collage in the vein of an encyclopaedic article. Just as young Zhenya Salinder discovered a whole mammoth in Sopochnaya Karga Cape in Taymyr, so the artist discovers the mystery of Dudinka.

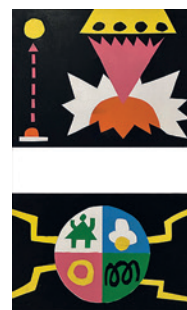
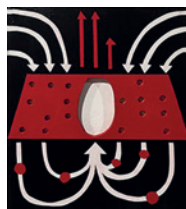
The remains of Aknidud — an ancient creature that once lived on our planet — were accidentally found by a Japanese boy Aruy Okyomoda, so the creature was named in his honour: Aknidud Aruy. It turns out that Aknidud is the inverted name of the town of Dudinka. And the boy Aruy is Yura the artist himself.

The exhibition features a skeleton made of paintable non-woven lining paper, painted plywood, iron structures, and a large text with illustrations. In addition to the paleontological reconstruction, the installation can be perceived both as a spread of an open book and as an abstract landscape of the town, or the viewer can supplement the fantasy with their own revelations.

The artistic expedition was carried out with the support of the Taymyr Museum of Local Lore.

The project was implemented with the help of Alexandra Vorobyova, the co-author of the text, and Zlata Svetlichnaya, the designer.

Ископаемая анимация

А в Енисее Акнидуд

Город и тело: одно в другом.

Анималистический урбанизм — раскопки животной души. С одной стороны — красочный тотемизм. Русское Индейство. С другой — анимация как мультипликация, очень близкая автору поэтика. С третьей — намёк на шизоаналитическую философию, где одним из важнейших опытов является преобразование в живое, становление животным.

Из нарисованного, нанесённого на стену зверя выходят-выступают части тела. Чудище пробует новое измерение робкими ногами. Тоже каркасными. Из графической массы в пространство выдвигаются кости. Это — тоже признаки становления.

На смежной стене тело разбирается на органы и протокольно описывается.

Графика, как и положено в энциклопедическом издании, — прикладная, функциональная. Схема разделки-раскрытия животного туловища — одновременно рудимент городского плана. Или проекция тотема на структуру северного города?

Из древности идёт обычай гадания на внутренностях жертвенного животного — печени, сердце, лопатке... Что здесь разгадывается? Родина слонов?

Сергей Ковалевский

Fossil animation

Aknidud is in the Yenisei

The town and the body: one in the other.

Animalistic urbanism is an excavation of the animal soul. On the one hand, it is colourful totemism. Russian Indianism. On the other hand, it is animation as animated cartoon, poetics which is very close to the artist. From yet another perspective, it is a hint at schizo-analytic philosophy, where one of the most important experiences is the transformation into a living being, becoming an animal.

Parts of the body are emerging from the animal painted on the wall. The beast is trying the new dimension with timid legs. They are also framed. Bones are moving out of the graphic mass into space. These are also signs of formation.

On the adjacent wall, the body is dismantled into organs and described in a protocol way. The graphics, as befits an encyclopaedia, are applied and functional.

The diagram of gutting and cutting of the animal body is at the same time a rudiment of an urban plan. Or is it a projection of a totem onto the structure of the northern town?

From ancient times comes the custom of fortune-telling using the purtenance of a sacrificial animal — the liver, heart, shoulder blade... What is being unravelled here? The home of elephants?

Sergey Kovalevsky

Инсталляция из найденных объектов

В своём погружении в Норильск художник решил прочесть его искусственный ландшафт через фильтр компьютерной игры.

Сначала «на местности» находятся знаки-артефакты, затем перемещаются по реке с севера на юг, в Красноярск. И «на Площади Мира» раскладываются в новом порядке.

В дополнение к «оестествившимся» останкам — биотехническим формам — в инсталляцию добавлены медицинские аппараты и видео-арт, записанный во время геймплея. Находя щели в шутерных локациях, автор научился выходить за пределы игрового поля, обусловленного разработчиком, и переключаться между его слоями. В сопоставлении инфраструктуры игры и фактуры города виртуальное и реальное начинают отражаться и мерцать друг в друге.

Название проекта отсылает к термину «ритурнель», использованному Делёзом и Гваттари в их книге «Тысяча плато». В философском тексте вводится сравнение особой музыкальной формы, в которой мелодия каждый раз возвращается к знакомому мотиву, с пением птицы, копирующей посторонние звуки из окружения, чтобы обозначить пространство. Таким образом работает территориальная ритурнель, в которой сборка происходит «на теле» птичьего голоса. Опираясь на эту «биоэстетическую» теорию, звуковая часть инсталляции дополняет исследование, проведённое автором «на земле».

Существенную роль в моделировании гибридного многослойного ландшафта играет рельефная карта города, насыпанная из раздробленного асфальта, работающего знаком искусственной почвы.

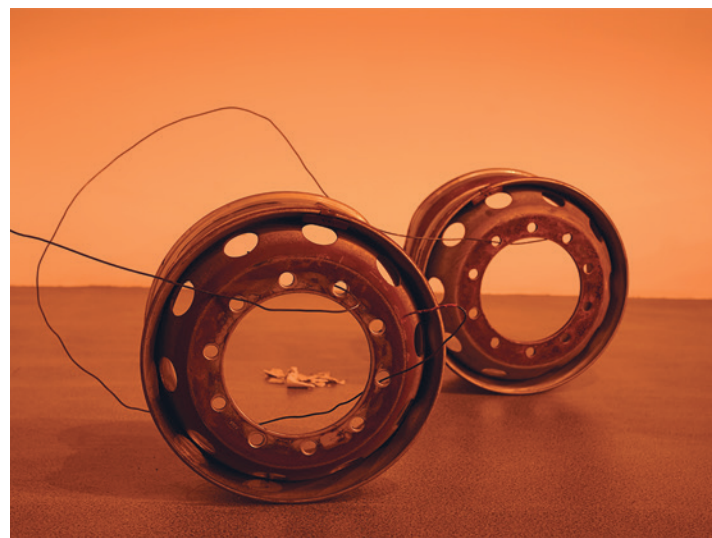
Добавляя эффект полярного дня, в освещении зала задействуются уличные фонарные лампы. Перенос внешнего света в помещение создаёт ещё один канал подключения к тем местам, где были найдены артефакты, и заливает все предметы одним жёлтым цветом.

Художественная экспедиция осуществлена при поддержке Музея Норильска и Полярной арт-резиденции.

В комплектовании инсталляции участвовала Краевая клиническая больница.

Основной проект «А в Енисее синева»

Vasiliy Kononov-Gredin **VOCALISATION**

Installation from found objects

In his immersion in Norilsk, the artist decided to read its artificial landscape through the filter of a computer game.

First, the artefact signs are “on the ground,” then they move along the river from north to south, to Krasnoyarsk. And in the Ploschad Mira Museum Centre, they are laid out in a new order.

In addition to the “naturalised” remains — biotechnical forms — the installation includes medical devices and video art recorded during gameplay. By finding gaps in the shooter locations, the artist has learned to go beyond the boundaries of the game field determined by the developer and switch between its layers. In the juxtaposition of the game’s infrastructure and the texture of the city, the virtual and the real begin to reflect and shimmer in each other.

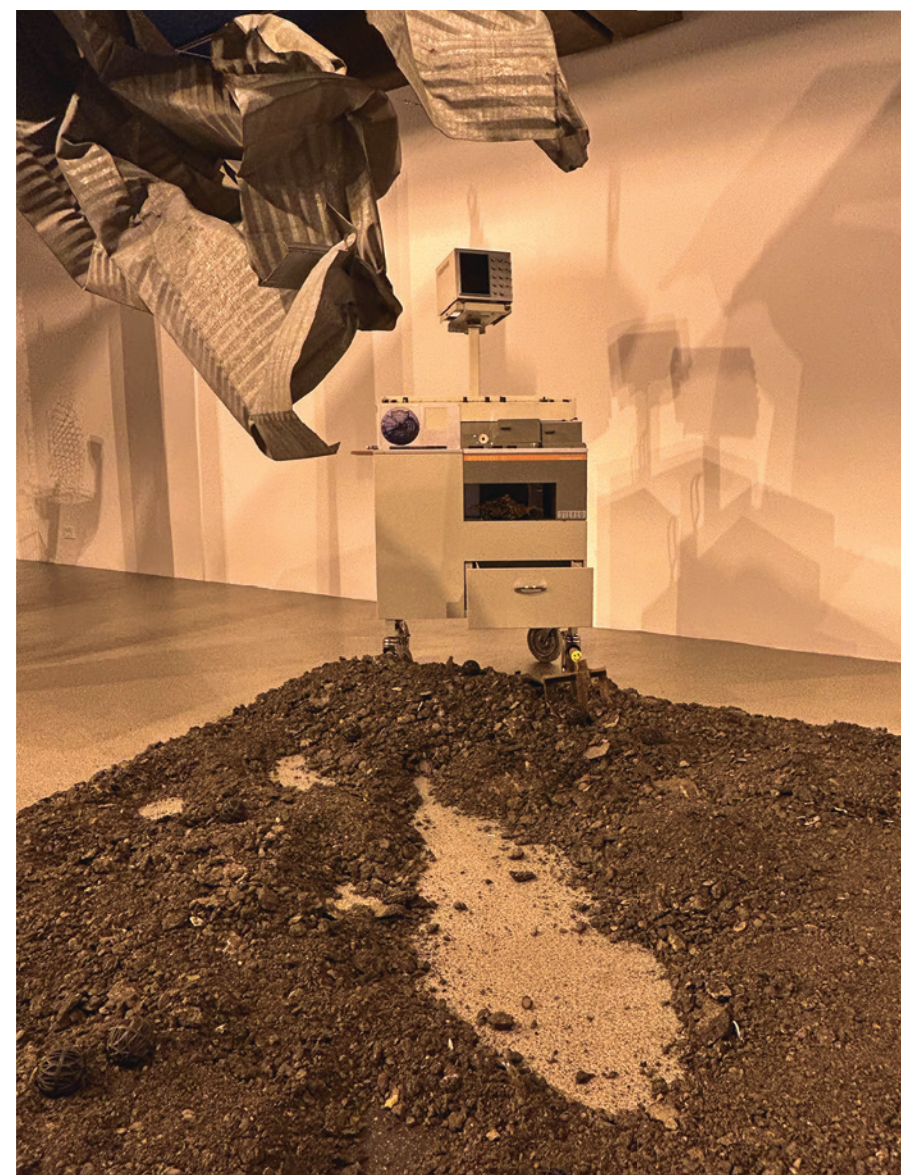
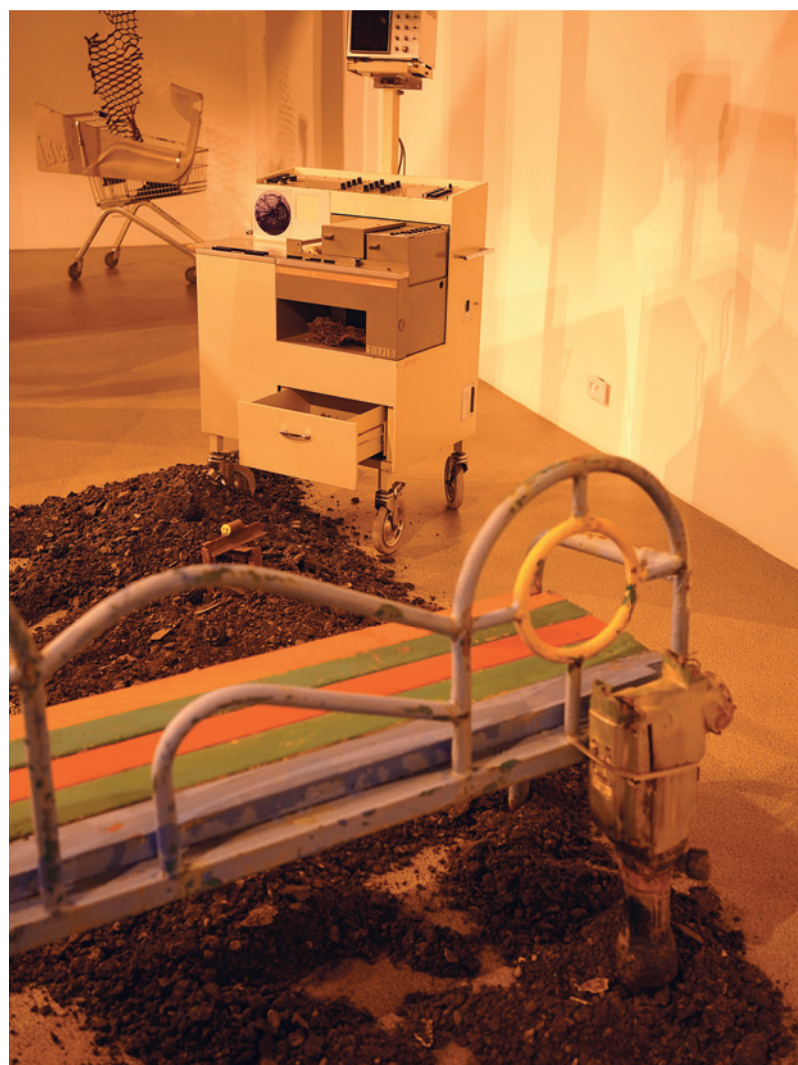
The title of the project refers to the term “ritornello” used by Deleuze and Guattari in their book *A Thousand Plateaus*. The philosophical text introduces a comparison between a particular musical form, in which the melody returns to a familiar motif each time, and the singing of a bird that copies extraneous sounds from its environment to indicate space. This is how the territorial ritornello works, in which the assembly takes place “on the body” of the bird’s voice. Based on this “bio-aesthetic” theory, the sound part of the installation complements the research carried out by the artist “on the ground.”

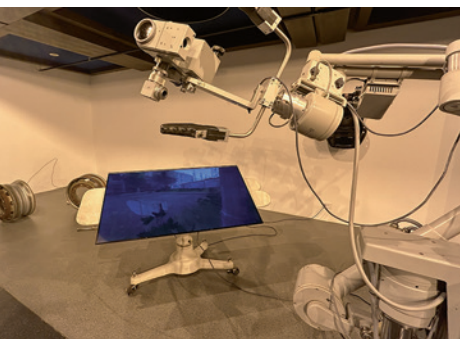
An essential role in modelling the hybrid multi-layered landscape is played by a relief map of the city, filled with crushed asphalt, acting as a sign of artificial soil.

Adding a polar day effect, street lamps are used to illuminate the hall. Bringing outdoor lighting into the hall creates another channel of connection to the places where the artefacts were found and floods all the objects with the same yellow colour.

The artistic expedition was carried out with the support of the Museum of Norilsk and the PolArt Residence.

The Regional Clinical Hospital took part in building up of the installation.

Ансамбль территории

А в Енисее ритуфель

Присяга Кононова-Гредина Делёзу — Гваттари неожиданно сопоставляет его рекомпозицию с животным праискусством, в котором «Птица из влажных лесов Австралии каждое утро сбивает с дерева специально срезаемые ею листья, переворачивает их так, чтобы их бледная внутренняя сторона лучше контрастировала с землёй, сооружает себе таким образом сцену наподобие ready-made и поёт точно над этой сценой... демонстрируя желтизну своих нижних пёрышек на горле». (с. 236 книги «Что такое философия» — последней в творчестве дуэта) Перед нами «песнь детерриториализованной земли».

Поскольку в Норильске нет деревьев, современный художник вместо листвы собирает оестествившиеся «листья металла».

А раздробленный асфальт «норильской» почвы, из которого насыпана карта исходного места, — жест двойной детерриторизации.

И, вдобавок ко всяческому остранению, «земляная карта» зеркалится с вскрытой виртуальной картой игры-бродилки на мониторе. И ещё большой оптический медприбор что-то транслирует — то ли почву на экран, то ли экран на землю...

Такой многоступенчатый «сталкинг» выводит нас из де-компонованного северного ландшафта в «геймерское зазеркалье» и обратно. В итоге даже возникает ощущение, что перед нами разобранный на части гибридный **земляной компьютер**.

Среди ансамбля артефактов есть и верховые моменты — как-то парящая складка рифлёного металла. Видимо, это — след полосы северного сияния. **Форма неба.**

Есть в «ризоморфно организованном пространстве» свой секретик: в «окошке» особняком висящей сварочной маски отсвечивает инвертированный, «перевернутый», красноярский мост над Енисеем.

А маска нужна от очень сильного света полярного дня. Чтобы увидеть «сон в летнюю ночь». Ещё в воздухе сушится стёганое бетоном одеяло, из которого высунулись четыре руки.

Эти Hands over Rome из манускрипта XV века «Пророчество Пап». Что нам **пророчит** это «полярное видение»?

Может, от римского папы «рукой подать» до поэмы Данте? Если автор назвал инсталляцию «Вокализацией», тогда это ещё и интуитивное приближение к понятию «инвокация»? **«Инвокация, обращение к Музам и Аполлону за помощью... Но... Данте... прямо говорит о своей неотложной нужде в их помощи. Ведь предмет его рассказа — не эпизод мифической истории. Он слишком труден для смертного человека: это опыт прижизненного посещения мира бессмертия»** (О. Седакова, комментарий к «Божественной комедии»). Мир бессмертия — метафизическая изнанка Крайнего Севера? Говорил же Рильке: «Россия граничит с Богом».

Сергей Ковалевский

The ensemble of the territory

Ritornello is in the Yenisei

Kononov-Gredin's oath to Deleuze and Guattari unexpectedly juxtaposes his re-composition with animal pre-art, in which “Every morning the *Scenopoetes dentirostris*, a bird of the Australian rain forests, cuts leaves, makes them fall to the ground, and turns them over so that the paler, internal side contrasts with the earth. In this way it constructs a **stage** for itself like a ready-made; and directly above ... while fluffing out the feathers beneath its beak to **reveal their yellow roots**, it sings a complex song made up from its own notes ...” (page 184 of the book *What Is Philosophy*, the last one in the duo's oeuvre). “The song of the *de-territorialized earth*” is before us.

Since there are no trees in Norilsk, the contemporary artist collects naturalised “sheets of metal” instead of foliage.

And the crushed asphalt of the “Norilsk” soil, from which the map of the original place is filled, is a gesture of double de-territorialization.

And, in addition to all sorts of defamiliarization, the “**earth map**” is mirrored with the opened virtual map of the action game on the monitor. Also, a large optical medical device transmits something — either the soil to the screen, or the screen to the soil...

Such multi-stage “stalking” takes us from the de-composed northern landscape through the “gamer's looking glass” and back. In the end, one even gets a feeling that we are facing a hybrid **earth computer** disassembled into parts.

Among the ensemble of artefacts, there are also some over-the-top moments — somehow a floating fold of corrugated metal. Apparently, this is the trace of a streak of northern lights. **The shape of the sky.**

The “rhizomorphically organised space” has its own secret: in the “window” of the welding mask hanging by itself, the inverted, “upside-down” Krasnoyarsk bridge over the Yenisei is reflected.

And the mask is needed as protection against the very strong light of the polar day. To see a “midsummer night's dream.”

There is also a concrete quilt which is drying in the air, with four hands sticking out of it. These Hands over Rome are from the 15th century manuscript *The Prophecy of the Popes*.

What does this “polar vision” **prophecy** for us?

Could it be that the Pope is just “a stone's throw” from Dante's poem? If the artist called the installation *Vocalisation*, then is it also an intuitive approximation to the concept of invocation? **“Invocation, an appeal to the Muses and Apollo for help ... But ... Dante ... speaks explicitly of his urgent need for their help. After all, the subject of his story is not an episode of mythical history. It is too difficult for a mortal person: it is the experience of an *intra vitam* visit to the world of immortality”** (O. Sedakova, commentary on *The Divine Comedy*). Is the world of immortality the metaphysical seamy side of the Far North? Rilke ever said: “Russia borders on God.”

Sergey Kovalevsky

РАССВЕТ-307

КРАСНОЯРСКИЙ ЗАВОД ТЕЛЕВИЗОРОВ

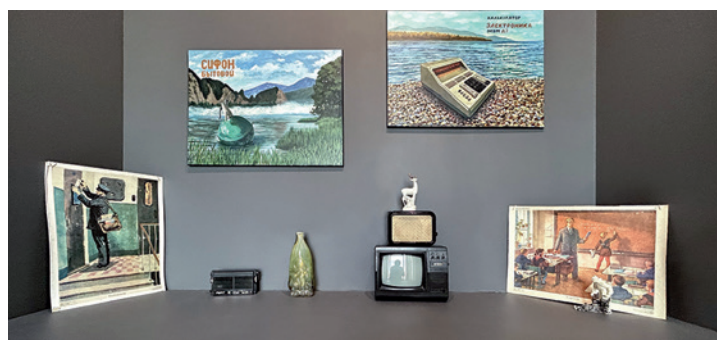
Damir Muratov

WHAT THE YENISEI CARRIES

Eight paintings
Canvas, acrylic

The title implies a twofold understanding of the word “carry”: carry as a load, a burden, or hard work, and carry away as remove something outdated and unnecessary. This series of visual aids depicts various types of Soviet household appliances washed up on the banks of the great Siberian Yenisei River, from a Raketa vacuum cleaner to an old Romantik cassette recorder. The world is changing, a new way of life rises and sets, some objects completely disappear from our lives, but memory is like a tube radio set, it is only necessary to tune in to the right wave. And a song will sound...

Authentic items of Soviet everyday life and visual aids for kindergarten have been added to the exhibition.

Дамир Муратов

ЧТО ВЫНОСИТ ЕНИСЕЙ

8 картин
Холст, акрил

В названии заложено двоякое понимание слова «выносит»: выносит как ношу, как бремя или тяжёлый труд, и выносит вон, выбрасывает как отжившее и ненужное. В этой серии наглядных пособий изображены различные виды советской бытовой техники, вынесенные на берег великой сибирской реки Енисей — от пылесоса «Ракета» до старого кассетного магнитофона «Романтик». Мир меняется, всходит и заходит новый быт, какие-то предметы полностью исчезают из нашей жизни, но память, она как ламповый радиоприёмник, стоит только настроиться на нужную волну. И зазвучит песня...

В экспозицию добавлены подлинные предметы советского быта и наглядные пособия для детского сада.

Собирая «ламповые» приборы-приёмники на речных берегах, Дамир Муратов производит «ламповый сюрреализм». Художник на свою «мягкую» кисть-удочку выудил в реке радионостальгию.

Автор утверждает: «все приборы работают». Если так, то пустой телевизор «Рассвет», наверное, транслирует прозрачность. «Переливами трав, перезвонами рекоколдовано сердце навек». А радиола «Беларусь», погрузившая динамики в реку, распространяет звук по воде, шлёт музыкальный привет. И раздаётся вдаль песня Пахмутовой и Добронравова: «Молодость моя — Белоруссия, Песни партизан, сосны и туман. Песни партизан, алая заря. Молодость моя — Белоруссия».

«Художники — партизаны в мире вещей», — заметил философ Аронсон.

Сергей Ковалевский

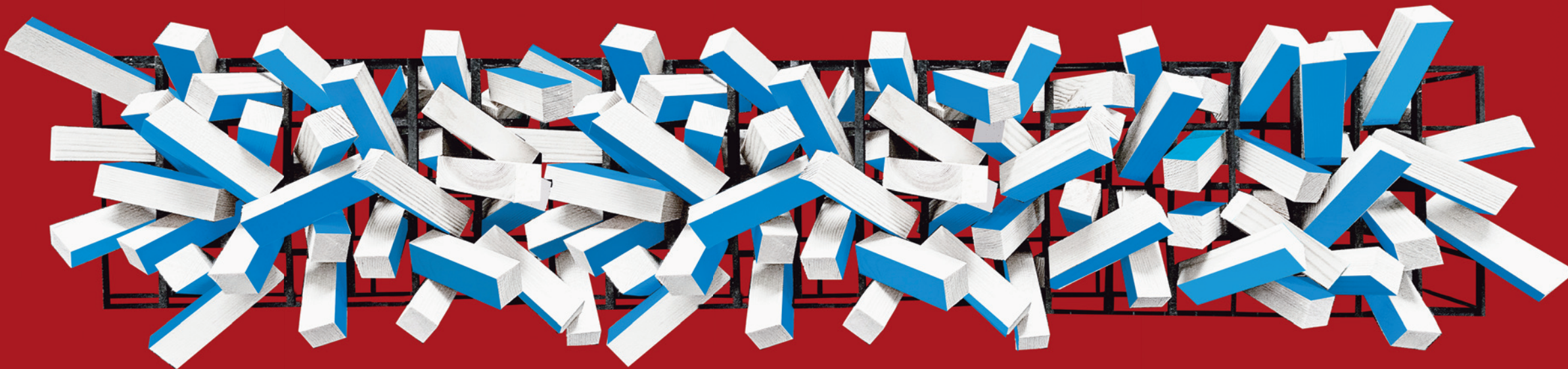
Collecting retro receiver devices on the banks of the river, Damir Muratov produces “retro surrealism.” The artist used his “soft” brush aka fishing rod to fish out radio nostalgia from the river.

The artist claims that “all the devices work.” If so, then the empty Rassvet TV set is probably broadcasting transparency. “By the play of colours of grass and the chimes of rivers the heart is bewitched forever.” And the Belarus radio-gramophone, having immersed its speakers in the river, spreads the sound through the water and sends musical greetings. And a song of Pakhmutova and Dobronravov can be heard into the distance: “My youth is Belarus, Songs of partisans, pines and fog. Songs of partisans, scarlet dawn. My youth is Belarus.”

“Artists are **partisans in the world of things**,” noted the philosopher Aronson.

Sergey Kovalevsky

Специальный проект

Сергей Ковалевский, Вадим Марьясов
ЛЁД ТРОНУЛСЯ

Инсталляция в Аванзале Музейного центра «Площадь Мира»

Первое, что приходит жителям красноярского севера на ум при вопросе о «енисейском цвете», — это удивительный цвет обломков льда, когда по весне вскрывается река. Наползающие друг на друга торосы открывают под коркой снега своё «внутреннее стеклянное» тело голубых и изумрудных оттенков. Иногда, когда зимняя переправа уже нарушилась и ещё не пошёл паром между берегами, людям приходится совершать переход Енисея — с автобуса на автобус, лавируя между вставшими на дыбы льдинами... А жители Норильска специально преодолевают дистанцию в 90 километров до Дудинки, чтобы увидеть завораживающее енисейское зрелище — вскрытие голубого льда.

По-своему знаменательно, что, используя блоки «зеркальных нейронов», мы пересобираем инсталляцию 2021 года в горизонтальный фрагмент затороженной поверхности реки. То, что было регулярным, становится хаотичным.

«Плывущая» в воздухе «взъерошенная льдина» напоминает о нашей бессознательной тяге к Северу.

Возвышенный отрезок метафизического пути «в стиле» романтика К.Д. Фридриха привлекает фигуру Странника. И как-то само собою вышло (из темноты «Воскресения»), что эту роль играет девочка. Героине нашей зеркально-ледяной истории, забравшейся по красному всплеску материи на супрематическое облако, открывается мироощущение, ведомое исихасту-страннику, который бродил в XIX веке по сибирскому лесу. «За "грубою корою вещества" он видит божественные логосы» зверей, людей и вещей. «Он познал сам и учит нас тому... что весь видимый мир представляет собою необъятное органическое целое, связанное союзом любви» (Архимандрит Киприан, 1948).

И вместе с тем что-то есть в этом персонаже от беньяминовского Нового Ангела, смотрящего на «фундаментальную катастрофичность истории». Парящая над скульптурой большевиков-триумфаторов парадоксальная «аллегория ангела разрушает... представление об истории как о процессии победителей. Вместо рационально познаваемой истории ангел наблюдает радикальную фрагментацию» временного опыта. И в этой прерывистости — залог открытости будущего.

Сергей Ковалевский

Special project

Sergey Kovalevsky, Vadim Maryasov
THE ICE BROKE UP

Installation in the entrance hall of the Ploschad Mira Museum Centre

The first thing that comes to mind for people of the Krasnoyarsk north when asked about *the colour blue of the Yenisei* is the amazing colour of ice fragments when the river opens up in spring. The hummocks creeping on top of each other reveal their “inner glass” body of blue and emerald shades under the crust of snow. Sometimes, when the winter crossing is already disrupted and there is no ferry between the banks yet, people have to cross the Yenisei — from bus to bus, manoeuvring between rearing ice floes... And residents of Norilsk specially overcome a distance of 90 kilometres to Dudinka to see the mesmerising Yenisei spectacle — the opening of blue ice.

It is significant in its own way that, using blocks of “mirror neurons,” we are reassembling the 2021 installation into a horizontal fragment of the hummocked surface of the river. What was regular becomes chaotic.

The “ruffled ice floe” as if “floating” in the air reminds us of our unconscious craving for the North.

The sublime section of the metaphysical road “in the style” of the romanticist C.D. Friedrich attracts the figure of the Wanderer. And somehow it came out naturally (from the darkness of Sunday) that this role is played by a girl. The heroine of our mirror-icy story, who climbed a red splash of matter onto a suprematist cloud, discovers the worldview known to the Hesychast Wanderer who wandered through Siberian forests in the 19th century. “Behind the ‘coarse crust of matter,’ he sees the divine logos” of animals, people, and things. “He knew himself and teaches us ... that the entire visible world is an immense organic whole, bound together by a union of love” (Archimandrite Cyprian, 1948).

And yet, there is something in this character from Benjamin’s *Angelus Novus*, looking at the “fundamental catastrophic nature of history.” Hovering over the sculpture of the Bolshevik triumphers, the paradoxical “allegory of an angel destroys ... the idea of history as a procession of victors. Instead of a rationally cognisable history, the angel observes a radical fragmentation” of temporal experience. And this discontinuity is the key to the openness of the future.

Sergey Kovalevsky

фото:
(слева направо, сверху вниз)
Алексей Арлюков
Ирина Шевчук
Андрей Грачев, «Льды у мыса Хобой»

Входная инсталляция «Лёд тронулся»

Entrance installation THE ICE BROKE UP

Входная инсталляция «Лёд тронулся»

Entrance installation THE ICE BROKE UP

Метафор(м)а площади мира

В центре музея парит большая метафора, с которой связаны все этажи.

«Льдина» над головой нас слегка окунает под ени-воду. Путешествуя по музейному пространству, мы как бы выныриваем и взлетаем над ней. И, только «пройдя свой путь до середины», мы открываем возможность другого пути. В этот момент обнаруживается наше альтер-эго: ангелица истории — ледоходная странница.

Поневоле приходит на ум делёзианская максима преобразования, где первая фаза — **«становление девочкой»...** (женщиной и ребёнком).

У девочки-сиротки много имён: Аня (Карамзوف), Алиса (Кэрролла), Шура... Теперь, наверное, **Вера**. Сначала наша «маленькая Вера» вышла из Панорамы **воскресения**. Затем пошла по стене, вспоминая медленный перформанс Лорбеера. Сегодня она перешла с ковровой дорожки космонавта, на которой продержалась 8 лет, на облачную структуру. Возможно, всё это — фазы процесса **вознесения?**

Ольга Седакова, разбирая силу поэзии, производящую «освобождающее, антигравитационное действие», пишет: «Материя поэзии в большой мере состоит из нашей веры в неё. Прозаика — «когда он не поэт» — мы можем читать, не совершая этого прыжка веры».

Прыжок веры — как это подходит к возвышенно-кубистической сборке в музейном атриуме!

«Веря поэту, мы верим такой истине, которая, как и его слово, — вещь не смысловая, а силовая».

И в терминах небесной иерархии нашему напряжённому горизонту соответствует номинация **Силы**.

«Греки называли прозу "пешей речью". Что же тогда... поэзия? Верховая езда? <...> Нет: это шаг танца. Танцуй, никуда не придёшь. Но и не требуется приходить: мы уже и так там, где надо, в мгновенном центре мира» (О. Седакова).

Движение ледохода — **«путь» танца!** Блоки не торосятся, не крушатся, не сплавляются. Они танцуют!

Тогда и наша героиня — танцующая в темноте? Или же она пребывает в стоянии посреди танцующего мира? В той амехании, которую способны удерживать лишь герои рассеянных состояний.

Здесь и сейчас снова вспоминается инсталляция «Облако рай», однажды зависшая над платформой (2012). Опять проявляется устойчивый мотив «музея мира». Кажется, за этой фигурой встаёт предельная тема **«инпарадизации»**, которую ввёл Данте: «Смотреть на всё с точки зрения рая». Или — возвращения в рай.

На новый свет из мрака Музея революции стремятся выйти инвалидные дети XX века — «таёжные» брат и сестра. Знаком стремления из центра огромной стены выступает балкон — окончание «развёртки» Чёрного ящика. Как будто наш «контейнер события» — фигура в 4 измерениях наподобие тессеракта... Так в воздухе, в пространстве «каньона» возникает встреча двух путей — чёрного и белого. Видно, этот **ледяной поход** детей — всё та же «**дорога к невозможному, на которой только и можно чего-то достичь**» (М. Мамардашвили).

В композиции из «найденных» объектов сочетается **фигуративность** и **абстрактность**. Составляющие шугу геометрические блоки — ещё и «платоновы тела». По Платону, эйдос — это внутренняя идея вещи. В этой древнегреческой перспективе наша композиция первоэлементов есть **«первичный архив** всего сущего в виде абстрактных образов, чертежей-эталонов, существующих вне физического мира, но эманлирующих в материальное». То есть «льдины» содержат идеи, эйдосы вещей. Но это — музейное задание на завтра: как вещи становятся теоретичны? Как эйдосы возгоняют свою виртуальность в материю? Сегодня мы регистрируем метафору: над, перед и под нами — **поле** топорщащихся **идей вещей**.

А может быть, эти блоки — и заготовки? Тогда шевелящаяся масса — первичная материя, пассивное субстанциальное начало, архэ, которое ждёт воздействия силы **оформления**. И наша героиня начинает этот процесс: делая пассы рукой, возбуждает материю...

Выражение «Лёд тронулся» означает ещё, что он тронут рукой ребёнка-«демиурга». Ещё деталь — продолговатые призмы высотой с человека (180 см)! Из одного блока уже получилась девочка-странница.

Да и сама «шуга» — проекция тела странника. Как говорит Биbihин: **«Безмолвный лес — это ближайшее, русское тело Странника»**. Тектонический хаос вскрывающейся синевы в виде блоков-«стволов» — есть визуализация «леса странника». Его агрегатное состояние. **«Человек тонет в лесу»**, как растворяется в материи...

Metaphor and metaform of the Ploschad Mira

A large metaphor hovers in the centre of the museum and all the floors are connected with it. The “ice floe” above our heads slightly dips us in the Yeni-water. Travelling through the museum space, we seem to surface and soar above it. And only by “going our way to the middle,” we discover the possibility of another path. At this moment, our alter ego is revealed: the angel of history — the ice drift wanderer.

Inevitably, the Deleuzian maxim of transformation comes to mind, where the first phase is **“becoming a girl”** (a woman and a child).

The orphan girl has many names: Anya (Karamazov), Alice (Carroll), Shura... Now, probably, **Vera** (which literally means “faith”). First, our “little Vera” came out of the *Panorama of Sunday*. Then walked along the wall, remembering Lorbeer’s slow performance. Today, she has moved from the astronaut’s carpeted walkway, on which she has stayed for 8 years, to the cloud structure. Perhaps these are all phases of the **ascension** process?

Olga Sedakova, parsing the power of poetry, which produces a “liberating, antigravitational effect,” writes: “The matter of poetry largely consists of our faith in it. We can read a prose writer — ‘when he is not a poet’ — without making that leap of faith.”

A leap of faith — how fitting it is for the sublime cubist assembly in the museum atrium! “By believing a poet, we believe such a truth which, like their word, is not a thing of meaning, but of power.”

And in terms of the celestial hierarchy, our tense horizon corresponds to the nomination of **Power**.

“The Greeks called prose ‘walking-speech.’ Then, what is ... poetry? Horseback riding? [...] No: it is a dance step. Dancing does not get you anywhere. But there is no need to come: we are already where we need to be, in the instant Centre of the World” (O. Sedakova). The movement of the ice drift is the **“path” of dance!** The blocks do not pile up, do not crumble, and do not float. They are dancing!

Is our heroine then a dancer in the dark? Or is she standing in the middle of a dancing world? In that amechania that only the heroes of absent-minded states are able to maintain.

Here and now, the installation *Cloud Paradise*, once hovering above the platform (2012), comes to mind again. The persistent motif of the Museum of the World manifests itself again. It seems that behind this figure stands the ultimate theme of **Paradiso**, which was introduced by Dante: “Look at everything from the point of view of paradise.” Or — the return to paradise.

The disabled children of the 20th century, the “taiga” brother and sister, are striving to emerge from the darkness of the Museum of the Revolution into a new light. From the centre of the huge wall, as a sign of aspiration comes the balcony — the end of the “unfolding” of the Black Box. As if our “event container” is a figure in four dimensions like a tesseract... Thus, in the air, in the space of the “canyon,” there is a meeting of two paths — black and white. Apparently, this **ice journey** of children is still the same **“road to the impossible, which is the only way to achieve something”** (M. Mamardashvili).

The composition of “found” objects combines **figurativeness** and **abstraction**. The geometric blocks that make up floating ice sludge are also “Plato’s bodies.” According to Plato, eidos is the inner idea of a thing. In this ancient Greek perspective, our composition of primordial elements is “the **primary archive** of all that exists in the form of abstract images, reference drawings that is outside the physical world, but emanates into the material.” That is, the “ice floes” contain ideas, eidos of things. But this is a museum assignment for tomorrow: how do things become theoretical? How do eidos sublimate their virtuality into matter? Today, we register a metaphor: above, in front of, and below us is a **field** of bristling **ideas of things**.

Or maybe these blocks are also blanks? Then the moving mass is primary matter, a passive substantial principle, arche, which awaits the influence of the force of **design**. And our heroine begins this process: by making passes with her hand, she excites the matter... The expression “the ice broke up” also means that it was touched by the hand of the demiurge child.

Another detail is oblong prisms as tall as a person (180 cm)! One block has already turned into the wanderer girl.

And the “floating ice sludge” itself is a **projection of the wanderer’s body**. As Bibikhin says: **“The silent forest is the nearest, Russian body of the Wanderer.”** The tectonic chaos of the colour blue becoming free of ice in the form of “trunk” blocks is a visualisation of the “wanderer’s forest.” Its aggregative state. **“A person drowns in the forest,”** as he or she dissolves in the matter...

Странники, «не имея пребывающего **града**, искали **грядущего**». Наш ангел истории стоит на обломках цивитас, из которых собирается будущий город. Небесный «Иерусалим» (в переводе с древнееврейского — «место мира»).

Ледоходная **супрематическая платформа** — это и символ *Перевернутой России*, как подсказывает надпись на стене.

Памятуя о происхождении нашей «героини становления» из старорусской шарманной сиротки, мы вдруг отчётливо услышали, что она поёт, глядя на ледовое побоище: «**Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне**». Видно, «горит она синим пламенем». Усиленный панорамой «Воскресения на площади», этот импульс передаётся на вход в основной проект биеннале образом **пылающей синевы**.

В общем, беньяминовско-бибихинские обертоны вышележащего комментария сводят ассоциативные ряды к мысли о «слабой **мессианской**» **структуре** ледяного облака смыслов.

Сергей Ковалевский

The wanderers, “do not have an abiding city, but are seeking for the **coming one**.” Our angel of history stands on the ruins of civitas, from which the future city is being assembled. Heavenly “Jerusalem” (translated from Hebrew as “place of peace”).

The ice-breaking **suprematist platform** is also a symbol of *Inverted Russia*, as the inscription on the wall suggests.

Remembering the origin of our “heroine of formation” from an old Russian charming orphan girl, we suddenly and clearly heard her singing while looking at the ice battle: “**Transvaal, Transvaal, my country, you are all in flames**.” Apparently, “it is burning with blue flames.” Strengthened by the panorama of *Sunday on the Square*, this impulse is transmitted to the entrance to the main project of the Biennale by the image of the **flaming colour blue**.

In general, the Benjamin-Bibikhin overtones of the above commentary reduce the associative series to the idea of a “weak **messianic**” **structure** of an icy cloud of meanings.

Sergey Kovalevsky

POLART ПОЛЯРНАЯ АРТ-РЕЗИДЕНЦИЯ: 2016—2023

Художники:

Ассоциация норильских дизайнеров «АНОД» (Норильск)
Марина АКИШИНА (Ярославль)
Стас БАГС (Санкт-Петербург)
Анна БЕРНАЛЬ (Санкт-Петербург)
Оксана ДЕВОЧКИНА (Будапешт, Венгрия)
Александр ЖУНЁВ (Пермь)
Мария ЗАИКИНА (Москва)
Мария ИВАНОВА (Санкт-Петербург)
Анис КРОНИДОВА (Санкт-Петербург)
Анастасия КУЗНЕЦОВА (Санкт-Петербург)
Дарья ЛИСИЦЫНА (Пенза)
Людмила ЛУНЦ (Санкт-Петербург)
Маргарита МАКАРОВА (Москва)
Евгения МАЧНЕВА (Санкт-Петербург)
Людмила МИХАЙЛОВА (Москва)
Лукия МУРИНА (Томск)
Елизавета НАРКЕВИЧ (Москва)
Сергей НОВИКОВ (Москва)
Алиса ОЛЕВА (Москва — Лондон)
Алексей ПАВЛОВ (Санкт-Петербург)
Сергей ПОТЕРЯЕВ (Екатеринбург)
Татьяна САФОНОВА (Санкт-Петербург)
Владимир СЕЛЕЗНЕВ (Екатеринбург)
Анна ТОЛКАЧЁВА (Нижний Новгород)
Анна ФОБИЯ (Москва)
Арт-группа «ФРУКТЫ» (Пермь)
Андрей ЧУГУНОВ (Екатеринбург)
Татьяна ЭФРУССИ (Париж, Франция)
Виктор ЮЛЬЕВ (Санкт-Петербург)
Екатерина ЮШКЕВИЧ (Санкт-Петербург)
NIZINA, Kristina SHKILYOVA and Kristina SERGEEVA (Санкт-Петербург)
SASHAPASHA, Александра и Павел РОТЦ (Хельсинки, Финляндия)

Команда PolArt резиденции:
Наталья Федянина, куратор
Анна Рахматулина, координатор
Василий Мороз, арт-директор
Алексей Мороз, экспозиционер
Екатерина Вышинская, менеджер

Экспозиционер выставки:
Сергей Ковалевский

Благодарности от команды PolArt:

- за возможности представить архив резиденции на биеннале нашему партнёру в Красноярске — Музейному центру «Площадь Мира» и лично Сергею Ковалевскому за кураторское содействие в организации пространства и за многолетнее сотрудничество с резиденцией в качестве эксперта;
- администрации города Норильска, оказавшей поддержку в рамках программы юбилейных мероприятий к 70-летию статуса присвоения города Норильску;
- эндаумент-фонду «Наш Норильск» за грантовую поддержку резиденции в 2021—2023 гг.

POLART POLAR ART RESIDENCE: 2016—2023

Artists:

Association of Norilsk Designers ANOD (Norilsk)
Marina AKISHINA (Yaroslavl)
Stas BAGS (St. Petersburg)
Anna BERNAL (St. Petersburg)
Andrey CHUGUNOV (Yekaterinburg)
Oksana DEVOCHKINA (Budapest, Hungary)
Tatiana EFRUSSI (Paris, France)
Anna FOBIA (Moscow)
Art group FRUITS (Perm)
Maria IVANOVA (St. Petersburg)
Anis KRONIDOVA (St. Petersburg)
Anastasia KUZNETSOVA (St. Petersburg)
Darya LISITSYNA (Penza)
Ludmila LUNTS (St. Petersburg)
Margarita MAKAROVA (Moscow)
Evgeniya MACHNEVA (St. Petersburg)
Lyudmila MIKHAYLOVA (Moscow)
Lukia MURINA (Toms)
Elizaveta NARKEVICH (Moscow)
NIZINA, Kristina SHKILYOVA and Kristina SERGEEVA (St. Petersburg)
Sergey NOVIKOV (Moscow)
Alisa OLEVA (Moscow — London)
Alexey PAVLOV (St. Petersburg)
Sergey POTERYAEV (Yekaterinburg)
Tatiana SAFONOVA (St. Petersburg)
SASHAPASHA, Aleksandra and Pavel ROTTS (Helsinki, Finland)
Vladimir SELEZNEV (Yekaterinburg)
Anna TOLKACHEVA (Nizhny Novgorod)
Victor YULIEV (St. Petersburg)
Ekaterina YUSHKEVICH (St. Petersburg)
Maria ZAIKINA (Moscow)
Aleksandr ZHUNEV (Perm)

PolArt Residence team:
Natalya Fedyanina, curator
Anna Rakhmatulina, coordinator
Vasiliy Moroz, art director
Alexey Moroz, exhibition designer
Ekaterina Vyshinskaya, manager

Exhibition designer:
Sergey Kovalevsky

The PolArt team expresses gratitude

- for the opportunity to present the archive of the Residence at the Biennale to our partner in Krasnoyarsk — the Ploschad Mira Museum Centre and to Sergey Kovalevsky personally for his curatorial assistance in organising the space and for many years of cooperation with the Residence as an expert;
- to the administration of the city of Norilsk, which provided support within the events programme for the 70th anniversary of the assignment of the status of the city to Norilsk;
- to the Our Norilsk Endowment Fund for grant support of the Residence in 2021—2023.

PolArt резиденция

Программа музейно-выставочного комплекса «Музей Норильска» направлена на поддержку современного искусства — самых ярких и смелых проектов, ориентированных на художественное исследование городской среды Норильска.

Арт-резиденция была открыта в 2016 году муниципальным музеем, который получил помещение и содействие в его содержании от администрации города. Также музей привлекает дополнительные средства на развитие направления через участие в различных грантодающих благотворительных программах.

Отбор резидентов осуществляется профессиональным экспертным советом резиденции на конкурсной основе. Для этого PolArt ежегодно проводит открытый конкурс, который предоставляет российским художникам и кураторам возможность приезжать, жить и работать в Норильске, создавать художественные произведения на местном материале, развивать местные художественные сообщества и территорию. Главное условие — проект резидента должен быть обязательно ориентирован на работу со спецификой места, с норильским контекстом, с особенностями городской среды, ландшафта, сообщества.

Засемь лет работы PolArt было реализовано 33 резидентских проекта — практически все они представлены на биеннале. Впервые их можно видеть за пределами Норильска и впервые одновременно в едином пространстве.

Среди авторов — художники со всей страны, как очень известные имена, лауреаты престижных премий по современному искусству, так и те, кто только однажды громко заявил себя, откликнувшись на норильский конкурс, их работы почти нельзя встретить на других арт-площадках. Они станут открытием даже для профессиональной аудитории. Несколько резидентских проектов ярко предьявляют норильскую идентичность через соучастные практики, через личные истории и высказывания горожан. Среди них — единственные норильские резиденты — Ассоциация норильских дизайнеров АНОД, проект которых сложился в новый городской фольклор. «Норильские цитаты» вышли из народа и пошли в народ. Их интересно в буквальном смысле примерить к себе: так ёмко, образно и иронично представлена в них жизнь в Норильске.

PolArt сегодня — самая неформальная и экспериментальная площадка Норильска, генератор постоянного потока событий, объединяющих вокруг себя норильское творческое сообщество, формирующая аудиторию, заинтересованную в образовательных и культурных практиках. Норильск стал одним из немногих российских городов, где была открыта арт-резиденция, в частности, первой в Красноярском крае.

Стоит отметить, что управление арт-резиденцией — дело хлопотное, энергозатратное, но на длинной дистанции очень благодатное. Постепенно в Музее Норильска за это время появилась значимая коллекция актуального современного искусства. В художественной среде, среди профессиональных институций современного искусства у города сложилась серьёзная репутация; среди художников появились настоящие агенты Норильска, желающие возвращаться в него с новыми идеями снова и снова, потому что нашли в далёком арктическом городе дружескую поддержку и неисчерпаемый источник вдохновения. А Музей Норильска создал неоценимый инструмент, благодаря которому буквально пишет историю места, меняет взгляды на искусство и его роль в обществе, продюсирует появление новых произведений и даже сценариев развития территории. Музей города в духе самых актуальных тенденций включает в повестку музейной работы настоящее и будущее города.

Наталья Федянина,
куратор PolArt резиденции,
директор MBK «Музей Норильска»

PolArt Residence

The programme of the museum and exhibition complex Museum of Norilsk is aimed at supporting contemporary art — the brightest and most daring projects focused on the artistic exploration of the urban environment of Norilsk.

The Art Residence was opened in 2016 by the municipal museum, which received the premises and assistance in its maintenance from the city administration. The museum also raises additional funds for the development of the area through participation in various grant-giving charitable programmes.

Residents are selected by a professional expert council of the Residence on a competitive basis. For this purpose, PolArt holds an annual open competition, which gives Russian artists and curators the opportunity to come, live, and work in Norilsk, create works of art using local materials, and develop local artistic communities and territory. The main condition is that the resident's project must be focused on working with the specifics of the place, with the Norilsk context, with the peculiarities of the city environment, landscape, and community.

Over the seven years of PolArt's work, 33 resident projects have been realised and almost all of them are presented at the Biennale. For the first time, they can be seen outside of Norilsk and, for the first time as well, simultaneously in a common space.

Among the creators are artists from all over the country, both very well-known names, winners of prestigious awards in contemporary art, and those who have come into the spotlight only once by responding to the Norilsk competition, and their works are almost impossible to find on other art platforms. They will be a revelation even for a professional audience. Several resident projects vividly present Norilsk identity through participatory practices, personal stories, and statements of city residents. Among them, the only Norilsk residents are the Association of Norilsk Designers ANOD, whose project has developed into a new urban folklore. Norilsk quotes are of the people and have become of everyday usage of the people again. It is interesting to literally try them on: they represent life in Norilsk so capaciously, figuratively, and ironically.

PolArt today is the most informal and experimental platform in Norilsk, a generator of a constant flow of events that unite the Norilsk creative community and form an audience interested in educational and cultural practices. Norilsk became one of the few Russian cities to open an art residence, in particular, the first one in Krasnoyarsk Krai.

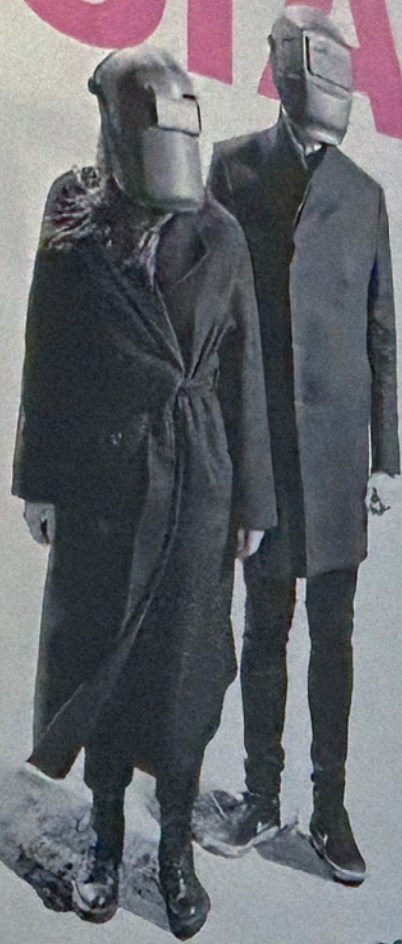
It is worth mentioning that managing an art residence is a troublesome and energy-consuming task, but it is very rewarding in the long run. During this time, the Museum of Norilsk has gradually acquired a significant collection of actual contemporary art. The city has developed a serious reputation in the artistic community and among professional institutions of contemporary art; among artists there are real agents of Norilsk, who want to return there with new ideas again and again, because they have found friendly support and an inexhaustible source of inspiration in the distant Arctic city. And the Museum of Norilsk has created an invaluable tool, thanks to which it literally writes the history of the place, changes views on art and its role in society, produces new works and even scenarios for the development of the territory. The city museum, in the spirit of the most current trends, includes the present and future of the city in the agenda of museum work.

Natalya Fedyanina,
curator of PolArt Residence,
director of the MEC Museum of Norilsk

POLArt

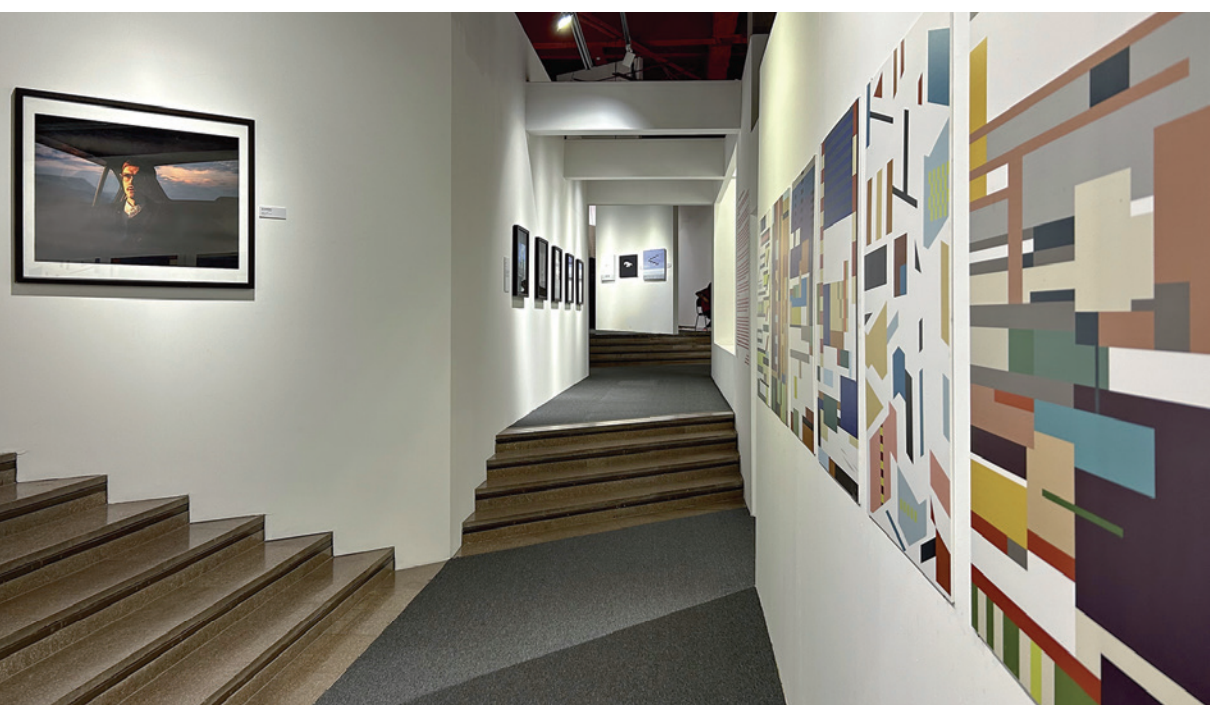

2023

2016
полярная арт-резиденция

БЕЛЫЕ 3

Татяна САФОНОВА
Tatiana SAFONOVA

NIZINA,
Кристина ШКИЛЁВА
и Кристина СЕРГЕЕВА
Kristina SHKILYOVA
and Kristina SERGEEVA

Мария ЗАИКИНА
Maria ZAIKINA

Сергей ПОТЕРЯЕВ
Sergey POTERYAEV

НОРКОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ПОТЕРЯЕВ

Стас БАГС
Stas BAGS

Евгения МАЧНЕВА
Evgeniya MACHNEVA

Лукия МУРИНА
Lukia MURINA

Виктор ЮЛЬЕВ
Victor YULIEV

Евгения МАЧНЕВА
Evgeniya MACHNEVA

Виктор ЮЛЬЕВ
Victor YULIEV

Виктор ЮЛЬЕВ
Victor YULIEV

Алексей ПАВЛОВ
Alexey PAVLOV

Алексей ПАВЛОВ
Alexey PAVLOV

Гостевой проект PolArt. Полярная арт-резиденция: 2016–2023

Мария ИВАНОВА
Maria IVANOVA

Елизавета НАРКЕВИЧ
Elizaveta NARKEVICH

Guest project POLART. POLAR ART RESIDENCE: 2016–2023

Владимир СЕЛЕЗНЕВ
Vladimir SELEZNEV

Анастасия КУЗНЕЦОВА
Anastasia KUZNETSOVA

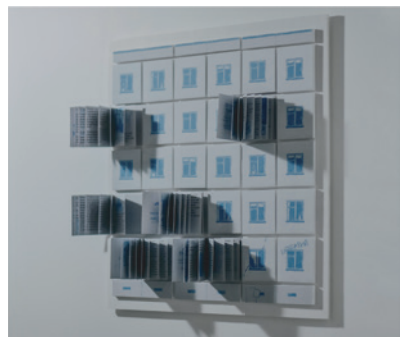
Анис КРОНИДОВА
Anis KRONIDOVA

Сергей НОВИКОВ
Sergey NOVIKOV

Анастасия КУЗНЕЦОВА
Anastasia KUZNETSOVA

Анна БЕРНАЛЬ
Anna BERNAL

Оксана ДЕВОЧКИНА
Oksana DEVOCHKINA

• Ludmila Luntz •

Марина АКИШИНА
Marina AKISHINA

Людмила ЛУНЦ
Ludmila LUNTS

Марина АКИШИНА
Marina AKISHINA

Мария ЗАИКИНА
Maria ZAIKINA

Анна ФОБИЯ
Anna FOBIA

Виктор ЮЛЬЕВ
Victor YULIEV

Дарья ЛИСИЦЫНА
Darya LISITSYNA

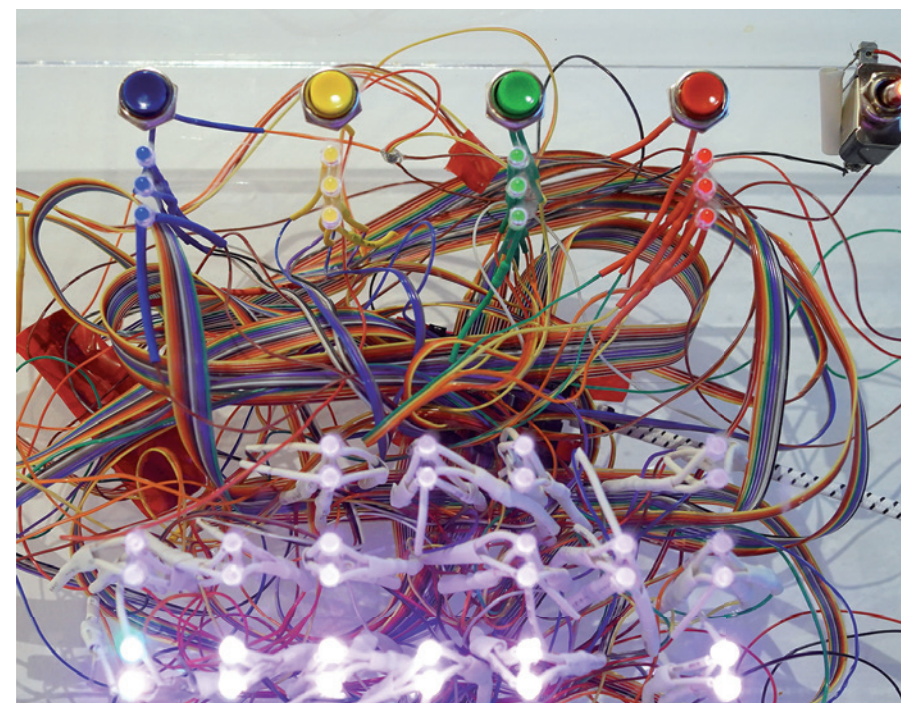

SASHAPASHA

Гостевой проект PolArt. Полярная арт-резиденция: 2016–2023

Екатерина ЮШКЕВИЧ
Ekaterina YUSHKEVICH

Анна ТОЛКАЧЁВА
Anna TOLKACHEVA

Guest project POLART. POLAR ART RESIDENCE: 2016–2023

Людмила МИХАЙЛОВА
Lyudmila MIKHAYLOVA

Анастасия КУЗНЕЦОВА
Anastasia KUZNETSOVA

Арт-группа «ФРУКТЫ»
Art group FRUITS

Анна ТОЛКАЧЁВА
Anna TOLKACHEVA

Андрей ЧУГУНОВ
Andrey CHUGUNOV

Авторы «полярных видений»

Они прилетают, как правило, с материка. Хотя земля эта не является островом в общепринятом смысле. Но находится она будто бы очень далеко, там, где природные стихии так искажают пространство, что расстояние исчисляется не километрами, а неопределённым временем. Их манит туда неизведанное, парадоксальное, и чем более труднодоступное, тем более желанное. Люди эти — художники. Место это — Норильск. Арктический мегаполис, индустриальный гигант, созданный и существующий вопреки всему, оплот цивилизации на севере, «космическая тарелка», приземлившаяся сто лет назад в бескрайней таймырской тундре на землях кочевников. Даже местные жители чаще всего называют его не город, а «территория».

Территория эта меняет человека. И, что особенно ярко проявляется на суровых отдалённых рубежах, человек имеет много возможностей менять территорию. Сознание здесь определяет бытие. Острота восприятия и вдохновение зашкаливают. Искусство обретает мощную силу влиять на будущее.

Ныне нишу одного из способов обретения понимания мира и себя в нём заняло современное искусство, по сути, стало формой непрерывного образования, позволяющей не только фиксировать время, но и экспериментировать, выдвигать самые смелые, фантастические версии из прошлого, настоящего и даже будущего.

Проводниками в возможные миры теперь наряду с учёными и философами становятся современные художники — интеллектуалы, способные включаться в гетерогенные местные сообщества и совместно с жителями развивать свои идеи. Точкой входа для таких визионеров в Норильске стала арт-резиденция PolArt.

Музейная арт-резиденция приглашает художников и кураторов исследовать территорию, создавать свои версии места, конструировать и приближать будущее северного города — его новую визуальность прежде всего. «Создавать мечту о новом Норильске, которая через творческое осмысление обретает свой образ, цвет, стиль, череду событий и приверженцев и в конечном счёте своё воплощение» (из миссии резиденции).

Художественный миф о Норильске, созданный и населённый резидентами PolArt, благодаря их «полярным видениям» — разнообразию оптик, жанров, тем и смыслов — позволяет приблизиться к пониманию нашего исключительного и парадоксального места.

Наталья Федянина

Authors of "Polar Visions"

They come, as a rule, from the mainland. Although this land is not an island in the conventional sense. But it seems to be very far away, where natural elements distort space so much that the distance is counted not in kilometres but in indefinite time. They are beckoned there by the unknown, the paradoxical, and the more inaccessible, the more desirable. These people are artists. This place is Norilsk. An Arctic megalopolis, an industrial giant created and existing against all odds, a stronghold of civilisation in the north, a “space flying saucer” that landed a hundred years ago in the endless Taymyr tundra on the lands of nomads. Even the locals most often call it not a city, but a “territory.”

This territory changes a person. And, which is especially evident on the harsh remote frontiers, a person has many opportunities to change the territory. Here, consciousness determines being. The acuity of perception and inspiration is off the scale. Art acquires powerful force to influence the future.

Nowadays, contemporary art has taken the niche of one of the ways of gaining understanding of the world and oneself in it. In fact, it has become a form of continuous education, allowing not only to fix time, but also to experiment, to put forward the most daring, fantastic versions of the past, present, and even future.

Along with scientists and philosophers, modern artists-intellectuals are now becoming guides to possible worlds, capable of joining heterogeneous local communities and developing their ideas together with residents. The PolArt Art Residence became the entry point for such visionaries in Norilsk.

The museum Art Residence invites artists and curators to explore the territory, create their own versions of the place, design and bring closer the future of the northern city — its new visuality above all. “To create a dream of new Norilsk, which, through creative comprehension, acquires its own image, colour, style, series of events and supporters, and ultimately its embodiment” (from the mission of the Residence).

The artistic myth of Norilsk, created and inhabited by PolArt residents, thanks to their “polar visions” — a variety of optics, genres, themes, and meanings — allows us to come closer to understanding our exceptional and paradoxical place.

Natalya Fedyanina

ПО ВОЛНАМ НАШЕЙ ПАМЯТИ

Сложные плакаты Дмитрия Рекина

Художник плаката XV Красноярской музейной биеннале Дмитрий Рекин — известный русский графический дизайнер. Живёт и работает в Нижнем Новгороде — городе на Волге. Участник и победитель многих международных конкурсов. Среди важнейших — две премии на Международной биеннале графического дизайна «Золотая Пчела 14» (2020), первое место международной биеннале в Боливии (2019), бронза биеннале в Люблине (2017), золото Международной триеннале эко-плаката «4-й блок» (Харьков). Организатор международной биеннале дизайна Strelka.

Креативный формат музейной биеннале всегда благоволил сопредельным видам «искусства памяти». Не исключение в ряду творческих практик наследия и концептуально-графическое мышление.

В работах Дмитрия Рекина отчётливо звучит меморативная интонация, он конструирует пространство и формирует объекты из ткани коллективных воспоминаний, из материи запечатлённого времени. В его листах много кулис и занавесов, за которыми открывается глубина исторических сцен, составляющих авторский «театр памяти».

«Визуально даже сложноструктурные мои работы воспринимаются единым цельным образом, а потом уже в них начинают обнаруживаться детали, в которых кроются маленькие истории, метафоры. Мне нравится создавать многоуровневые истории, в них и веду диалог со зрителем», — говорит Рекин.

При таком многослойном магическом конструктивизме дизайнеру нравится, когда получается случайно: «Нажал какую-то кнопку, отключил/включил или отзеркалил/перевернул — и вот оно. Хорошо, когда в таком поиске вдруг проявляется неожиданная форма, пятно. Ещё нравится в работах сознательно идти против законов композиции. Специально делаю так, чтобы передать зрителю чувство дискомфорта, неудобного тяготения. Чтобы зритель почувствовал: что-то не так, что-то неправильно.

Простой плакат слишком быстро считывается. Сложный останавливает внимание, заставляет читать. Мне надо, чтобы люди подошли, увидели и начали копаться: зачем этот шум, он здесь лишний? А это не лишний шум...»

Развёрнутая напротив фрески «слоистого горизонта» Алёны Кирцовой, экспозиция плакатов вступает в тонкий концептуальный резонанс. Между двумя сторонами фойе возникает «слабое взаимодействие»: пространственный прилив «Неба-берега-реки» встречается с волнами струнных и духовых структур волжского артиста. Здесь «инфрацвет» смешивается с «инфразвуком».

Что делает «сцено-графика» Рекина на «мировой» платформе Енисеесинева? Вероятно, ловит в барочных сумерках современности отблески тусклого сияния золота чеховских надежд. 130 с лишним лет назад, стоя на красноярском берегу, будущий мировой драматург тоже зеркально рифмовал судьбы двух значимых русских рек: «На Волге человек начал удалью, а кончил стоном, который зовётся песнью; яркие, золотые надежды сменились у него немочью, которую принято называть русским пессимизмом, на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась».

Если нам случается почувствовать эти сообщающиеся сосуды вещей снов, концов и начал, история получилась.

Сергей Ковалевский

ON THE WAVES OF OUR MEMORY

Complex posters by Dmitry Rekin

Dmitry Rekin, the poster artist for the 15th Krasnoyarsk Museum Biennale, is a famous Russian graphic designer. He lives and works in Nizhny Novgorod, a city on the Volga River. He is a participant and winner of many international competitions. Among the most important awards are two prizes at the Global Biennale of Graphic Design Golden Bee 14 (2020), first place at the International Biennale in Bolivia (2019), bronze at the Biennale in Lublin (2017), gold at the International Triennale of Eco-Posters 4th Block in Kharkiv. Also, he is an organiser of the International Design Biennale Strelka.

The creative format of the museum biennale has always favoured adjacent types of “art of memory.” Conceptual and graphic thinking is not an exception among creative practices of heritage.

Dmitry Rekin’s works have a distinctly memorial tone. He constructs space and forms objects from the fabric of collective memories, from the matter of imprinted time. His sheets are full of backstage and curtains, behind which the depth of historical scenes that make up the author’s “theatre of memory” is revealed.

“Visually, even my complexly structured works are perceived as a single whole image, and then the details begin to reveal themselves, in which small stories and metaphors are hidden. I like to create multi-level stories, in which I conduct a dialogue with the viewer,” says Rekin.

With such multi-layered magical constructivism, the designer likes when it happens by chance: “You pressed some button, switched it off/on or mirrored/flipped it — and there it is. It is good when such a search suddenly reveals an unexpected form, a stain. I also like to deliberately go against the laws of composition in my works. I do this on purpose to convey to the viewer a feeling of discomfort, of inconvenient gravity. To make the viewer feel that something is wrong, something is not right.

A simple poster is read too quickly. A complex one stops attention, makes you read. I need people to come up, see it, and start digging: why is there this noise, is it superfluous here? And this noise is not superfluous...”

Deployed opposite Alyona Kirtsova’s fresco painting of the “layered horizon,” the exhibition of posters enters into a subtle conceptual resonance. There is a “weak interaction” between the two sides of the foyer: the spatial tide of *Sky-Banks-River* meets the waves of string and wind structures of the Volga artist. Here, “infracolour” mixes with “infrasound.”

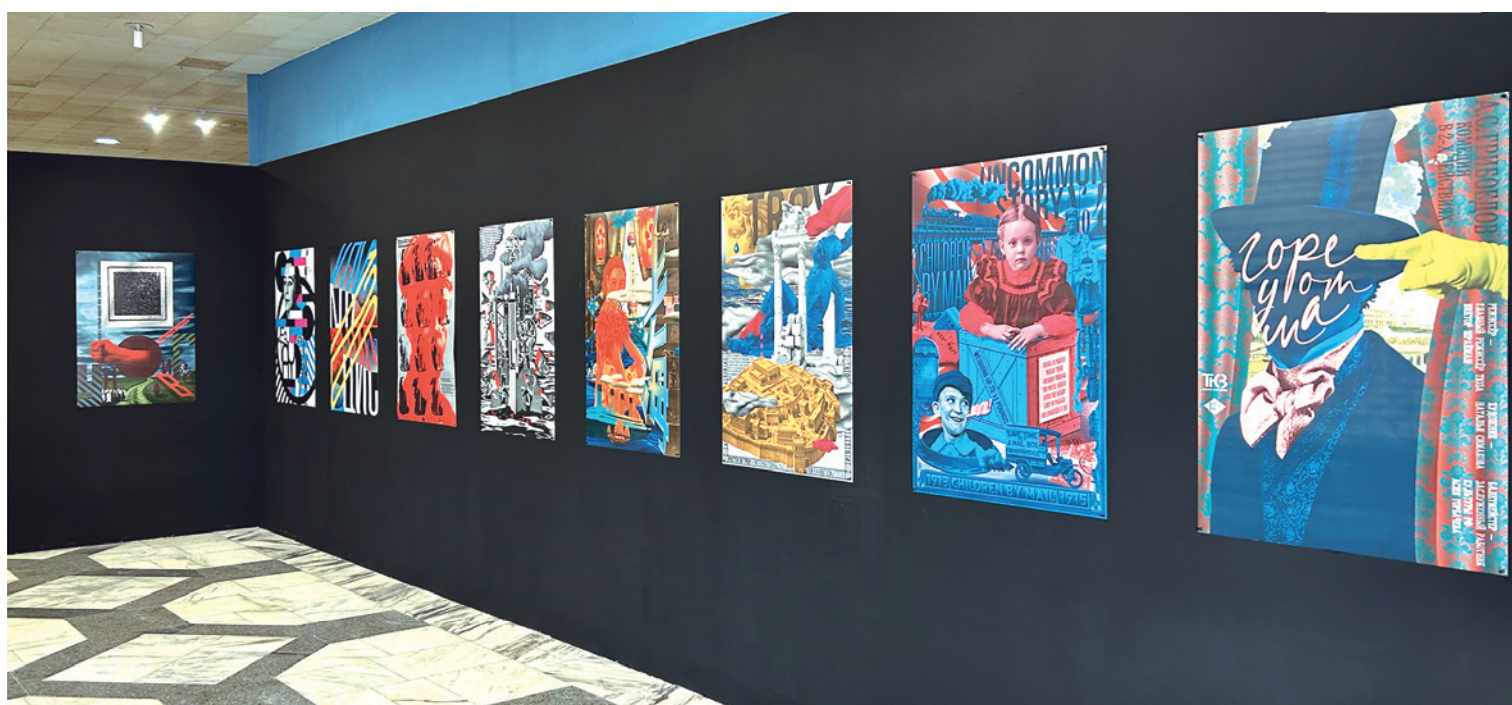
What does Rekin’s “scene-graphics” do on the “world” platform of *the colour blue of the Yenisei*? Probably, in the baroque twilight of modernity, it catches reflections of the dim glow of the gold of Chekhov’s hopes. More than 130 years ago, standing on the Krasnoyarsk bank, the future world playwright also mirrored the destinies of two significant Russian rivers: “On the Volga, a man began his life with valour, and ended it with a groan, which is called a song; his bright, golden hopes were replaced by weakness, which is usually called Russian pessimism; but on the Yenisei, life began with a groan, and will end with valour which we never dreamed of.”

If we happen to feel these communicating vessels of prophetic dreams, endings and beginnings, the story has succeeded.

Sergey Kovalevsky

сложные плакаты Рекина

Специальный проект «По волнам нашей памяти». Дмитрий Рекин

Special project ON THE WAVES OF OUR MEMORY. Dmitry Rekin

Специальный проект

ПАМЯТЬ ВОДЫ

Художник: Гриша Шаров

Куратор: Анна Андреева

Special project

MEMORY OF WATER

Artist: Grisha Sharov

Curator: Anna Andreeva

Гриша Шаров

ПАМЯТЬ ВОДЫ

«Чёрный ящик» — особое место в музее. Пространство находится в середине экспозиций, посвящённых советскому прошлому. Эту небольшую чёрную комнату можно пройти насквозь. А затем по длинному, узкому коридору выйти на балкон и смотреть ещё дальше. Но можно проделать этот путь и в обратную сторону.

К представленной инсталляции, как и к теме всей биеннале «АВЕНИСЕЕСИНЕВА», также можно подойти с разных сторон.

Сама работа состоит, кажется, из абсолютно непохожих предметов. Хрустальные и пластиковые, объёмные и совсем мерзавчики, функциональные и бестолково-красивые — их объединяет одно: они свидетели советской эпохи.

Там наполняли ванну и мыли детей, по особым случаям добавляя «хвойный концентрат». Обменивались «гуппиями» с соседями и обустраивали аквариум. В жаркий день бросали копейку в автомат, ополаскивали общественный и гранёный стакан — утоляли жажду водой с газом, а за три копейки — даже с сиропом. Верили в чудо и заряжали банки перед Чумаком. Верили в себя и думали, как развернуть реки.

Что-то билось, что-то чугунело — всё видела вода. И, кажется, утекла?

Grisha Sharov

MEMORY OF WATER

The Black box — is a special place in the museum. The space is located in the middle of the exhibitions dedicated to the Soviet past. This small black room can be walked through. And then you go along a long, narrow corridor to the balcony and look even further. But you can also go the other way round.

This installation, as well as the theme of the entire Biennale AVENISEESINEVA (The colour blue is in the Yenisei), can also be approached from different angles.

The work itself seems to consist of absolutely dissimilar objects. Crystal and plastic, voluminous and minuscule, functional and uselessly beautiful — they have one thing in common: they are witnesses of the Soviet era.

There, they used to fill the bathtub and wash children, adding “pine concentrate” on special occasions. They exchanged guppies with neighbours and equipped aquariums. On a hot day, they threw one kopeck into a machine, rinsed a public and faceted glass, and quenched their thirst with gas water, and for three kopecks — even with syrup. They believed in a miracle and energise the jars in front of Alan Chumak. They believed in themselves and thought about how to turn the rivers round.

Something was broken, something became as heavy as cast iron — the water saw everything. And it seems to have flowed away?

In the process of pitching ideas for the Biennale's site-specific project, Grisha Sharov's concept won. For himself, the artist deciphered the main theme of the Biennale as follows: the river, as a symbol of locality, became a carrier of memory, and memory itself appeared as a symbol of globality, connecting everyone around.

In the *Black Box* gallery, contemporary artists reflect on the theme of the Soviet experience. Therefore, each object of the installation is in one way or another related to water and material texture of the recent past: from the characteristic glass to the faith healer Allan Chumak, energising the liquid through a TV.

Memory of Water is a place of assembly of the past, present, and future, concentrated in the form of water — the main keeper of memory. The cart on which the objects are located is like a guide boat, forever drifting on the waves of a mythological river.

Grisha's works are distinguished by wit and special attention to social themes. Speaking on personal topics, he always expresses his attitude clearly and honestly, taking it into a laconic image. Often, his works are focused on contextuality: using humour and wordplay as a tool, he takes the viewer from the space of observation to the area of complicity.

Anna Andreeva

В процессе питчинга идей для сайт-специфичного проекта биеннале победила концепция Гриши Шарова. Для себя художник расшифровал заглавную тему биеннале следующим образом: река как символ локальности стала носителем памяти, а сама память предстала символом глобальности, соединяющей всех вокруг. В галерее «Чёрный ящик» современные художники размышляют на тему советского опыта. Поэтому каждый объект инсталляции так или иначе связан с водой и материальной фактурой недавнего прошлого: от характерного стакана до экстрасенса Аллана Чумака, заряжающего жидкость через телевизор.

«Память воды» — место сборки прошлого настоящего и будущего, сконцентрированного в форме воды — главного хранителя памяти. Телега, на которой расположены объекты, словно лодка-проводник, вечно дрейфующая по волнам мифологической реки.

Работы Григория отличают остроумие и особое внимание к темам социальной направленности. Говоря на личные темы, он всегда чётко и честно выражает отношение, уводя это в лаконичный образ. Часто работы сконцентрированы на ситуативности: используя юмор и игру слов как инструмент, он переносит зрителя из пространства наблюдения в область соучастия.

Анна Андреева

ИДУЩИЕ К РЕКЕ

Художники:

Екатерина Бычкова (Москва)

Алина Долбилина (Красноярск)

Женя Иль (Красноярск)

Егор Клочихин (Новосибирск — Москва)

Лада Ладная (Тюмень)

«НИИ собачьих дел» — Константин Росляков, Лада Ладная (Тюмень)

«Никаких оправданий» —

Мария Александрова, Мария Рыбка, Юрий Кузьменко (Омск)

Валентин Рогозин (Красноярск)

Константин Росляков (Тюмень)

Лара Федотова (Москва)

D3mark0 (Красноярск)

Куратор программы: **Оксана Будулак**

Кураторская группа:

Анна Андреева

Анастасия Безвершук

Надя Котова-Крушинская

Партнёры-площадки:

речной клуб «Остров»

Музей красноярского водопровода ОАО «Краском»

WALKING TO THE RIVER

Artists:

Ekaterina Bychkova (Moscow)

D3mark0 (Krasnoyarsk)

Alina Dolbilina (Krasnoyarsk)

Lara Fedotova (Moscow)

Zhenya Il (Krasnoyarsk)

Egor Klochikhin (Novosibirsk — Moscow)

Lada Lадnaya (Tyumen)

No Excuses — Maria Alexandrova, Maria Rybka, Yuri Kuzmenko (Omsk)

Konstantin Roslyakov (Tyumen)

The Research Institute of Minding Your Own Business —

Konstantin Roslyakov, Lada Lадnaya (Tyumen)

Valentin Rogozin (Krasnoyarsk)

Parallel programme curator: **Oksana Budulak**

Curatorial team:

Anna Andreeva

Anastasia Bezvershuk

Nadya Kotova-Krushinskaya

Venue partners:

the Ostrov River Club

the Kraskom Krasnoyarsk Museum of Water Transportation

Человеку известно, что он произошёл из воды. Но что ещё? Самоорганизованный «Институт водных исследований», в который вошли 4 куратора и 12 художников из разных городов, провёл это лето в Красноярске, пристально изучая Енисей. Проекты были реализованы в Музее красноярского водопровода, на территории речного клуба «Остров» на острове Отдыха, а также в Речной галерее музейного центра «Площадь Мира».

«Идущие к реке» — манифест возвращения к нечеловеческому, очищения, новых отношений между человеком и рекой. Художники работали с рекой как с гиперобъектом и «архископаемым» в его связи с человеком, историей, сверхъестественным и другими гиперобъектами. И методы их были на стыке науки и магии: дрейфы, документация, археология, рентгенограммы, ритуальные обряды и мистификации.

Полевые работы художники проводили на острове Отдыха, острове Посадном и акватории Енисея и его притоков. Красноярцы (Женя Иль, Алина Долбилина, D3mark0), словно в ретрофутуристической лаборатории, разгадывали тайны острова Отдыха: нашли архив любителя самолётов, обнаружили кратеры с неизученной магмой и картировали останки гидроавиабазы и её обитателей.

Анатомию реки изучали методом рентгенограмм и звукозаписи на острове Посадном и в окрестностях Красноярска. Лара Федотова фотографировала лунным светом «скелет» речного ландшафта. Аудиохудожники прослушали гидрофонами Енисей на стыках с ГЭС, камнями, инородными телами, и его мелкие притоки (Валентин Рогозин, Константин Росляков, Егор Клочихин, Екатерина Бычкова). Обряд очищения реки раскалённым оловом совершили и задокументировали «НИИ собачьего дела».

Чистота, молчание, непознанность — ответы Енисея, которые удалось задокументировать художникам. Ответы человеку в его стремлении узнать, как всё устроено на самом деле.

Оксана Будулак

Man knows that we came from water. But what else? The self-organised Institute of Water Studies, which includes 4 curators and 12 artists from different cities, spent this summer in Krasnoyarsk, studying the Yenisei closely. The projects were implemented in the Museum of Krasnoyarsk Water Transportation, at the Ostrov River Club on the Otdykha Island, as well as in the River Gallery of the Ploschad Mira Museum Centre.

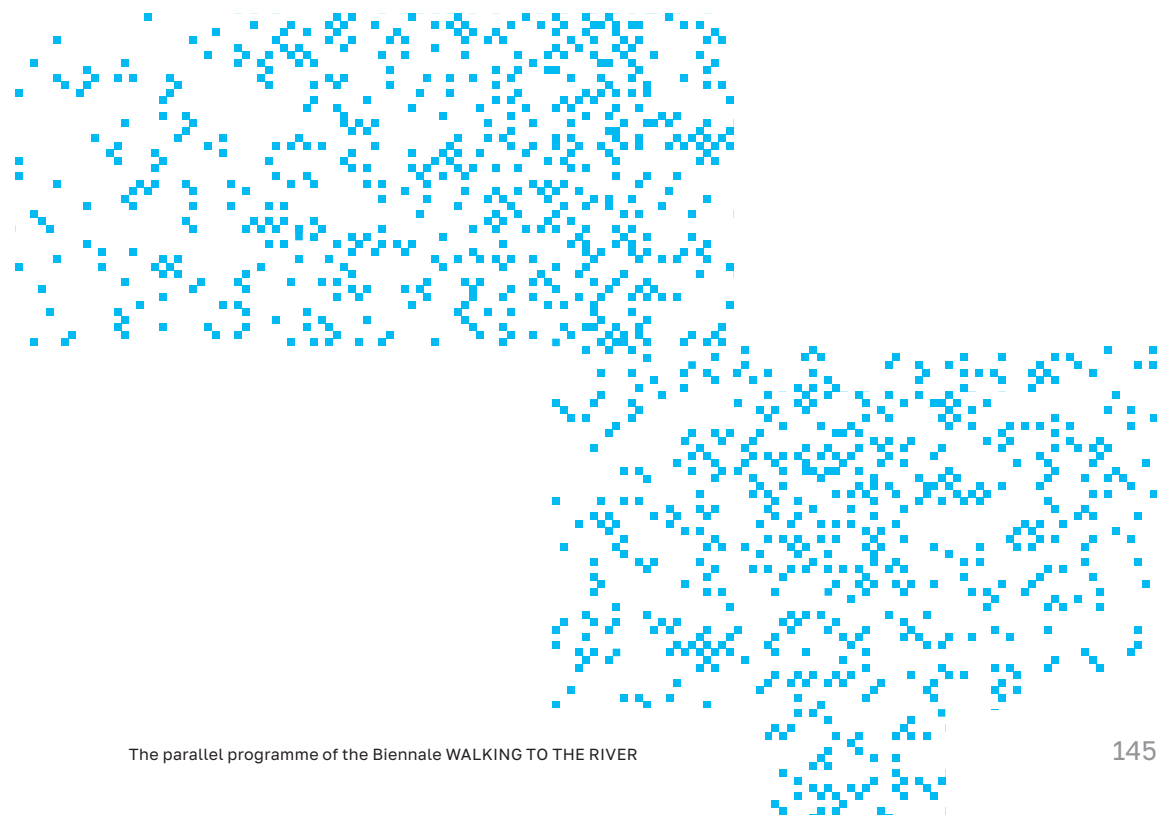
Walking to the River is a manifesto of return to non-human, of purification, of new relationship between man and river. The artists worked with the river as a hyperobject and “archfossil” in its relationship with man, history, supernatural, and other hyperobjects. And their methods were at the intersection of science and magic: drifts, documentation, archaeology, radiographs, rituals, and mystification.

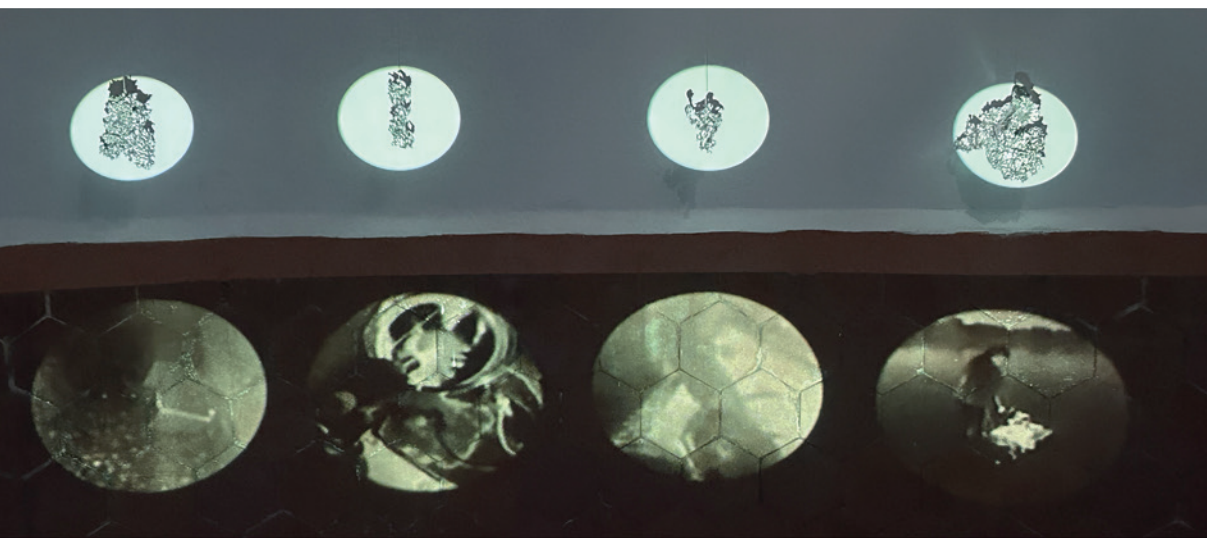
The artists conducted field work on the Otdykha Island, the Posadnyi Island, and the water area of the Yenisei and its tributaries. Krasnoyarsk artists (Zhenya Il, Alina Dolbilina, D3mark0), as if in a retrofuturistic laboratory, solved the mysteries of the Otdykha Island: they found the archive of an airplane enthusiast, discovered craters with unexplored magma, and mapped the remains of a hydroplane base and its inhabitants.

The anatomy of the river was studied with the help of radiographs and sound recordings on the Posadnyi Island and in the outskirts of Krasnoyarsk. Lara Fedotova photographed the “skeleton” of the river landscape by moonlight. Audio artists listened with hydrophones to the Yenisei at junctions with the hydroelectric power plant, stones, foreign bodies, and its small tributaries (Valentin Rogozin, Konstantin Roslyakov, Egor Klochikhin, Ekaterina Bychkova). The Research Institute of Minding Your Own Business performed and documented the river purification rite with red-hot tin.

Purity, silence, unknowability are the answers of the Yenisei, which the artists managed to document. The answers to man’s urge to find out how everything really works.

Oksana Budulak

НИИ «Собачьих дел» ПЛОТ

Видео-арт, объекты, документация перформанса

Документация действия ритуального технологического аппарата, созданного для ментального очищения Енисея. Заклинания расплавленным металлом производятся с помощью оператора радиоуправляемого плота.

Архаичная обрядовость и древние стихии сплетаются с примитивными технологиями для свершения важнейшей миссии — магическими средствами достичь желаемого защитного и очищающего результата. Боготворимые силы и явления природы находятся словно бы в подавленном состоянии, когда человеческая активность превалирует над суперорганизмом — над бессознательным регулированием взаимодействия органического и неорганического миров.

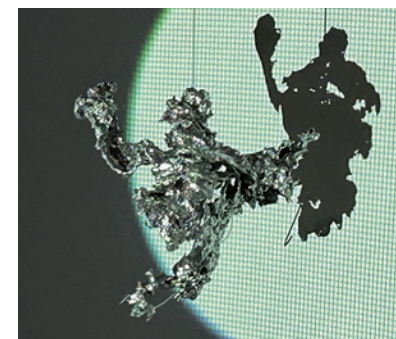
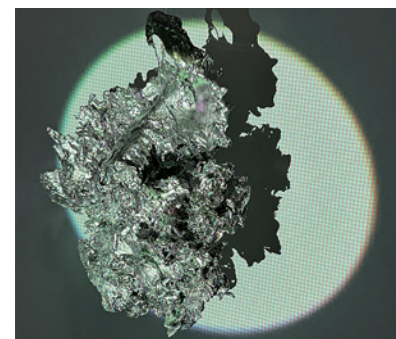
The Research Institute of Minding Your Own Business

THE RAFT

Video art, objects, performance documentation

Documentation of the operation of a ritual technological apparatus created for the mental purification of the Yenisei. Molten metal spells are put with the help of an operator of the radio-controlled raft.

Archaic ritualism and ancient elements are intertwined with primitive technologies to accomplish the most important mission — to achieve the desired protective and purificatory result by magical means. The god's forces and natural phenomena seem to be in a suppressed state, when human activity prevails over the superorganism, over the unconscious regulation of the interaction of organic and inorganic worlds.

Лара Федотова

СОЛЁНАЯ ЛУНА КУДРЯВО ТРУБИТ В РУКАВАХ / ЕНИСЕЙ

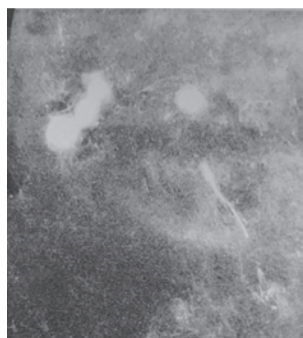
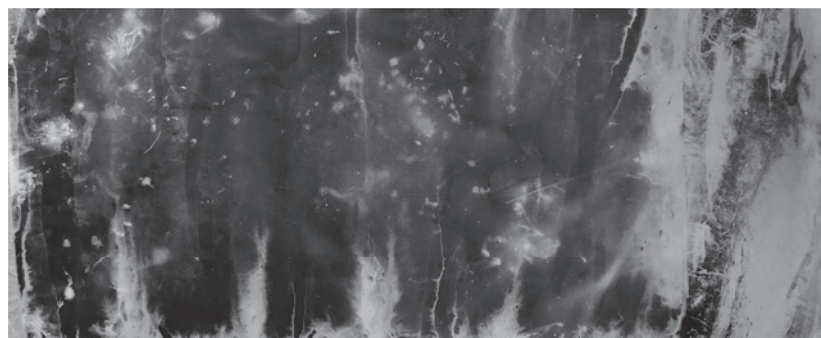
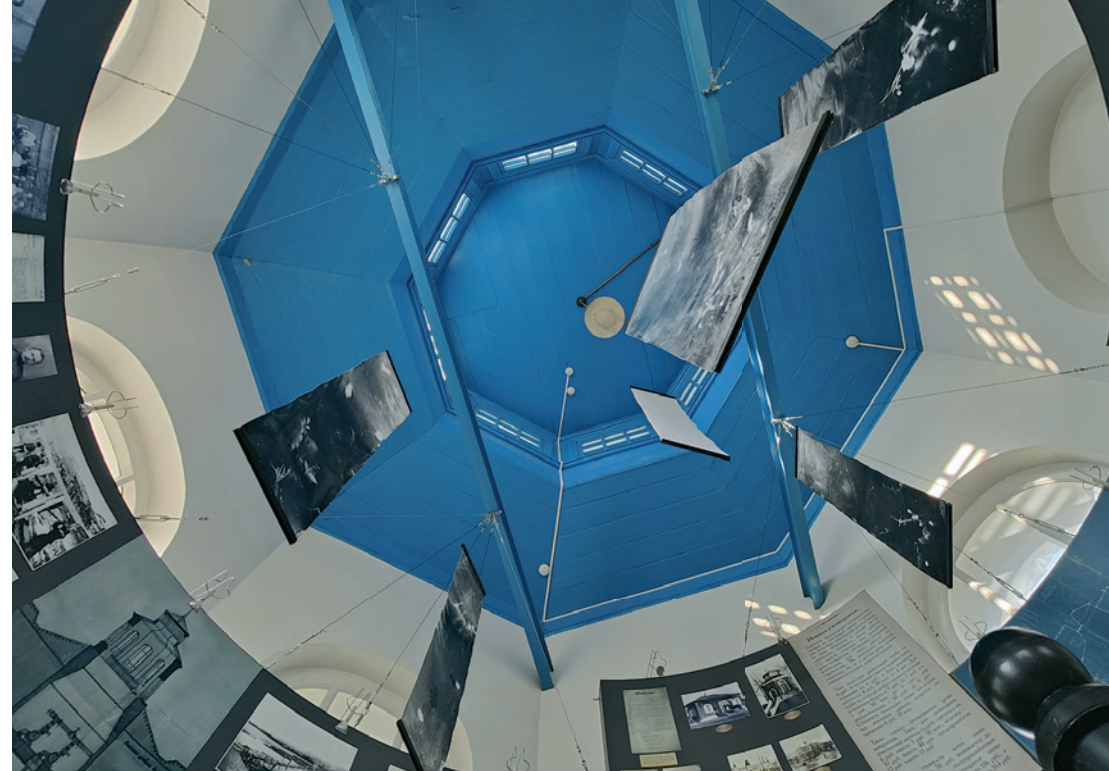
Перформативная практика, видео, лунограммы

Московская художница Лара Федотова исследовала акваторию и прибрежные зоны реки Енисей. Итогом исследования стало создание тотальной инсталляции лунограмм в первой городской насосной станции в Музее красноярского водопровода.

В течение нескольких лунных ночей в разных знаковых местах реки в черте города художница погружала в реку фотобумагу (с чувствительной серебряной эмульсией) и засвечивала её лунным светом, затем проявляла и фиксировала.

При такой технике на бумаге проявляется то, что было в непосредственном соприкосновении, и то, что обычно скрыто от глаза человека: внутренняя структура воды, взвесь, водоросли, характер течения и т. д. Каждое изображение — это отпечаток внутреннего ландшафта Енисея, который складывается в зависимости от уникальных природных и космических условий.

Для Лары важно через регулярную практику собрать как можно больше лунограмм — свидетельств соприкосновения с гиперобъектами в разных водоёмах, в разные времена года — как новый взгляд, новое знание о том, что не замечается в привычности, но очень влияет на нашу жизнь. На выставке также была представлена документация создания лунограмм в других водоёмах: Москве-реке, Средиземном море, где, по преданию, родилась Венера, а также в ядовитых озёрах заброшенных карьеров.

Lara Fedotova

THE SALTY MOON IS TRUMPETING CURLY IN THE SLEEVES / THE YENISEI

Performative practice, video, moonograms

Moscow artist Lara Fedotova explored the waters and riversides of the Yenisei River. The result of the research was the creation of a total installation of moonograms in the first city water pumping station, in the Krasnoyarsk Museum of Water Transportation.

Over several moonlit nights in different iconic places of the river within the city, the artist immersed photographic paper (with a sensitive silver emulsion) in the river and illuminated it with moonlight, then developed and fixed it.

With this technique, everything that is in direct contact and what is usually hidden from the human eye appears on paper: the internal structure of water, suspension, algae, the nature of the flow, etc. Each image is an imprint of the internal landscape of the Yenisei, taking shape depending on unique natural and space conditions.

For Lara, it is important to collect on a regular basis as many moonograms as possible — evidence of contact with hyperobjects in different bodies of water, at different times of the year — as a new look, new knowledge about things we cannot notice in the usual way, but what greatly influences our lives. The exhibition also presents documentation of the creation of moonograms in other bodies of water: in the Moskva River, in the Mediterranean Sea, where, according to the legend, Venus was born, as well as in the poisonous lakes of abandoned quarries.

Константин Росляков

СОЛНЦЕ ИСПАРЯЕТ ШУМНЫЕ ВОДЫ

Мультимедийная инсталляция, глубокие медиа, трёхчастный саундскейп

Толщи воды скрывают рельефы местности, сгущают звуки, уносят человеческие истории дальше во времени.

Всё есть вода — и всё есть поток. Звуковой поток, не застрявший во времени, но меняющийся, разжижающий плотность поверхностной видимости, словно радиосигнал, несущийся до края вселенной.

Агрегатные состояния воды — отправная точка трёхчастности композиции: сосредоточение на природном, техногенном, человеческом. Сплавление этих явлений в общее целое в конечном счёте приводит к образованию «странного», «таинственного», «ритуального» шума, обогащённого памятью и узнаваемого благодаря членораздельному языку, ничто из вышеупомянутого не является центром композиции, но частью потока. Есть и иное повествование, которое мы не можем понять разумом и считать как перфокарту, как кодированный сигнал, но мы можем почувствовать, как вода внутри нас резонирует с внешними водами. Наша душа испаряется и проявляется вновь.

Konstantin Roslyakov

THE SUN EVAPORATES NOISY WATERS

Multimedia installation, deep media, three-part soundscape

Columns of water hide terrain, thicken sounds, and carry human stories further in time.

Everything is water, and everything is flow. A sound stream, not stuck in time, but changing, diluting the density of surface visibility, like a radio signal rushing to the edge of the universe.

The water aggregative states are the starting point of the three-part composition: focusing on the natural, technology-related, and human. The fusion of these phenomena into a common whole ultimately leads to the formation of a “strange,” “mysterious,” “ritual” noise, enriched by memory and recognisable through articulate language, none of the abovementioned is the centre of the composition, but part of the flow. There is another narrative that we cannot understand with our minds and read like a punch card, like a coded signal, but we can feel how the water inside us resonates with the external waters. Our soul evaporates and appears again.

Лада Ладная

ВНУК. ЭКСПЕРИМЕНТ №173

Объект

Нам открывается возможность пронаблюдать за выращиванием внука в особых условиях. В местоположении совпало: состав воды, количество электролитов в ней, должный уровень активности атмосферного давления, горный воздух и маниакальное желание старой девы, минуя всевозможные социально-адаптивные нормы, прийти к конечной цели.

Lada Lадная

THE GRANDSON. EXPERIMENT NO.173

Object

We have the opportunity to observe the raising of our grandson in special conditions. The location coincided: the composition of water, the amount of electrolytes in it, the proper level of atmospheric pressure activity, mountain air, and the manic desire of the old maid, bypassing all sorts of social and adaptive norms, to reach the final goal.

ЗАМЁРЗШИЙ ЕНИСЕЙ

Льдинки на люках

Мы решили заморозить воду. Так сложно было черпать холодную осеннюю жидкость. Но она никогда не замерзает. Тепло турбин, трение молекул об молекулы не позволяет воде укрыться защитным одеялом. Вода на протяжении некоторого потока времени пребывает в желании быть наконец-таки замороженной, чтобы на время скрыть свои бурные воды, отдохнуть от людей.

Мы ненадолго, но исполняем её волю.

МЕДЛЕННЫЕ КАПЛИ*

Стеклянные литники из заброшенного стекольного завода

Как известно, стекло — это переохлаждённая жидкость, и оно течёт под нагрузкой, как текут смолы. Мы не можем наблюдать за этим процессом: он слишком растянут во времени. Но мы можем представить и почувствовать, как поток времени растянут относительно разных явлений, отключившись от забот, и развешаться в фантазиях об очень медленном, почти литургическом наблюдении.

ЗВУК ВОДЫ В ТРУБЕ ВЫЗЫВАЕТ СМЕХ, А ПОТОМ ПРОЯВЛЯЕТСЯ МУЗЫКА

Саундскейп за дверью

Звук как физическое воплощение музыки — абстрактное явление, хоть каждый и может ощущать его относительно своего восприятия и меры дозволенности. Ассоциации смещаются, и мы отчётливо слышим мелодию, наполненную безэмоциональным настроением. Но мы сонастраиваем его сами — глубоко внутри себя. И обычно сонастройка — на ощущение благодати, перерастающая в смех.

THE FROZEN YENISEI

Ice on hatches

We decided to freeze the water. It was so difficult to scoop out the cold autumn liquid. However, it never freezes. The heat of turbines and friction of molecules against molecules do not allow the water to cover itself with a protective blanket. For some time, the water has had the desire to finally freeze, in order to temporarily hide its stormy waters and take a break from people.

We will not be here for long, but we will do its will.

SLOW DROPS*

Glass moulds from an abandoned glass factory

As you know, glass is a supercooled liquid, and it flows under load, just like resins. We cannot observe this process: it is too extended in time. But we can imagine and feel how the flow of time is stretched out in relation to various phenomena, forgetting about our worries, and dissolve in fantasies of very slow, almost liturgical observation.

THE SOUND OF WATER IN A PIPE CAUSES LAUGHTER, AND THEN MUSIC APPEARS

Soundscape outside the door

Sound as the physical embodiment of music is an abstract phenomenon, although everyone can feel it relative to their perception and degree of permissibility. Associations shift, and we clearly hear a melody filled with an unemotional mood. But we tune it ourselves, deep inside ourselves. And usually, the attunement is based on the feeling of grace, which develops into laughter.

ОСТРОВ ОТДЫХА

Остров

На реке Енисей в городе Красноярске находится большой остров. У него есть несколько названий: остров Молокова, остров Отдыха, остров Телячий или просто «Остров». Остров хорошо просматривается и с Левого и Правого берегов, его хорошо видно из центра города. На нём, кроме большой массы деревьев, построены красивые здания: Дворец Ярыгина, Центральный стадион, через него проходит Коммунальный мост, ведётся благоустройство, и уже появились новые городские пространства. Но знают ли горожане тайны самого центрального острова нашего города?

Красноярские художники D3mark0, Женя Иль и Алина Долбилина провели много времени за исследовательскими прогулками по острову и готовы поделиться своими находками. Один из художественных приёмов, который прослеживается у всех художников, — это мистификация. Реальные факты и фантазия переплетены в сюжетах, что вовлекают зрителя в активное взаимодействие с произведением.

Анастасия Безвершук

THE OTDYKHA ISLAND

THE ISLAND

There is a large island on the Yenisei River in the city of Krasnoyarsk. It has several names: the Molokov Island, the Otdykha Island (lit. “Island of Leisure”), the Teliachiy Island (lit. “Island of Calves”), or simply the Island. The island is clearly visible from both the left and right banks of the Yenisei, and is clearly visible from the city centre. In addition to a large number of trees, it has beautiful buildings built on it: the Yarygin Sport Palace, the Central Stadium, the Communal Bridge passes through it, landscaping is underway, and new urban spaces have already appeared. But do the urban dwellers know the secrets of the most central island of our city?

Krasnoyarsk artists D3mark0, Zhenya Il, and Alina Dolbilina spent a lot of time exploring the island and are ready to share their findings. One of the artistic techniques that can be traced among all artists is mystification. Real facts and fantasy are intertwined in plots that involve the viewer in active interaction with the work.

Anastasia Bezvershuk

Женя Иль

СЕКРЕЦИЯ ОСТРОВА

Паблик-арт

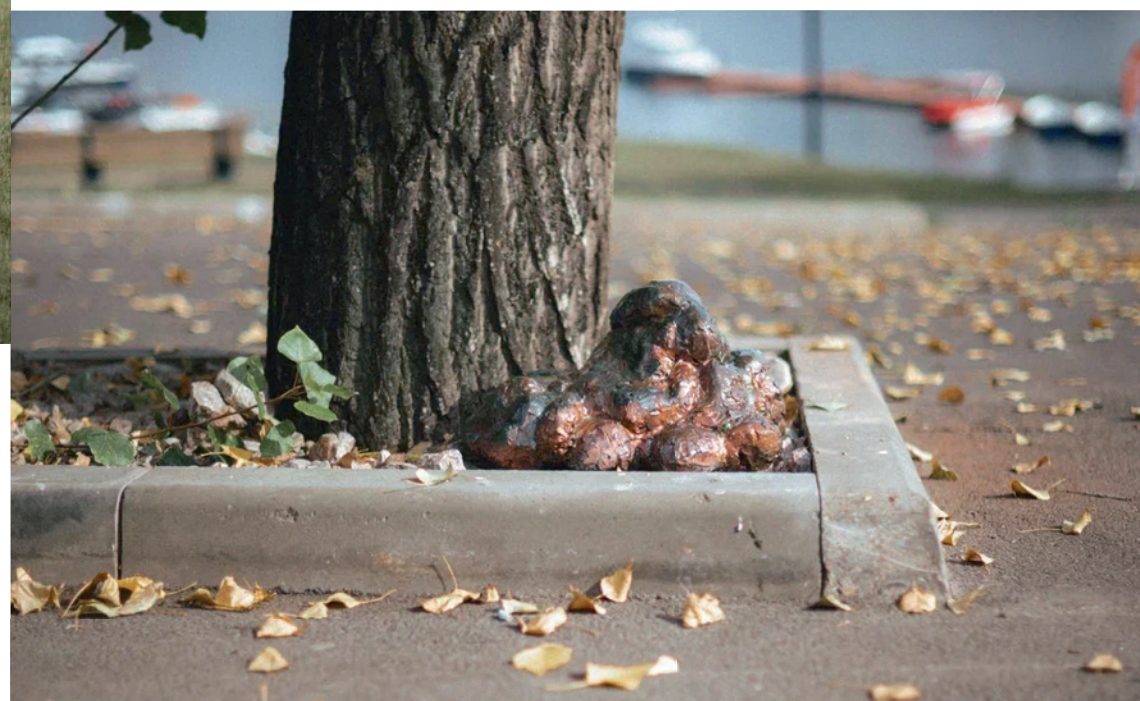
Серия уличных объектов похожи на фумаролы на склоне вулкана или на «прорывы» некоторой секреции, которую выделяет тело острова. Может ли это свидетельствовать о том, что остров живой и представляет собой огромное существо «чудю-юдо рыбу-кит», на теле которого появились раны? С другой стороны, возможно, когда-то под островом Отдыха были секретные лаборатории, как, например, на некоторых Курильских островах, и секретная субстанция прорвалась на поверхность.

Zhenya Il

SECRETION OF THE ISLAND

Public art

Secretion of street objects look like fumaroles on the slope of a volcano or “breakthroughs” of some secretion released by the body of the island. Can this indicate that the island is alive and is a huge creature, the Monster-Marvel Whale, with wounds on its body? On the other hand, it is possible that once upon a time, there were secret laboratories under the Otdykha Island, as, for example, on some of the Kuril Islands, and a secret substance broke through to the surface.

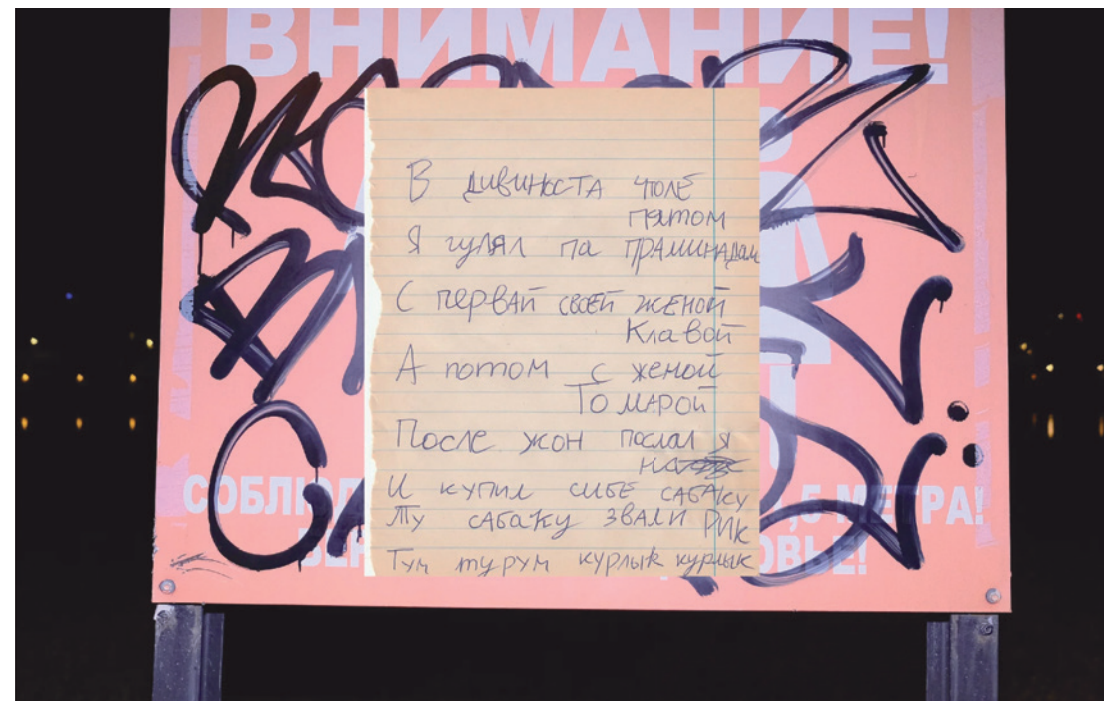
Ну правильно!

D3mark0

THE OTDYKHA ISLAND

Video game

The computer quest game *The Otdykha Island* for a Windows PC. The game uses the Otdykha Island as main location. The quest is based on photographs taken by the artist on the Otdykha Island, and a plot is based on real and fictional historical facts of the place. The player takes an active position in the game: while taking a virtual walk, they solve different tasks for moving forward.

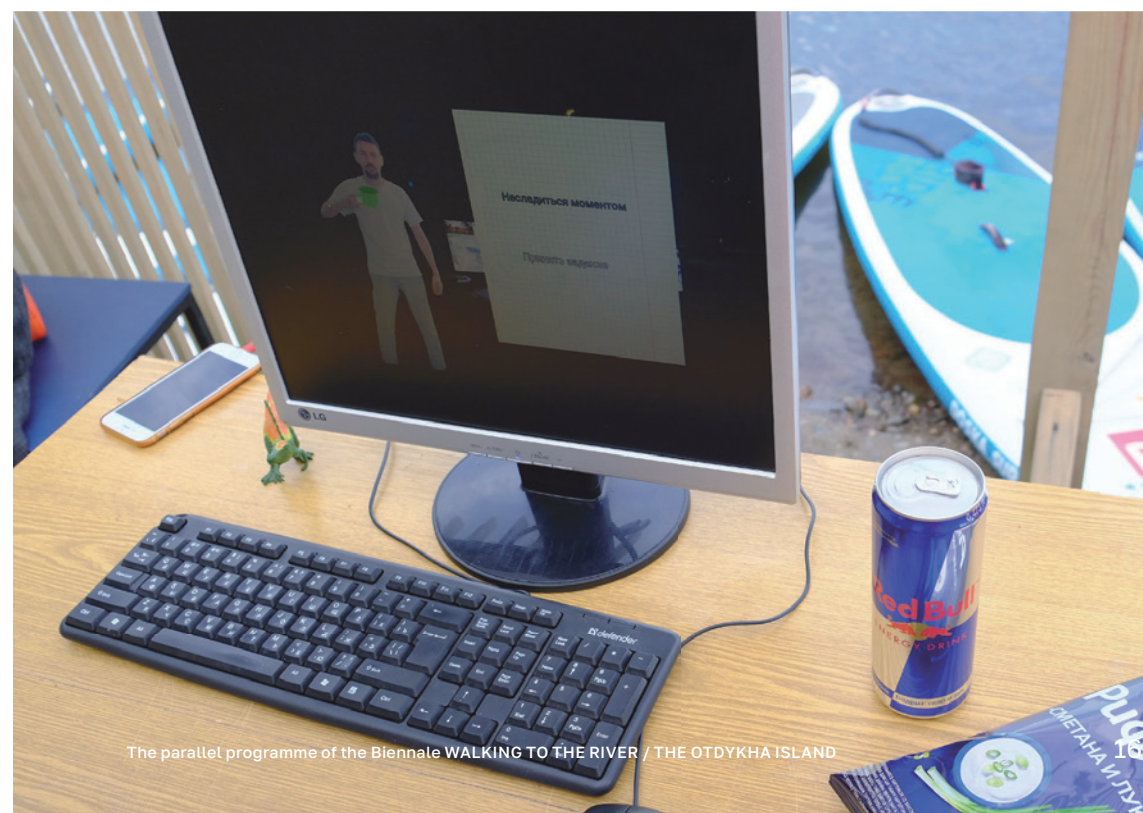

D3mark0

ОСТРОВ ОТДЫХА

Видеоигра

Компьютерная игра «Остров Отдыха» в жанре квест для запуска с ПК под управлением Windows. Игра использует остров Отдыха в качестве основной локации. Игра-квест основывается на фотографиях, сделанных автором на острове Отдыха, и сюжете из реальных и вымышленных фактов истории места. Игрок занимает активную позицию в игре: осуществляя виртуальную прогулку, он находит разные задания для движения.

Алина Долбилина

АРХИВ И.В. БОЛЬДИНОВА

Живопись, графика, объекты

Архив малоизвестного художника И.В. Больдинова, который жил в 1950-х в Красноярске. Архитектор по образованию, Больдинов увлекался живописью, интересовался гидропланами: рисовал и придумывал самолёты и гидропорты, а некоторые его эскизы использовались как прототипы реальных самолётов.

Алина Долбилина

THE ARCHIVE OF I.V. BOLDINOV

Painting, graphics, objects

The archive of little-known artist I.V. Boldinov, who lived in Krasnoyarsk in the 1950s. Holding a degree in architecture, I. V. Boldinov was fond of painting and was interested in seaplanes: he drew and invented airplanes and seaports, and some of his sketches were used as prototypes of real airplanes.

РЕЧНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Как звучит Енисей

Дыхание Енисея, его звучание стали объектами исследования художников: Егора Клочихина, Катерины Бычковой, Константина Рослякова, Валентина Рогозина. Каждый из художников по-своему раскрыл сущность реки. Звуки, записанные в естественной среде и воспроизведённые в саунд-инсталляциях, обострили восприятие привычных водных звуков и помогли познакомиться с могучей рекой, которая оказалась неожиданно тихой и молчаливой.

Динамика, темп и ритмический голос Енисея звучат в каждой из работ по-своему. Валентин Рогозин обратил внимание на бурные притоки-капилляры, которые наполняют тело реки. Егор Клочихин и Катерина Бычкова находились посреди большой и тихой воды, но представили возможность слушателю поразмышлять о его месте в цикле Енисея. Константин Росляков в своей работе соединил три плоскости жизни реки: природную, техногенную и антропогенную.

Итогом исследования стал аудиальный портрет реки, представленный в виде объектной инсталляции и записей на магнитофонные плёнки, виниловые пластинки. Енисей — это гамма звуков извне. Будь то шумы человеческих историй, рокот поездов, гул электростанций, рёв моторов или камней и брёвен, фланирующих по речной глади.

Надя Котова-Крушинская

THE RIVER GALLERY

How the Yenisei sounds

The breath and sound of the Yenisei became objects of study by artists Egor Klochikhin, Katerina Bychkova, Konstantin Roslyakov, and Valentin Rogozin. Each of the artists revealed the essence of the river in their own way. The sounds recorded in the natural environment and reproduced in sound installations sharpened the perception of familiar water sounds and helped to get acquainted with the mighty river, which turned out to be unexpectedly quiet and silent.

The dynamics, tempo, and rhythmic voice of the Yenisei sound differently in each of the works. Valentin Rogozin drew attention to the rapid capillary tributaries that fill the body of the river. Egor Klochikhin and Katerina Bychkova were in the middle of large and quiet water, but provided the listener with the opportunity to reflect on their place in the Yenisei cycle. Konstantin Roslyakov in his work connected three planes of river life: natural, technology-related, and anthropogenic.

The result of the research is an auditory portrait of the river, presented in the form of an object installation and recordings on tapes and vinyl records. The Yenisei is a range of sounds from outside. Be it the noise of human stories, booming of trains, hum of power plants, roar of engines, or stones and logs floating along the river surface.

Nadya Kotova-Krushinskaya

Звуковая инсталляция

Егор Клочихин и Катерина Бычкова изучали дыхание и звучание Енисея по водному маршруту. Художники отправились на теплоходе из Красноярска до Енисейска и обратно.

Енисей образовывался постепенно, и нет конкретной даты его появления. Егор и Катерина выбрали период конца плиоцена — именно в это время, согласно В.Н. Долгину, возник палеоЕнисей.

Енисей издаёт звуки в местах ландшафтных преград, искусственных или естественных. При нахождении рядом с рекой легко почувствовать его «дыхание», речной воздух. Символична и запись движения реки на плёнку, ведь для получения звука плёнка должна находиться в постоянном движении, словно вода. Так же и звучание Енисея с его движениями рыб, песка и водорослей неоднородно, как и магнитофонная плёнка никогда не звучит одинаково.

При прослушивании инсталляции можно заметить инородный звук, который происходит не из катушечного магнитофона, длительностью 1/500 всего аудио — примерно 4,5 секунды раз в 40 минут. Именно эту пропорцию занимает деятельность человека (Бронзовый век) от момента рождения реки.

Художники предложили задуматься, какое место занимают звуки друг в друге, какое место человек занимает в жизни реки и наоборот.

Егор Клочихин, Катерина Бычкова

1 / _

Sound installation

Egor Klochikhin and Katerina Bychkova studied the breathing and sound of the Yenisei along the water route. The artists travelled by boat from Krasnoyarsk to Yeniseysk and back.

The Yenisei was formed gradually, and there is no specific date of its appearance. Egor and Katerina chose the end of the Pliocene, according to V.N. Dolgin, the paleo-Yenisei appeared at that time.

The Yenisei makes sounds in places of landscape barriers, artificial and natural. When you are near the river, it is easy to feel its “breath,” the river air. Recording the river movement on film is also symbolic, because to produce sound, the film must be in constant motion, like water. Likewise, the sound of the Yenisei with the movement of fish, sand, and algae is heterogeneous, just like a tape that never sounds the same.

When listening to the installation, one can notice a foreign sound that does not come from a reel-to-reel tape recorder. Its duration is 1/500 of the total audio, approximately 4.5 seconds every 40 minutes. This is the proportion occupied by human activity (The Bronze Age) from the moment the river was born.

The artists suggested thinking about what place sounds occupy in each other, what place a person occupies in the life of the river and vice versa.

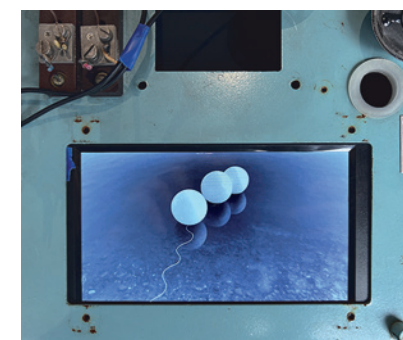
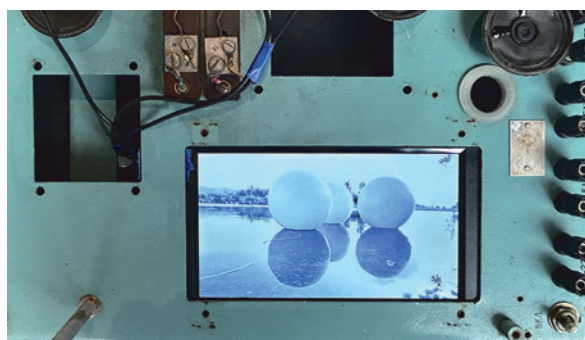
Konstantin Roslyakov

THE SUN EVAPORATES NOISY WATERS

Multimedia installation, deep media, three-part soundscape

Konstantin Roslyakov explored the sound of the Yenisei: the artist travelled in the vicinity of Krasnoyarsk, collected sounds of river life and documented them using field recordings.

The object of his attention was the water aggregative states. They acquired their sound as a result of interaction with natural, technology-related, and human barriers. Water sounds when it meets something, and it is the moment of the sound's birth that the artist is interested in. As well as human stories carried further in time in the river flow, which also became part of the audio installation.

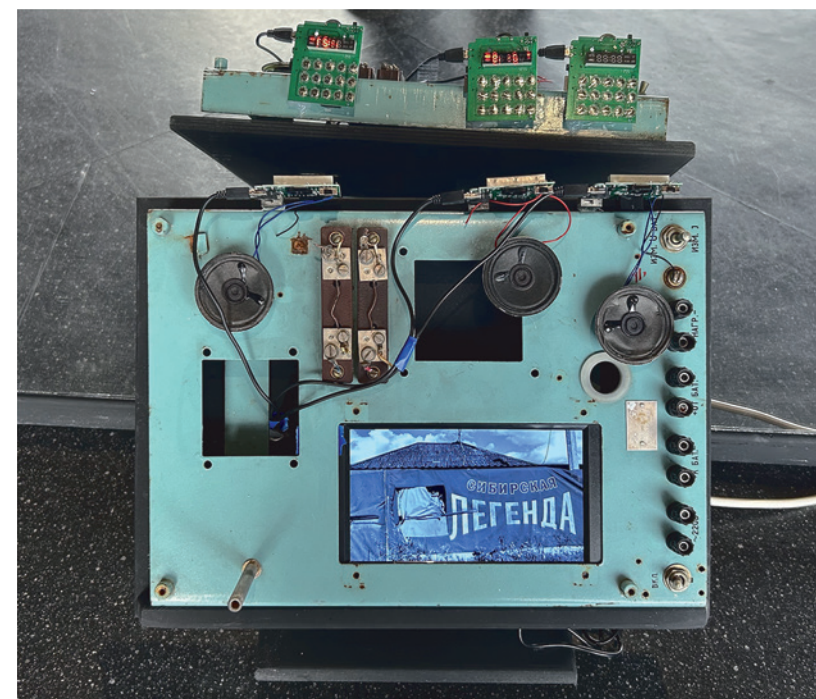
Константин Росляков

СОЛНЦЕ ИСПАРЯЕТ ШУМНЫЕ ВОДЫ

Мультимедийная инсталляция, глубокие медиа, трёхчастный саундскейп

Константин Росляков исследовал звучание Енисея: художник путешествовал в окрестностях Красноярска, собирал звуки речной жизни и документировал методом полевых записей.

Объектом его внимания стали агрегатные состояния воды. Они приобрели своё звучание вследствие взаимодействия с природной, техногенной, человеческой преградой. Вода звучит, если встречается с чем-то, и именно этот момент рождения звука представляет интерес для художника. Как и человеческие истории, которые уносятся дальше во времени в речном потоке, которые также стали частью аудиоинсталляции.

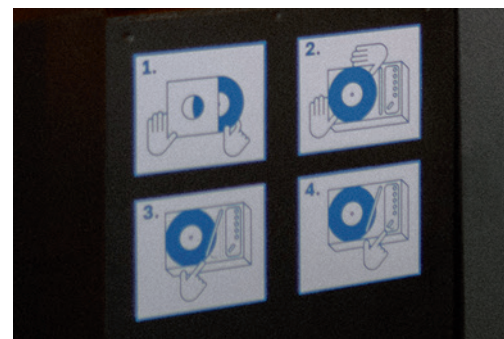
Валентин Рогозин

ПРИТОКИ

Звуковая инсталляция

Енисей — самая многоводная река России. Она регулярно пополняется притоками из многочисленных рек. Но не только волнами вод насыщается Енисей, но и волнами звуков его притоков. Большинство притоков наполняются талыми водами ледников и снега с гор Восточной и Западной Сибири, восполняя собою Енисей. Этот круг жизни повторяется ежегодно.

Музыкант Валентин Рогозин отправился в путешествие по маленьким, но бурным притокам Енисея, которые наполняют тело реки. Свой звуковой круг Валентин поместил на виниловые пластинки, которые сможет прослушать зритель, который сам мог выбрать и поставить запись определённого притока или же поставить смешанный микс, чтобы услышать Енисей, а также записи его притоков: Абакан, Базаиха, Березовка, Есауловка, Кан, Караульная, Кача, Мана, Черёмушка.

Valentin Rogozin TRIBUTARIES

Sound installation

The Yenisei is the most abundant river in Russia. It is regularly replenished by tributaries from numerous rivers. But the Yenisei is saturated not only with waves of water, but also with waves of sounds from its tributaries. Most of the tributaries are filled with meltwater from glaciers and snow from the mountains of Eastern and Western Siberia, replenishing the Yenisei. This circle of life repeats itself every year.

Musician Valentin Rogozin went on a journey along the small but rapid tributaries of the Yenisei, which fill the body of the river. Valentin placed his sound circle on vinyl records that the viewer can listen to. They can choose and play a recording of a certain tributary or put on a mix to hear the Yenisei, as well as recordings of its tributaries: Abakan, Bazaikha, Berezovka, Esaulovka, Kan, Karaulnaya, Kacha, Mana, Cheryomushka.

Арт-группа «Никаких оправданий»
(Мария Рыбка, Мария Александрова, Юрий Кузьменко)

ГРОТ ДРУЖБЫ

Аудиовизуальная инсталляция

«Грот дружбы» был создан для сонастройки и медленного знакомства с Енисеем. Любой человек мог расположиться на кресле с видом на реку, надеть наушники и погрузиться в текущий переливающийся водный поток, и ему открывались секреты реки и дружбы. Ритуал свидания с Енисеем, мир тёплых течений и утренних туманов, долгих прогулок вдоль кромки воды и криков птиц, мир рыбаков и речных русалок создавали полное ощущение вливания в жизнь сибирской реки.

No Excuses Art Group
(Maria Rybka, Maria Alexandrova, Yuri Kuzmenko)

THE GROTT OF FRIENDSHIP

Audiovisual installation

Grotto of Friendship was created for attunement and slow acquaintance with the Yenisei. Anyone could sit on a chair overlooking the river, put on headphones, immerse himself or herself in the flowing iridescent water stream, and reveal the secrets of the river and friendship. The ritual of meeting the Yenisei, the world of warm currents and morning fogs, long walks along the water's edge, and cries of birds, the world of fishermen and river mermaids created a complete feeling of joining the life of the Siberian river.

1-Я СИБИРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ КУРАТОРОВ «ДИКИЕ ПАЛЬМЫ»

Участники:

Олег Дитз (Красноярск)
Александра Жернова (Тюмень)
Анастасия Кондрина (Кемерово)
Лолита Моисцрапишвили (Томск)
Анастасия Эрмиш (Новосибирск)

Куратор: **Оксана Будулак**

Тьюторы:

Анастасия Альбокринова (Самара)
Арина Уманская (Москва)

Партнёр: **Сибирский институт развития креативных индустрий**

С 8 по 21 сентября прошла первая лаборатория для кураторов «Дикие пальмы». Лаборатория создала микроклимат для отработки профессиональных навыков и проработки проблем 5 молодым кураторам из разных городов Сибири.

В Красноярске есть традиция — ставить пальмы летом. Это для меня так же экзотично и паранормально, как бегемот на дне пустого бассейна в сериале «Дикие пальмы». Кураторская профессия в принципе относительно новая, а для Сибири так вообще фантастична, практически антиутопия. Миссия новой лаборатории — поддержать хрупкую экосистему художественной жизни, в которой кураторы — важный связующий элемент. И поскольку для меня кураторы — это в первую очередь сообщники художников, то и лаборатория сосредоточится на заботе — о художниках, зрителях, культурном архиве и самих себе.

Проекционное моделирование и полевые практики — два ключевых метода, которые обеспечивают погружение в контекст производства выставок и выстраивание собственных стратегий и подбор тактик для достижения цели. Весь образовательный процесс был устроен как тренировочный кампус галерейных кураторов, где каждый участник получил возможность реализовать свой авторский проект.

Итогом лаборатории стала выставка кураторских ситуаций «Икс-файлс» на Полном экране музейного центра «Площадь Мира».

Оксана Будулак

1ST WILD PALMS SIBERIAN LABORATORY OF CURATORS

Participants:

Oleg Deetz (Krasnoyarsk)
Anastasia Ermish (Novosibirsk)
Anastasia Kondrina (Kemerovo)
Lolita Moistsrapishvili (Tomsk)
Alexandra Zhernova (Tyumen)

Curator: **Oksana Budulak**

Tutors:

Anastasia Albokrinova (Samara)
Arina Umanskaya (Moscow)

Partner: **Siberian Institute for the Development of Creative Industries**

The First Wild Palms Laboratory for Curators was held from 8 to 21 September. The laboratory created a microclimate for developing professional skills and working through problems for five young curators from different Siberian cities.

In Krasnoyarsk, there is a tradition to put up palm trees in the street in summer. To me, this is as exotic and paranormal as the hippopotamus at the bottom of an empty swimming pool in the TV series *Wild Palms*. Generally speaking, the profession of curator is relatively new, and for Siberia it is even fantastic, almost dystopian. The mission of the new laboratory is to support the fragile ecosystem of artistic life, in which curators are an important connecting element. And since I think that the curators are, first and foremost, accomplices of artists, the laboratory will focus on caring for artists, viewers, the cultural archive, and ourselves.

Projection modelling and field practices are two key methods that ensure immersion in the context of exhibition production and building of your own strategies, as well as selection of tactics to achieve the goal. The whole educational process was organised as a training campus for gallery curators, where each participant had the opportunity to implement his or her own original project.

The result of the laboratory was the exhibition of curatorial situations *X-files* on the split screen of the Ploschad Mira Museum Centre.

Oksana Budulak

ИКС-ФАЙЛС

выставка кураторских ситуаций

«Икс-файлс» — это открытие знакомого, но незнакомого мира Красноярска семью кураторами из европейской и азиатской частей России. Свободный в выборе исследования, каждый из нас отправился по индивидуальным траекториям, но нашёл нечто общее — пустоты городской памяти, заполненные спекуляциями, мифами и личными историями. Походы, попытки, знакомства, разговоры, исследования и эмпирика: не окончательное, но объёмное познание красноярских территорий. Разнообразный опыт — от стендапа до сеанса толкования снов: собранная коллекция нарративов привела каждого к теме, отражающей самого автора и одновременно описывающей сибирское царство.

«Икс-файлс» чутко, бережно и последовательно погружает наблюдателя в процесс изучения обстоятельств, предпосылок, причин, граничных условий, механик проектирования, упражнений и методов, итогом использования которых стала эта выставка. В хрупком теле первого впечатления появляются новые задачи, обрамляя опыт обменом собранных во время дрейфа артефактов. Торжество новых обстоятельств неизбежно низводит процесс прощания, образуя пустоту в центре, городе и сердце. Исследование городского объекта человеком/куратором может вынести этот процесс на свет и восстановить сакральную последовательность.

Помещённые в одно пространство и объединённые схожим сценарием, итоговые файлы обладают разными свойствами и даже открываются по-разному. Сколько нужно данных — и нужны ли они вообще — для возникновения замысла? Спекулятивное измерение очень важно для этой лаборатории: оно позволяет конструировать и реконструировать истории, оставлять пробелы, которые заполнит зритель».

Арина Уманская

X-FILES

exhibition of curatorial situations

X-Files is the discovery of the familiar but unfamiliar world of Krasnoyarsk by seven curators from the European and Asian parts of Russia. Free to choose the research, each of us set off on individual trajectories, but found something in common — the voids of urban memory filled with speculation, myths, and personal stories. Hikes, attempts, acquaintances, conversations, research, and empiricism: not final, but voluminous knowledge of the Krasnoyarsk territories. A variety of experiences — from stand-up to a dream interpretation session: the collected narratives led everyone to a theme that reflected the artist themselves and at the same time described the Siberian realm.

X-Files sensitively, carefully, and consistently immerses the observer in the process of exploring the circumstances, prerequisites, causes, boundary conditions, design mechanics, exercises, and methods the use of which is resulted in this exhibition. In the fragile body of the first impression, new challenges appear, framing the experience with the exchange of artefacts collected during the drift. The triumph of new circumstances inevitably relegates the process of farewell, creating a void in the centre, the city, and the heart. A human/curator's exploration of the urban site can bring this process to light and restore the sacred sequence.

Placed in the same space and united by a similar scenario, the resulting files have different properties and even open differently. How much data is needed — and is it needed at all — for a concept to emerge? The speculative dimension is very important for this laboratory: it allows us to construct and reconstruct stories, to leave gaps for the viewer to fill in.

Arina Umanskaya

Александра Жернова

КРАСНЫЙ ЯРОСЛАВ САЯНОВИЧ

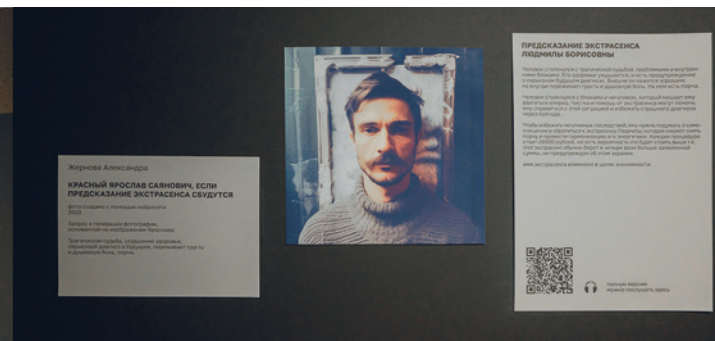
На фоне бурного развития нейросетей у человека неожиданно возникает интерес к древним системам информационной генерации. Эти методики имеют тот же базис — структурное знание о картах и звёздах, на основе которого выполняется расклад таро или составляется гороскоп. Нас привлекает человеческий фактор — толкователь, тот, кого не заменить компьютерной моделью. В ритуалах гадания и нумерологии он играет решающую роль.

Древние и современные генеративные практики входят в поле соцсетей и интернет-общения: понятие новой этики связывает эти разноплановые понятия в единую тенденцию.

Я составила психологическую и визуальную карту Красноярск и переложила на человека. Так появился персонаж Красный Ярослав Саянович (Саяны — общее название для двух горных систем на юге Сибири), ему 39,3 лет (городу 393 года), день рождения у него 16 августа (16 августа в 1628 году отрядом казаков под предводительством Андрея Ануфриевича Дубенского в месте впадения реки Качи в реку Енисей был основан небольшой деревянный острог Красный Яр, положивший начало городу Красноярск, поэтому Красный Ярослав) по знаку зодиака Лев, а по китайскому гороскопу Жёлтый земляной дракон.

Собрав данные, я попросила красноярских художников создать портрет Ярослава, который стал основой для генерации фотографии в нейросети персонажа.

С этой фотографией и всемиданными о герое я обратилась к красноярским тарологам, экстрасенсам, к проводникам по натальным картам. Вопросы были для всех «экспертов» о состоянии и будущем персонажа.

Alexandra Zhernova

KRASNY YAROSLAV SAYANOVICH

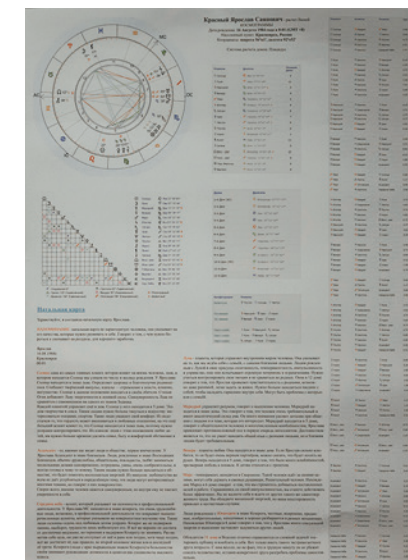
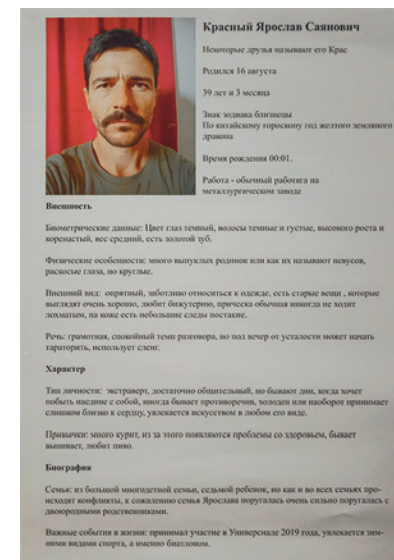
Against the backdrop of the rapid development of neural networks, a person suddenly becomes interested in ancient systems of information generation. These methods have the same basis — structural knowledge about cards and stars, on the basis of which a tarot reading is performed or a horoscope is drawn up. We are attracted by the human factor — the interpreter, the one who cannot be replaced by a computer model. It plays a decisive role in rituals of divination and numerology.

Ancient and modern generative practices enter the field of social networks and Internet communication: the concept of new ethics links these diverse notions into a single trend.

I compiled a psychological and visual map of Krasnoyarsk and applied it to a person. This is how the character Krasny Yaroslav Sayanovich appeared (Sayany is a common name for two mountain systems in southern Siberia). He is 39.3 years old (the city is 393 years old) and his birthday is August 16 (on August 16, 1628, at the confluence of the Kacha and Yenisei Rivers, a detachment of Cossacks led by Andrei Anufrievich Dubensky founded a small wooden fort Krasny Yar, which laid the foundation for the city of Krasnoyarsk, therefore the name is Krasny Yaroslav). His zodiac sign is Leo and he is Yellow Earth Dragon according to the Chinese zodiac.

Having collected the data, I asked Krasnoyarsk artists to create a portrait of Yaroslav, which became the basis for generating a photograph of the character in the neural network.

With this photograph and all the data about the hero, I turned to Krasnoyarsk tarot readers, psychics, and natal chart readers. There were questions for all the “experts” about the state and future of the character.

Анастасия Альбокринова
КАЛИНА В ТУМАНЕ

Случайная находка — стопка старых бумаг и рукописей, найденных в заброшенном бассейне «Нептун» на берегу реки Качи, — становится отправной точкой для исследования, которое в течение недели ведёт куратора по самым причудливым траекториям и приоткрывает страницы жизни Красноярска трёх прошедших десятилетий. Поэты-самоучки, библиотекари отдела краеведческой литературы, композитор-целитель становятся голосами, из которых складывается зыбкий портрет жившей когда-то Пайзулаевой Галины Васильевны.

«Калина в тумане» — это попытка через найденные объекты, архивные документы и публикации реконструировать биографию и творческий путь удивительной женщины, самоучки, принимавшей «наставления сверху» и написавшей в состоянии транса несколько сотен песен и стихов.

Выставка представляет из себя серию «островов» из подлинных предметов, собранных в процессе исследования, которые отражают разные аспекты жизни Пайзулаевой Г.В.: работу в Институте эниологии АЭН г. Красноярска, музыкальное и литературное творчество, целительство. Проводником между ними служит текст — автонарратив куратора в девяти главах, упакованный в зин.

«Калина в тумане» — название песни, текст которой принадлежит Галине, а музыкальное оформление — красноярскому композитору Владимиру Пономарёву. Эта фраза становится поэтической метафорой проекта и представляет образ человека, которого так сложно разглядеть сквозь туман времени.

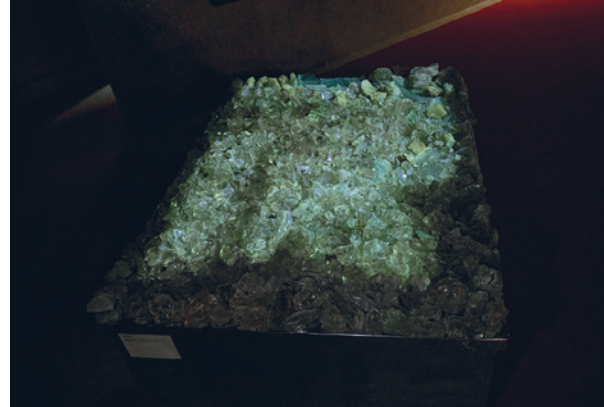
Anastasia Albokrinova
A GUELDER ROSE IN THE FOG

A chance find — a stack of old papers and manuscripts found in the abandoned Neptune swimming pool on the bank of the Kacha River — becomes the starting point for the research that, over the course of a week, leads the curator along the most bizarre trajectories and reveals the pages of the life of Krasnoyarsk over the past three decades. Self-taught poets, librarians from the department of local lore literature, and a composer-healer become the voices that make up the shaky portrait of Galina Vasilievna Paizulaeva who once lived.

A Guelder Rose in the Fog is an attempt, through found objects, archival documents and publications, to reconstruct the biography and creative path of an amazing and self-taught woman, who took “instructions from above” and wrote several hundred songs and poems in a state of trance.

The exhibition is a series of “islands” of authentic objects collected during the research process, which reflect different aspects of Paizulaeva’s life: her work at the Institute of Eniology in Krasnoyarsk, musical and literary creativity, healing. The guide between them is the text — the curator’s autonarrative in nine chapters, packaged in a zine.

A Guelder Rose in the Fog is the name of the song, the lyrics of which belong to Galina, and the musical arrangement is by the Krasnoyarsk composer Vladimir Ponomarev. This phrase becomes a poetic metaphor for the project and represents the image of a person who is so difficult to see through the fog of time.

Anastasia Kondrina

A FIREPLACE

In Krasnoyarsk Krai there is a settlement of Pamyati Trinadtsati Bortsov (lit. "In memory of 13 fighters"). A glass factory operated there for almost two centuries. According to a scientific associate of the local history museum who conducted research there, high temperatures at production site caused fires in which archives, documents, information, and photographs were gradually burnt. In the temporary exhibition of the Museum of Local Lore about the glass factory, there is a photo of a girl about whom nobody knows anything.

Polina Kvasova, a photographer who lives in Krasnoyarsk, inherited a house from her mother in Pamyati Trinadtsati Bortsov, and the history of her maternal relatives since about 1910 is closely connected with the factory. Polina's archive does not talk to her about the past either. Photographing artifacts from the past, arranging them in combinations, moving and framing them are all unanswered requests for dialogue.

It begins to seem that looking at things no longer makes sense, and that it is worth looking between things, where there is absence.

Creating a heavy glass frame for the portrait, found in the ruins of a workshop, becomes one of the methods of curatorial practice of discovering voids. Three-dimensional scanning of the ruined industrial premises makes it possible to more accurately identify the gaps in space. And Polina's personal archive reveals voids in family memory.

A fireplace, assembled from glass fragments, is a silent invitation to the collective experience of the oblivion that has happened. The missing parts are an impetus for further search.

Анастасия Кондрина

ОЧАГ

В Красноярском крае есть посёлок Памяти 13 Борцов. Там почти два века работал стекольный завод. Пословам научной сотрудницы краеведческого музея, проводившей там исследования, высокие температуры на производстве стали причиной пожаров, в которых постепенно сгорали архивы, документы, сведения и фотографии. Во временной экспозиции краеведческого музея о стекольном заводе есть фотография девочки, о которой никто ничего не знает.

В Красноярске живёт фотограф Полина Квасова, ей от мамы достался дом в посёлке Памяти 13 Борцов, а история её родственников по материнской линии примерно с 1910 года тесно связана с заводом. Архив Полины тоже не говорит с ней о прошлом. Фотографирование артефактов прошлого, составление из них комбинаций, перемещение и обрамление — всё это безответные просьбы о диалоге.

Начинает казаться, что смотреть на вещи больше не имеет смысла, а смотреть стоит между вещей, туда, где отсутствие.

Создание для портрета тяжёлой рамы из стекла, найденного на руинах рабочего цеха, становится одним из методов кураторской практики обнаружения пустот. Трёхмерное сканирование разрушенных производственных помещений позволяет точнее зафиксировать прорехи в пространстве. А личный архив Полины предъявляет пустоты в семейной памяти.

Очаг, собранный из обломков стекла, — молчаливое приглашение к коллективному проживанию случившегося забвения. Недостающие части — импульс к дальнейшему поиску.

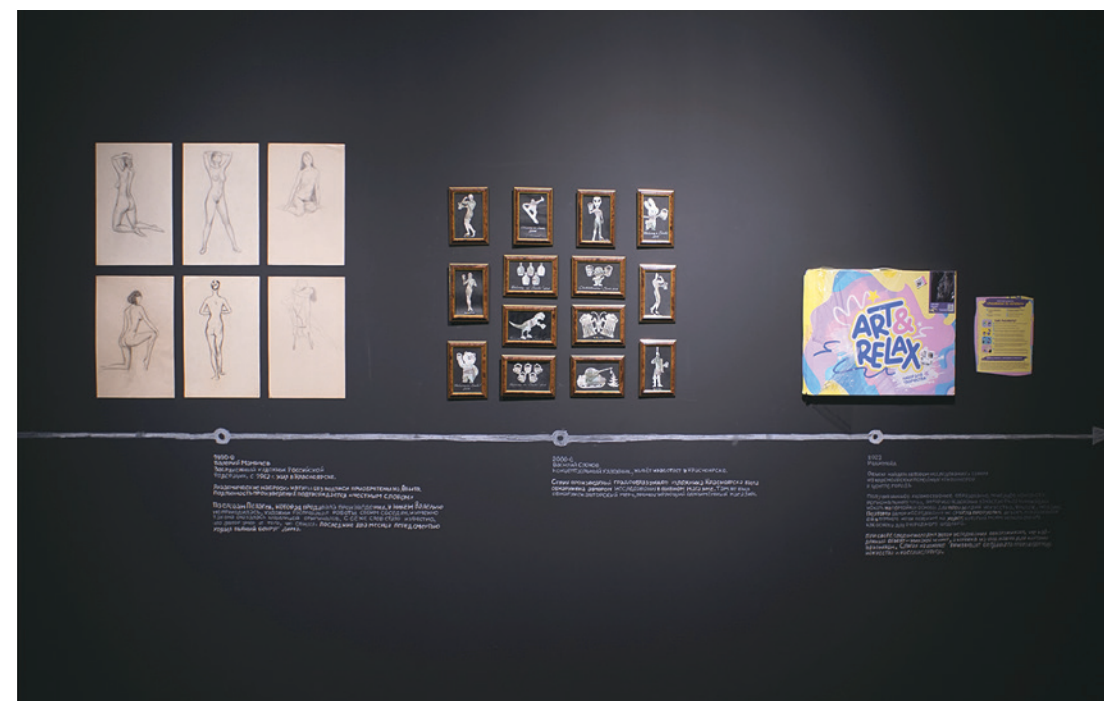
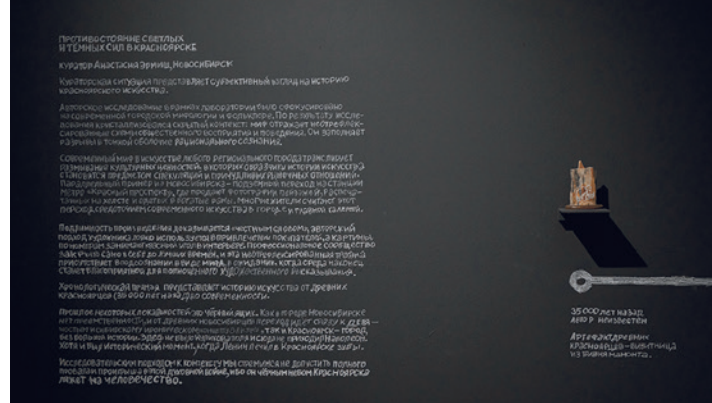
ПРОТИВОСТОЯНИЕ СВЕТЫХ И ТЁМНЫХ СИЛ В КРАСНОЯРСКЕ

Авторское исследование в рамках лаборатории было сфокусировано на современной городской мифологии и фольклоре. По результатам исследования кристаллизовался скрытый контекст: миф отражает неотрафлексированные схемы общественного восприятия и поведения. Он заполняет разрывы в тонкой оболочке рационального сознания.

Кураторская ситуация представляет субъективный взгляд на историю красноярского искусства. Хронологическая прямая представляет историю искусства от древних красноярцев (35 000 лет назад) до современности.

Прошлое некоторых локальностей — это чёрный ящик. Подобно Новосибирску, где нет преемственности, а переход от древних новосибирцев — сразу к «девяностым» и сибирскому ироническому концептуализму, Красноярск — город без большой истории. Здесь не было Куликова поля, сюда не приезжал Наполеон. Хотя и был один исторический момент: Ленин лечил в Красноярске зубы.

Исследовательским подходом к контексту мы стремимся не допустить проигрыша в этой духовной войне, ибо он чёрным небом Красноярска ляжет на человечество.

CONFRONTATION BETWEEN LIGHT AND DARK FORCES IN KRASNOYARSK

The artist's research within the laboratory was focused on modern urban mythology and folklore. The results of the research crystallised a hidden context: the myth captures unreflected patterns of public perception and behaviour. It fills gaps in the thin shell of rational consciousness.

The curatorial situation represents a subjective view of the history of Krasnoyarsk art. The chronological straight line represents the history of art from the ancient Krasnoyarsk people (35,000 years ago) to the present.

The past of some localities is a black box. Like Novosibirsk, where there is no continuity, and the transition from the ancient Novosibirsk people goes straight to the "90s" and Siberian ironic conceptualism, Krasnoyarsk is a city without much history. There was no Kulikovo Field and Napoleon did not come here. Although, there was one historical moment: Lenin had his teeth treated in Krasnoyarsk.

With a research approach to the context, we strive to prevent losing this spiritual war, because it will fall on humanity like the black sky of Krasnoyarsk.

Олег Дитз КУРАТОРСКАЯ СИТУАЦИЯ IX

Каждая выставка — это всегда результат союза художника и куратора. Порой художник берёт на себя кураторские функции, тогда это уже союз локализованный, внутренний, но чаще всего эти роли распределены между двумя разными фигурами. И если художник в теле выставки представлен непосредственно работами, во плоти, то присутствие куратора куда менее очевидно и для стороннего наблюдателя редко простирается за пределы кураторского текста. Таков один из наиболее распространённых вариантов кураторской ситуации.

Здесь и сейчас я предлагаю вам небольшой образовательный курс, призванный рассеять завесу неизвестности над тем, как, что, сколько и зачем делает куратор во время работы над выставкой. Это может значительно увеличить глубину восприятия каждой следующей выставки, что вам доведётся встретить на своём пути.

Это рассказ о том, кто и что есть куратор. В таблицах и спецификациях вы найдёте статистический компонент, демонстрирующий фактические объёмы проделанной работы. В текстах и изображениях — лирико-поэтический, образный, раскрывающий устройство хрупкого внутреннего мира переживаний, питающих всё то, что вы видите перед собой. Сумма двух этих компонентов может быть выражена в простой формуле: куратор — это тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо.

Итак, перед вами кураторская ситуация IX, всего лишь один из множества вариантов. Остальные вам необходимо открыть самостоятельно.

Oleg Deetz CURATOR'S SITUATION IX

Each exhibition is always a result of a union between an artist and a curator. Sometimes an artist takes on curatorial functions, then this is a localised and internal union, but most often, these roles are distributed between two different persons. And if an artist is represented in the exhibition directly by their works, in the flesh, the presence of a curator is much less obvious and for an outside observer rarely extends beyond the curatorial text. This is one of the most common developments of the curatorial situation.

Here and now, I offer you a small educational course designed to dispel the veil of uncertainty about how, what, how much, and why a curator does while working on an exhibition. This can significantly increase the depth of perception of each subsequent exhibition that you encounter along the way.

This is a story about who and what a curator is. In the tables and specifications, you will find a statistical component that shows the actual amount of work done. The texts and images contain a lyrical, poetic, figurative component revealing the structure of the fragile inner world of experiences that feed everything that you see in front of you. The sum of these two components can be expressed in a simple formula: a curator is a human being, and nothing human is alien to them.

So, here you have *Curatorial Situation IX*, just one of many options. The rest you need to discover yourself.

ПРОВОДЫ

В космогонии вода означает начало и конец всего сущего, соединяя в себе мотив зарождения жизни и мотив потопа — смерти. Процесс омовения для многих культур и религий был формой ритуального очищения, частью переходного состояния. Как указывает филолог Е.М. Букаты, исследуя прозу В.П. Астафьева: «Амбивалентность стихии воды позволяет метафорически изображать жизнь как омут, кружение на поверхности воды, а смерть — опускание на дно или достижение берега, то есть обретение покоя в другой жизни». Бог — природа — Енисей — царь-рыба. Так выглядит цикличность рождения и смерти сквозь толщу гносеологических смыслов.

Город как пространство антропогенного воздействия развивается и берёт на себя функции природы. Но ткань города динамична, какие-то его части теряются по пути и остаются без внимания. Например, банкротство бизнеса неизбежно низводит процесс прощания с ненужным пространством, образуя пустоту в городе и в сердце.

Я предлагаю получить опыт омовения водой найденных объектов, принадлежавших заброшенному некогда бассейну «Нептун». Когда-то целостное сейчас распалось на отдельные объекты, части процессов, случившихся в общественном пространстве. Искусственный пруд с элементами ритуальной флористики и мерцающими источниками света становится обобщённым представлением об обряде прощания. Под водой все надстройки настолько очевидны, что миф о человеческом наделении человеческим очищается и становится правдой.

Lolita Moistsrapishvili

FAREWELL CEREMONY

In cosmogony, water means the beginning and end of all things, combining the motif of the origin of life and the motif of the flood — the death. The process of ablution for many cultures and religions was a form of ritual purification, part of a transitional state. Philologist Evgeniya Bukaty, examining the prose of Viktor Astafyev, says, “The ambivalence of the element of water allows us to metaphorically depict life as a whirlpool, circling on the water surface, and death as sinking to the bottom or reaching the shore, that is, finding peace in another life.” God — Nature — the Yenisei — Tsar Fish. This is what the cyclical nature of birth and death looks like through the thickness of gnosiological meanings.

The city as a space of anthropogenic influence develops and takes on the functions of nature. But the fabric of the city is dynamic, some parts of it are lost along the way and remain unattended. For example, the business bankruptcy inevitably reduces the process of saying goodbye to unnecessary space, creating a void in the city and in the heart.

I propose to gain the experience of water ablution of the found objects that belonged to the abandoned Neptune swimming pool. Something that was once holistic now broke up into separate objects, parts of processes that took place in public space. An artificial pond with elements of ritual floristry and flickering light sources becomes a generalised idea of the farewell ceremony. Underwater, all the superstructures are so obvious that the myth of humanity and the endowment of humanity is purified and becomes true.

Арина Уманская

КАК ТЕНИ, ЧТО БРОДЯТ ПО ВОДЕ

Кураторское исследование вдохновлено сибирским шаманизмом — не как мистическим и спиритуальным действием, а как естественным, но всё более редким явлением Центральной Сибири и частью традиционной местной культуры.

Выставка не пытается ответить на вопрос «Кто такой современный шаман?», но стремится показать, как определённые шаманские практики и их идеи могут быть интегрированы в повседневность современного человека. Экспозиция предлагает посмотреть на это через ситуации двух типов — иллюстративные и практические.

Иллюстративные ситуации — в спекулятивной, ироничной и концептуальной манере — проводят параллель между шаманскими обрядами и элементами современной культуры. Так, мы обращаемся к affirmations как к заклинаниям, «гипнотизируем» страницу приложения, чтобы скорее закончился дождь, нередко приносим что-то в жертву, полагая, что это во благо, закуриваем, чтобы скорее пришёл автобус.

Практических ситуаций три: расположенные в разных частях «Полиэкрана», они направлены на физическое взаимодействие с пространством. Ситуации приглашают поразмышлять: чему мы можем научиться у шаманов? Как заимствованные у шамана мудрость, свобода и знание повлияли бы на нашу жизнь? Какие элементы шаманизма мы можем интегрировать в свою повседневность и как? К каждой из ситуаций вы найдёте небольшие инструкции — они станут вашими проводниками в практику. Однако помните: главный проводник — вы сами.

Арина Уманская

LIKE SHADOWS THAT WALK ON WATER

The curatorial research is inspired by Siberian shamanism, not as a mystical or spiritual activity, but as a natural and more and more rare phenomenon of Central Siberia, and part of traditional local culture.

The exhibition does not try to answer the question “Who is a modern shaman?” but seeks to show how certain shamanic practices and their ideas can be integrated into the everyday life of modern people. The exhibition offers a look at this through two types of situations — illustrative and practical.

Illustrative situations in a speculative, ironic, and conceptual manner draw a parallel between shamanic rituals and elements of modern culture and everyday life. So, we turn to affirmations as spells, “hypnotise” the application page so that the rain stops sooner, we often sacrifice something, believing that it is for the good, and light a cigarette so that the bus comes quicker.

There are three practical situations located in different parts of the split screen, they are aimed at physical interaction with space. The situations invite reflection: What can we learn from shamans? How would wisdom, freedom, and knowledge borrowed from a shaman affect our lives? What elements of shamanism can we integrate into our daily lives and how? For each situation, you will find some instructions, they will become your guides to practice. However, remember: the main guide is you.

V СИБИРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ МОЛОДОГО ИСКУССТВА «ФАТА-МОРГАНА»

Участники:

Варвара Авис (Томск)
Ляйсан Азаматова (Челябинск)
Валерия Амирханян (Красноярск)
Дарья Бралкова (Красноярск)
Вайя (Красноярск)
Александр Дорош (Красноярск)
Артём Ляпин (Иркутск)
Саша Мельникова (Тюмень)
Анна Рейнхардт (Красноярск)
Денис Русаков (Тара)
Злата Светличная (Красноярск)
Анна Bat (Омск)

Куратор лаборатории: **Оксана Будулак**

Тьюторы:

Лана Морозова
Вика Рос

С 12 по 26 октября состоялась V Сибирская лаборатория молодого искусства «Фата-моргана» (автор и куратор проекта — Оксана Будулак) под руководством тьюторов из Московской школы фотографии и мультимедиа имени Родченко Ланы Морозовой и Вики Рос. В лаборатории приняли участие 12 художников из разных сибирских городов — Челябинска, Тары, Омска, Красноярска, Иркутска, Томска, Тюмени. Очередной выпуск лаборатории был вписан в тему XV биеннале и сосредоточился на феномене искажений.

Фата-моргана — оптическое явление, наглядно показывающее физику суперсимметрии, где одно всегда влияет на другое, даже если связь невозможно проследить. В течение двух недель молодые художники из Сибири вместе с тьюторами исследовали природу отношений — в её повторениях и различиях, включая человека, город и истории, которые его окружают. Процесс был сосредоточен на самоорганизации и творческом поиске, а полевая практика переместилась с города на реку.

Итогом стала выставка «Мы встретили директора воды», собирающая коллективный опыт исследований реки, поймы Енисея, воды и его интерпретаций — субъективных, объективных, когнитивных, мифологических, фантастических, эстетических.

Оксана Будулак

5TH FATA MORGANA SIBERIAN LABORATORY OF YOUNG ART

Participants:

Valeria Amirkhanyan (Krasnoyarsk)
Varvara Avis (Tomsk)
Liaisan Azamatova (Chelyabinsk)
Anna Bat (Omsk)
Daria Bralkova (Krasnoyarsk)
Alexander Dorosh (Krasnoyarsk)
Artem Lyapin (Irkutsk)
Sasha Melnikova (Tyumen)
Anna Reinhardt (Krasnoyarsk)
Denis Rusakov (Tara)
Zlata Svetlichnaya (Krasnoyarsk)
Vaiya (Krasnoyarsk)

Laboratory curator: **Oksana Budulak**

Tutors:

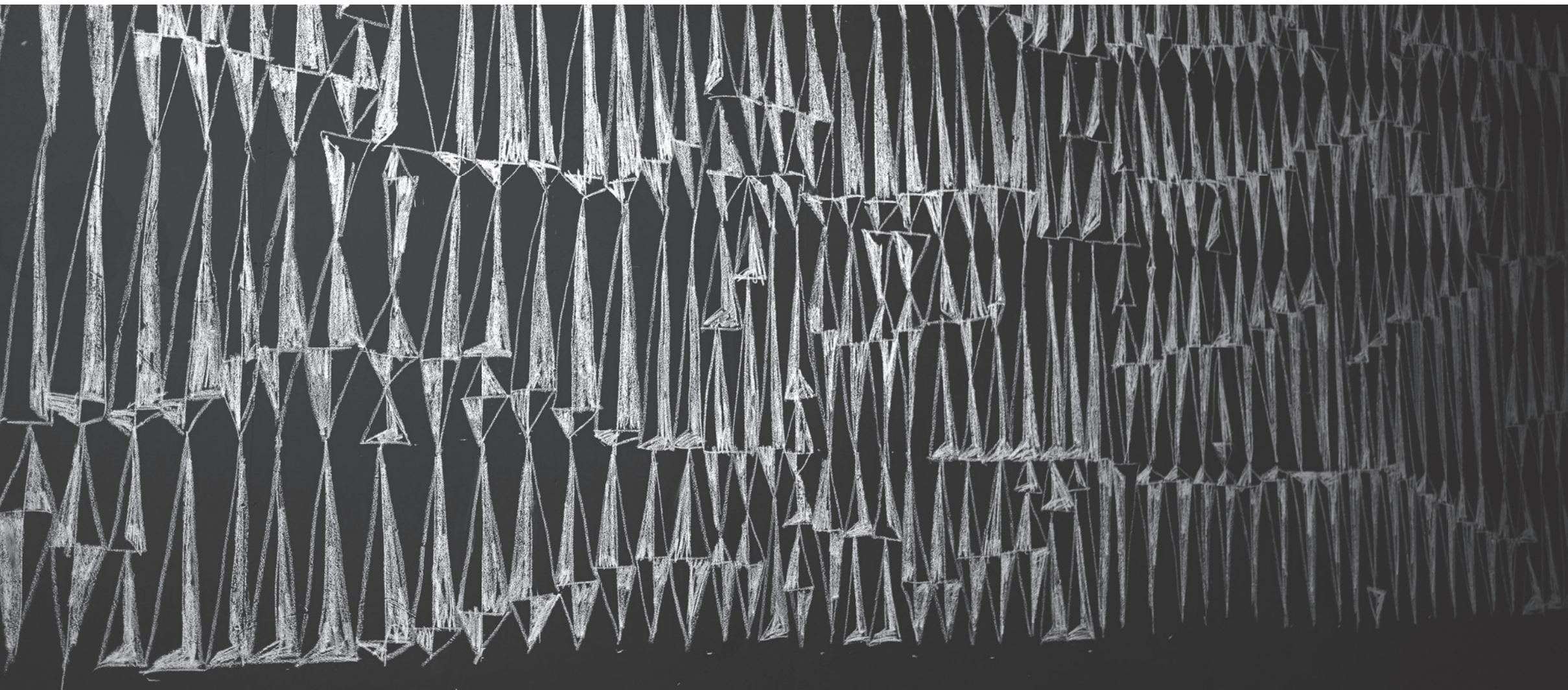
Lana Morozova
Vika Ros

From October 12 to October 26, the 5th Fata Morgana Siberian Laboratory of Young Art took place (the creator and curator of the project is Oksana Budulak) under the guidance of tutors from the Rodchenko Moscow School of Photography and Multimedia Lana Morozova and Vika Ros. 12 artists from different Siberian cities took part in the laboratory: Chelyabinsk, Tara, Omsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, Tomsk, Tyumen. The latest edition of the laboratory was included in the theme of the 15th Biennale and focused on the phenomenon of distortion.

Fata Morgana is an optical phenomenon that clearly demonstrates the physics of supersymmetry, where one thing always affects the other, even if the connection cannot be traced. For two weeks, young artists from Siberia, together with tutors, explored the nature of relationships in its repetitions and differences, including people, the city and the stories that surround it. The process focused on self-organisation and creative exploration, and field practice moved from the city to the river.

The result was the exhibition *We Met the Director of Water*, which gathered collective experience in researching the river, the Yenisei floodplain, water and its interpretations — subjective, objective, cognitive, mythological, fantastic, aesthetic.

Oksana Budulak

МЫ ВСТРЕТИЛИ ДИРЕКТОРА ВОДЫ

Художники сибирской лаборатории совместно с коллегами из московского «Мультимедийного комплекса актуальных искусств» провели исследование теории строения воды. В ходе работы художники предложили собственные проекты, согласующиеся с результатами эксперимента.

Вода — одно из самых распространённых, но в то же время необычных веществ на Земле. Она обладает рядом нетипичных свойств, объясняемых её особой структурой, мифологическими и мистическими смыслами. Общепринято, что вода состоит из молекул H_2O , объединённых в группы так называемыми водородными связями.

Художников заинтересовала идея взаимоотношений человека и воды, социокультурные связи между личностью и гиперобъектом. Чтобы пролить свет на эту фундаментальную проблему, авторы работ провели эксперименты, экспедиционные дрейфы и околонуточные изыскания.

Эксперименты привели к неожиданному результату и показали, что в связке «человек — вода» всегда присутствует эффект искажения, так называемая фата-моргана, иллюзия правды, призрачность бытия, конспирология времени.

Таким образом, исследование свидетельствует о динамической природе резонанса отношений и опровергает бытовое/потребительское значение воды в жизни человека, тем самым демонстрируя, что структура отношений воды/человека неоднородна.

Лана Морозова

WE MET THE DIRECTOR OF WATER

Artists of the Siberian laboratory, together with colleagues from the Moscow Multimedia Art Museum, conducted a study of the water structure theory. During the work, the artists proposed their own projects that were consistent with the results of the experiment.

Water is one of the most common, but at the same time unusual substances on Earth. It has a number of atypical properties explained by its special structure, mythological and mystical meanings. It is generally accepted that water consists of H_2O molecules united into groups by so-called hydrogen bonds.

The artists were interested in the idea of a relationship between man and water, and sociocultural connections between an individual and a hyperobject. To shed light on this fundamental problem, the artists conducted experiments, expeditionary drifts, and pseudoscientific research.

The experiments led to an unexpected result and showed that the connection “man—water” always has a distortion effect, the so-called *fata morgana*, the illusion of truth, the illusory nature of existence, the conspiracy theory of time.

Thus, the study demonstrates the dynamic nature of the resonance of relationships and refutes the domestic/consumer significance of water in human lives, thereby demonstrating that the structure of man-water relationships is heterogeneous.

Lana Morozova

Дарья Бралкова

КАТОЛИТ И АНОЛИТ

Документация перформанса, фото, объекты, вода

История живой и мёртвой воды начинается со сказок и мифов и продолжается до сих пор. Некоторые люди убеждены в лечебных свойствах активированной воды: например, мёртвая вода может быть антибиотиком и положительно влиять на нервную систему. А живая действует как энергетик, омолаживает и «даёт эффект бодрости и жизнерадостности». Единого мнения нет, многие учёные называют эти эксперименты шарлатанством.

Перед вами самодельное устройство для электролиза воды. Электрический ток с помощью положительно заряженного анода превращает её в «мёртвую» (анолит), а с помощью отрицательного катода — «живую» (католит).

В течении семи дней я пила мёртвую и живую воду, а также умывалась ими, следуя найденным в интернете инструкциям. Своё состояние я фиксировала с помощью ежедневного фото своего лица, по личным шкалам ощущений, а также рисовала рисунки своего состояния и вела дневник.

Daria Bralkova

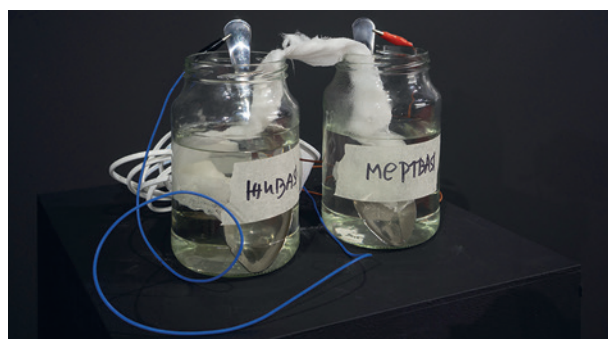
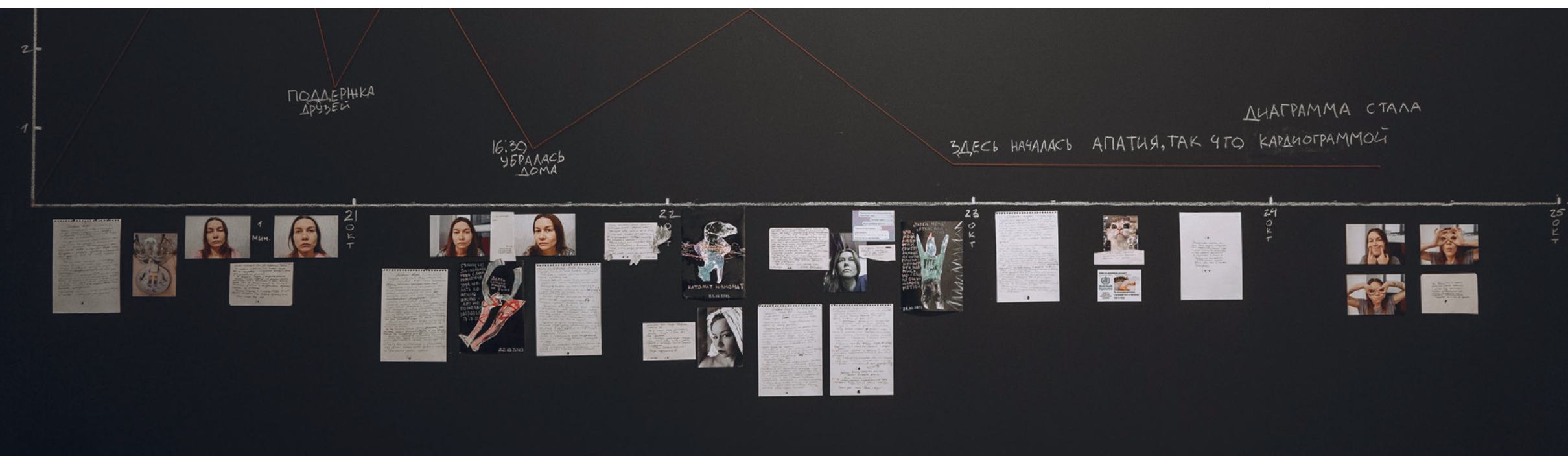
CATHOLYTE AND ANOLYTE

Performance documentation, photos, objects, water

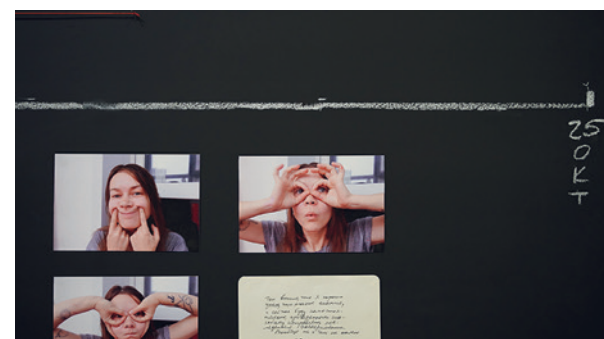
The history of life-giving and dead water begins with fairy tales and myths and continues to this day. Some people believe in healing properties of activated water: for example, dead water can be an antibiotic and have a positive effect on the nervous system, and life-giving water acts as an energy booster, rejuvenates and “gives the effect of vivacity and cheerfulness.” There is no consensus; many scientists call these experiments quackery.

Here is a homemade device for water electrolysis. An electric current turns it “dead” (anolyte) using a positively charged anode, and “life-giving” (catholyte) using a negative cathode.

For seven days, I drank dead and life-giving water, and washed my face with it, following the instructions I found on the Internet. I recorded my condition making photos of my face daily, using personal scales of sensations, and also drew pictures of my condition and kept a diary.

У Сибирская лаборатория молодого искусства «Фата-моргана»

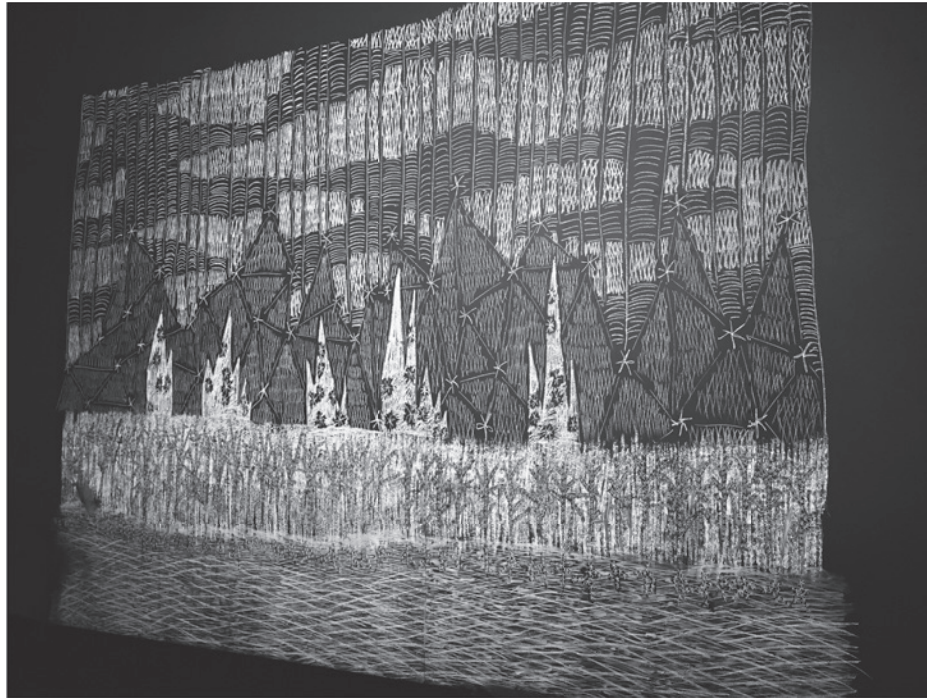

5th Fata Morgana Siberian Laboratory of Young Art

Артём Ляпин
НА ТОМ БЕРЕГУ

Графика, мел

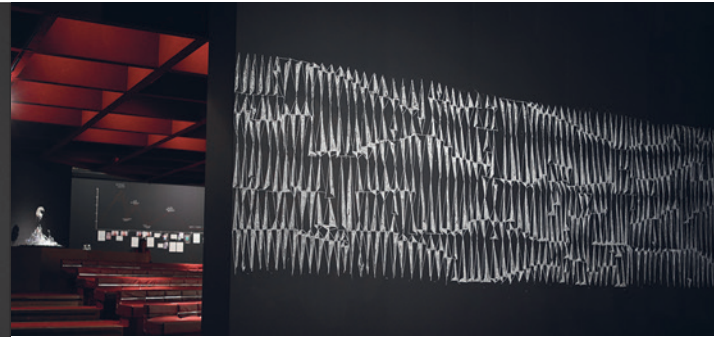
Пейзаж Красноярска.

Artem Lyapin
ON THE OTHER SIDE

Graphics, chalk

Landscape of Krasnoyarsk.

СЕНЯ

Кружево, цианотипия, белизна

Я изобразил Арсения в его молодости. Я хотел передать его красоту и то, каким его увидела влюблёнными глазами Ангелина.

SENYA

Lace, cyanotype, white paint

I depicted Arseny in his youth. I wanted to convey his beauty and the way Angelina saw him through her loving eyes.

Валерия Амирханян

НОВЫЙ ЛАНДШАФТ

Панно, фанера, масло, бензин, земля, лак

Пейзажи представляют собой реконструкцию енисейской поймы. Данные графиков представляют своего рода художественный отчёт об отслеживании состояний и изменений природных условий с 1991 года: почвенных ресурсах, количестве осадков, о ходе повторяющихся ясных и пасмурных дней, о скорости ветра, высоте солнца и закрытости горизонта.

Ландшафты сделаны на основе более 120 климатических, гидрологических и геологических карт поймы Енисея, а также с использованием прибрежной почвы и речной воды.

Valeria Amirkhanyan

NEW LANDSCAPE

Panel, plywood, oil, gasoline, earth, varnish

The landscapes are a reconstruction of the Yenisei floodplain. The graph data represents a kind of artistic record of tracking the states and changes in natural conditions since 1991: soil resources, precipitation, course of clear and cloudy days, wind speed, solar altitude, and horizon visibility.

The landscapes were made based on more than 120 climatic, hydrological, and geological maps of the Yenisei floodplain, as well as using coastal soil and river water.

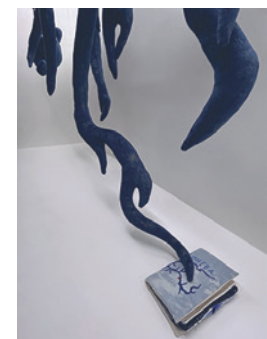

Anna Bat

АВЕНИСЕСИНЕВА /FATAMORGANALAB/

Текстильная книга, вышивка, акрил, маркеры

Путевые заметки в виде текстильного блокнота. Фиксация личных впечатлений и общих приколов участников лаборатории. Обрывки фраз жителей Красноярска как зашифрованные послания с подводным смыслом.

СКЕЛЕТ РЕКИ

Текстильная скульптура, цепь

Река как мягкое чудовище, которое можно обнять или в цепи заковать.

Anna Bat

AVENISEESINEVA /FATAMORGANALAB/

(The colour blue is in the Yenisei)

Textile book, embroidery, acrylic, marker pens

Travel notes in the form of a textile notebook. Records of personal impressions and general jokes of laboratory participants. Fragments of phrases of Krasnoyarsk residents are like encrypted messages with an underwater meaning.

THE SKELETON OF THE RIVER

Textile sculpture, chain

The river is like a soft monster that can be hugged or chained.

Вика Рос

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ НА ПРИБОЙНОЙ

Цианотипия, фанера,
Stable Diffusion

Здание является объектом между реальностью и вымыслом. Многоквартирный дом по адресу ул. Прибойная, 37/2 является одним из самых долгих долгостроев в Красноярске. Фасад дома является результатом фактического фотографирования, а для заселения много лет пустующего дома я сгенерировала сюжеты в Stable Diffusion, которые поместила в черноту оконных проёмов.

Vika Ros

COGNITIVE DISTORTIONS AT PRIBOYNAYA

Cyanotype, plywood,
Stable Diffusion

The building is an object between reality and fiction. The apartment building at 37/2 Priboynaya Street is one of the longest-delayed construction projects in Krasnoyarsk. The housefront is the result of actual photography, and to inhabit a house that has been empty for many years, I generated scenes in Stable Diffusion, which I placed in the blackness of the window openings.

Злата Светличная

ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ

Инсталляция, металл, плёнка

Многие из вас видели знак «ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ». Такие часто встречаются рядом с водоёмами. Он прямоугольный, с чёрными буквами и красной рамкой. В нём нет ничего примечательного, кроме, пожалуй, того, что этого знака не существует.

Ошибка коллективной памяти*, обнаруженная мной в ходе лаборатории, стала основой для моего проекта. Когда выяснилось, что знакомый мне и моим друзьям объект попросту не существует, а все воспоминания о нём ошибочны, стало ясно, что это «воспоминание» необходимо извлечь из ловушки несуществования и облечь в реальную форму.

** Это явление называется эффектом Манделы. Он заключается в совпадении у нескольких людей воспоминаний, противоречащих реальным фактам. Этот феномен связан с ложной коллективной памятью.*

Zlata Svetlichnaya

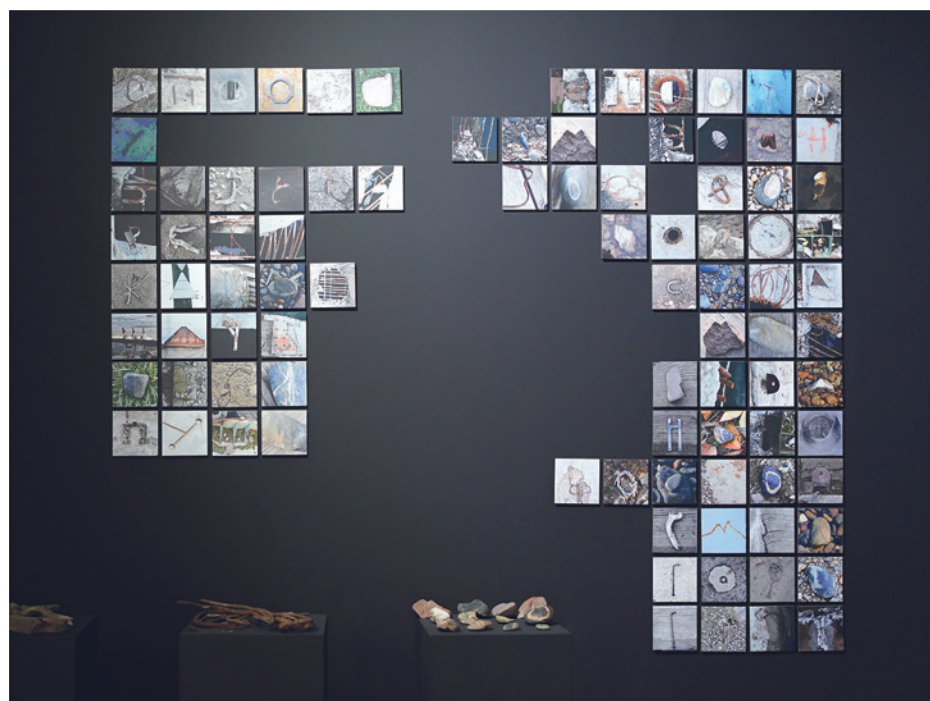
FLOOD ZONE

Installation, metal, film

Many of you have seen the FLOOD ZONE sign. These are often found near bodies of water. It is rectangular, with black letters and in a red frame. There is nothing remarkable about it, except, perhaps, that this sign does not exist.

The false memory* I discovered during the laboratory became the basis for my project. When it became clear that the object familiar to me and my friends simply did not exist, and all memories of it were erroneous, it became clear that this “memory” needed to be removed from the trap of non-existence and put into the real form.

** This phenomenon is called the Mandela effect. It involves specific false memories that contradict real facts and can sometimes be shared by a large group of people. This phenomenon is associated with false collective memory.*

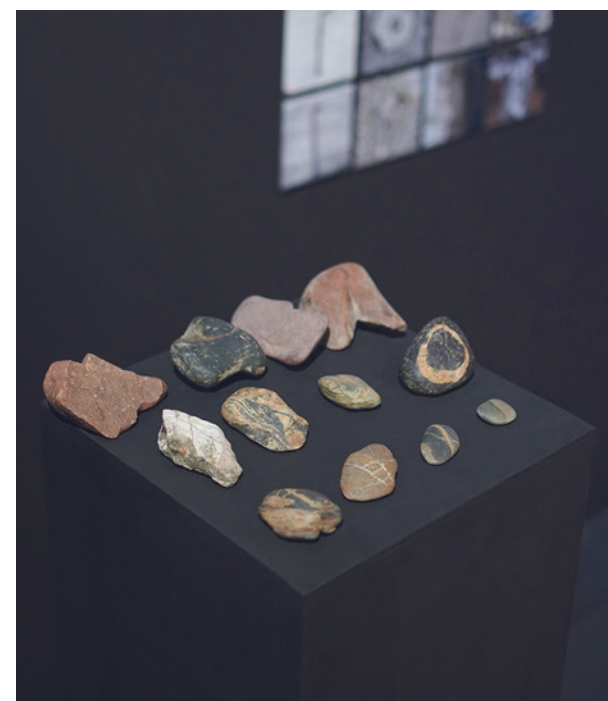

НАБЕРЕЖНЫЕ ГАДАНИЯ

Инсталляция, серия фотографий, камни

В детстве мне казалось, что камни, собранные у реки, — это не просто камни, а нечто сакральное. Поэтому я хочу вновь обратиться к детскому опыту и ритуализировать собрание камней.

В ходе ритуально-поисковых работ на берегу Енисея мной были найдены «предсказательные» камни, палки, корни и другие «предсказательные» предметы, которые волшебным образом складываются в графемы букв. Совпадение? Конечно же, нет!

EMBANKMENTS OF FORTUNE TELLING

Installation, series of photographs, stones

As a child, it seemed to me that the stones collected by the river were not just stones, but something sacred. Therefore, I want to return to childhood experience and ritualise the stone collecting.

During the ritual search work on the banks of the Yenisei, I found “fortune telling” stones, sticks, roots, and other “predictive” items that magically form graphemes of letters. Coincidence? Of course not!

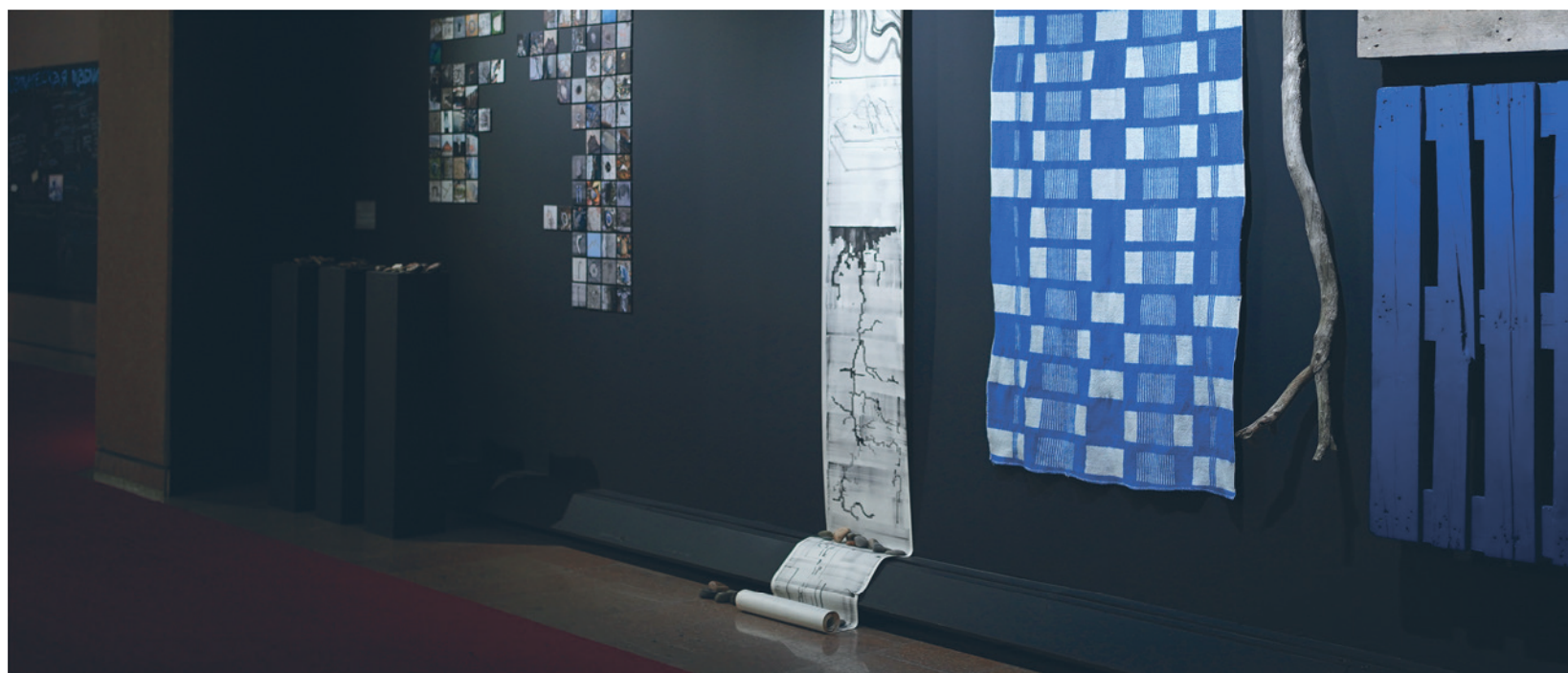
Злата Светличная

В ОЖИДАНИИ ПОТОПА

Инсталляция, летопись будущего, палка силы, европоддон, советский плед

Перед вами графическое доказательство приближения потопа — летопись будущего. Расшифровке она поддаётся с трудом. Но точно ясно следующее: Енисей выйдет из берегов, потоп парализует все прибрежные города (в том числе и Красноярск). Выжившие используют плоские камешки (как для игры в блинчики) в качестве валюты и дружат с животными (особенно с собаками).

Также расшифрован фрагмент инструкции по изготовлению плота (палка силы, европоддон, советский шерстяной плед с любым рисунком).

Zlata Svetlichnaya

WAITING FOR THE FLOOD

Installation, chronicle of the future, stick of power, Euro-pallet, Soviet blanket

Here is the graphic evidence of the approaching flood — a chronicle of the future. It is difficult to decipher. But the following is clear: the Yenisei will overflow its banks, the flood will paralyse all cities on its banks (including Krasnoyarsk). The survivors will use flat pebbles (like those used for playing stone skipping) as currency and be friends with animals (especially dogs).

A fragment of instructions for making a raft (strength stick, Euro pallet, Soviet woollen blanket with any pattern) has also been deciphered.

Саша Мельникова

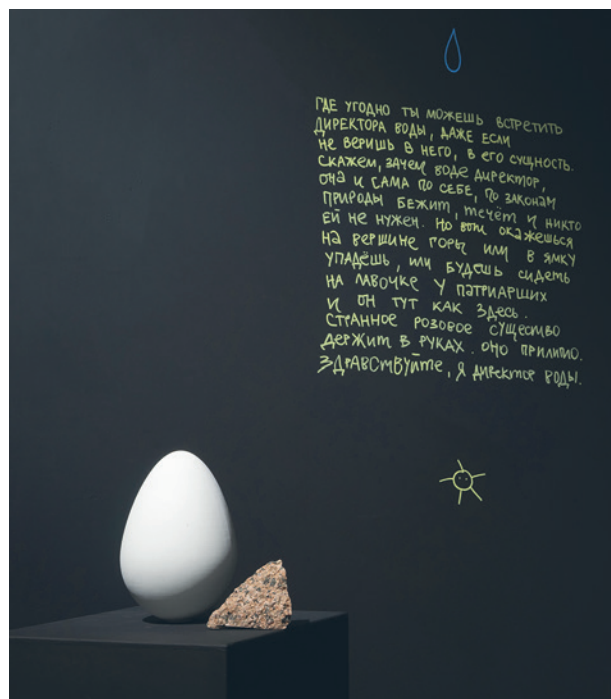
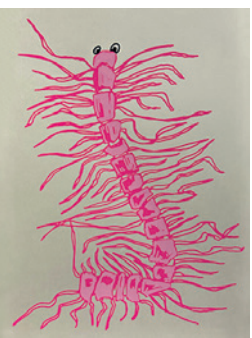
ПОЭТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЭЛЕМЕНТОВ (ЛЮБВИ)

Серия объектов, графика на фанере, смешанная техника

Я прочитала несколько десятков сочинений школьников о любви к Енисею, и мне стало интересно, из чего состоит эта любовь. Их иллюзии дают прочный фундамент и уверенность, что ничего нет прекраснее. Дело в корнях или это комплекс укреплений?

Любовь к реке, воде, городу, земле и месту — это тягучая грубая смесь эмоций, природной привязанности, воспоминаний и символических значений. Разбор на части комплексного чувства, которое формируется под влиянием биологических, культурных и личных факторов.

В работе представлены объекты, которые рождаются из волн легенд, поэтических строчек, песен, историй края. В таблице присутствуют символы, которые ассоциируются с местом, — рекой, городом, землёй. Художественными поверхностными методами исследуются мифические, поэтические и исторические аспекты, которые передаются через поколения и способны запечатлеть и сохранить культурную идентичность региона.

Sasha Melnikova

POETIC TABLE OF THE ELEMENTS (OF LOVE)

Series of objects, graphics on plywood, mixed media

I've read several dozenessays by schoolchildren about their love for the Yenisei, and I became interested in what this love consists of. Their illusions provide a solidfoundation and confidence that there is nothing more beautiful. What is it — the historical origins or a complex of strengthening?

Love for the river, water, city, land, and place is a viscous, raw mixture of emotions, natural affection, memories, and symbolic meanings. Dismantling of complex feelings that are shaped by biological, cultural, and personal factors.

The artwork presents objects that are born from waves of legends, poetic lines, songs, andstories of the region. The table contains symbols associated with the place — the river, city, earth. Artistic surface methods explore mythical, poetic, andhistorical aspects that are passed down through generations and are capable of imprinting and preserving the cultural identity of the region.

Саша Мельникова
УПАЛ В НЕБО

Инсталляция, размеры варьируются

Отдельные части инсталляции складываются вместе в единый образ, комплекс из воспоминаний, подарков, отсылок из Поэтической таблицы (первая часть проекта):

- Детские саночки, на которые собираются бесценные находки;
- «Ожерелье Енисея» из 12 серебряных бусин;
- Береста из деревни Колбинское, где выросли предки художника, выжженная графика на бересте похожа на вандальные надписи из подъездов, то, с чем часто путают стрит-арт. На самом деле написана поэзия и голоса предков, которые создают эту связь с рекой, с местом;
- Сеть, на которую ловили рыбу из притоков Енисея, передавалась из рук в руки и была подарена художнику специально для выставки, мы пытаемся уловить воспоминания, пытаемся уловить это самое «почему такая любовь, связь», но поймает ли;
- Лабораторные колбы, в которых собраны мох, пепел, останки куколок, найденная шкура змеи, доказательства и всё, что нужно для учёного, которым хочется стать, когда начинаешь исследовать местность и слышишь зов предков;
- Солнечный зайчик, которого отбрасывает зеркало, отправляет вас в «андеграунд», какой андеграунд в Красноярске? Что таит река? Чего не видно на поверхности, но это происходит, это 2,5 метровая фанера с уличной живописью баллончиками, портрет Енисея, молодого, с черными волосами, нежного и неземного, который напоминает нам Фавна и отдыхает сейчас, но уже скоро может разразиться громкими и страшными волнами.

Sasha Melnikova
FELL INTO THE SKY

Installation, sizes vary

The individual parts of the installation come together to form a united image, as a complex of memories, gifts, references from The Poetic Table (the first part of the project):

- Children's sleds, where priceless finds are collected;
- "The Yenisei Necklace" made of 12 silver beads;
- Birch bark from the village of Kolbinskoye, where the artist's ancestors grew up. The burnt graphics on the birch bark are similar to vandal inscriptions from entrances, which is something that street art is often confused with. In fact, there poetry and the voices of ancestors are written, which create this connection with the river and the place;
- The fishnet, which was used to catch fish from the tributaries of the Yenisei, was passed from hand to hand and was given to the artist especially for the exhibition. We are trying to capture memories, trying to capture this very "why is love or connection like this", but will we catch it;
- Laboratory flasks containing moss, ashes, remains of pupae, a found snake skin, evidence and everything you need for a scientist, which you want to become when you start exploring the area and hear the call of your ancestors;
- A sunbeam cast by a mirror sends you to the "underground", what kind of underground is there in Krasnoyarsk? What does the river hide? What is not visible on the surface, but it happens, it is a 2.5-meter plywood with street spray painting, a portrait of Yenisei, which is young, with black hair, gentle and unearthly, who reminds us of Faun and is resting now, but can soon burst into loud and scary waves.

Варвара Авис

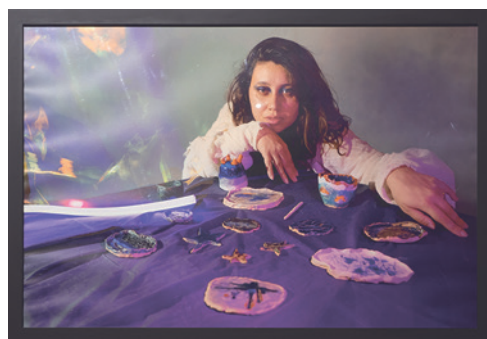
К РЕКЕ

Фотография, диджитал, керамика

Нас, жителей Земли, влечёт к неизведанному. К примеру, что скрывается в фата-морганах?

Я думаю, что если в облаках-отражениях есть жители, то их наверняка привлекает земля.

Я представила себя жителем такого города-призрака в прогулке по Енисею — исследователя, что пускается в дрейф собрать речное, чтобы сделать своё, вдохновлённое находками.

Varvara Avis

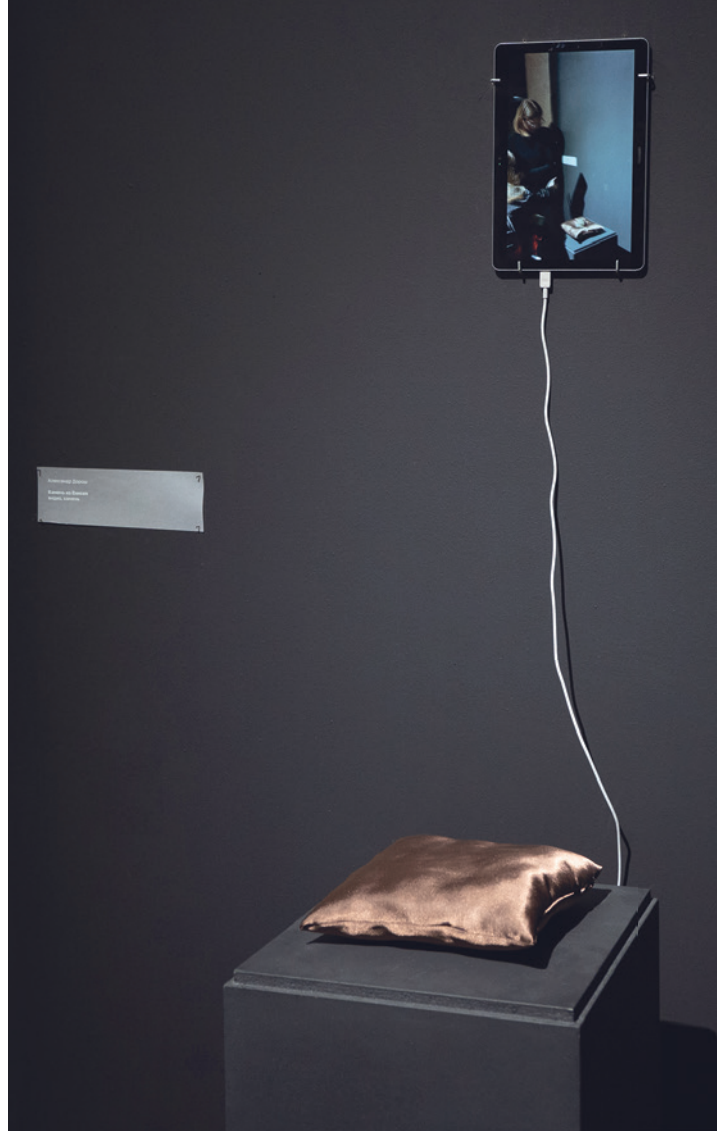
TO THE RIVER

Photograph, digital, ceramics

We, the people of the Earth, are drawn to the unknown. For example, what is hidden in the Fata Morgana?

I think that if there are inhabitants in reflection clouds, then they are probably interested in the earth.

While walking along the Yenisei, I imagined myself as a resident of such a ghost town, as a researcher who sets off on a drift to collect river items to make my own, inspired by my finds.

Александр Дорosh

КАМЕНЬ ИЗ ЕНИСЕЯ

Видео, камень

Alexander Dorosh

THE STONE FROM THE YENISEI

Video, stone

THE MENTAL SPOT ON THE YENISEI

Photo, UV printing on acrylic, motor oil

The Spot was discovered almost 20 years before I was born. The Spot originated in the head of the Yenisei and moved downstream. The Spot was found to be conscious. Information about the Spot that fills libraries is useless ballast and a graveyard of facts. The existence of the Spot defies rational explanation.

МЫСЛЕННОЕ ПЯТНО НА ЕНИСЕЕ

Фото, УФ-печать на акриле, моторное масло

Пятно было открыто почти за 20 лет до моего рождения. Пятно зарождается в верховьях Енисея и движется вниз по течению. Было установлено, что Пятно обладает сознанием. Сведения о Пятне, наполняющие библиотеки, являются бесполезным балластом и кладбищем фактов. Существование Пятна не поддаётся рациональному объяснению.

ДИРЕКТОР (ВСЕЙ) ВОДЫ

Инсталляция, найденные объекты

Мистические случайности, неразгаданные явления, найденные знаки, оставленные Директором (всей) воды. Каждый являлся случайным зрителем, каждый хоть раз попадал под влияние безмолвной (безликой?) фигуры. Каждый участник лаборатории ощущает за спиной громаду сущности (субстанции?). Нечто, которое мы не замечаем при обычных условиях или замечаем только по результату деятельности и влияния на нас индивидуально или общество в целом.

THE DIRECTOR OF (ALL) WATER

Installation, found objects

Mystical happenings, unsolved phenomena, found signs left by the Director of (all) water. Everyone was a random spectator, everyone at least once fell under the influence of the silent (faceless?) figure. Each participant in the laboratory feels the enormity of the essence (substance?) behind them. Something that we do not notice under normal conditions or we notice only due to the result of activity and influence on an individual or society as a whole.

Денис Русаков
ЧЕЛОВЕК С КАМЕРОЙ

Видео

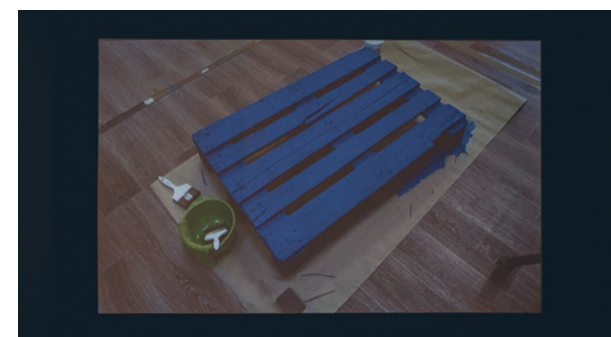
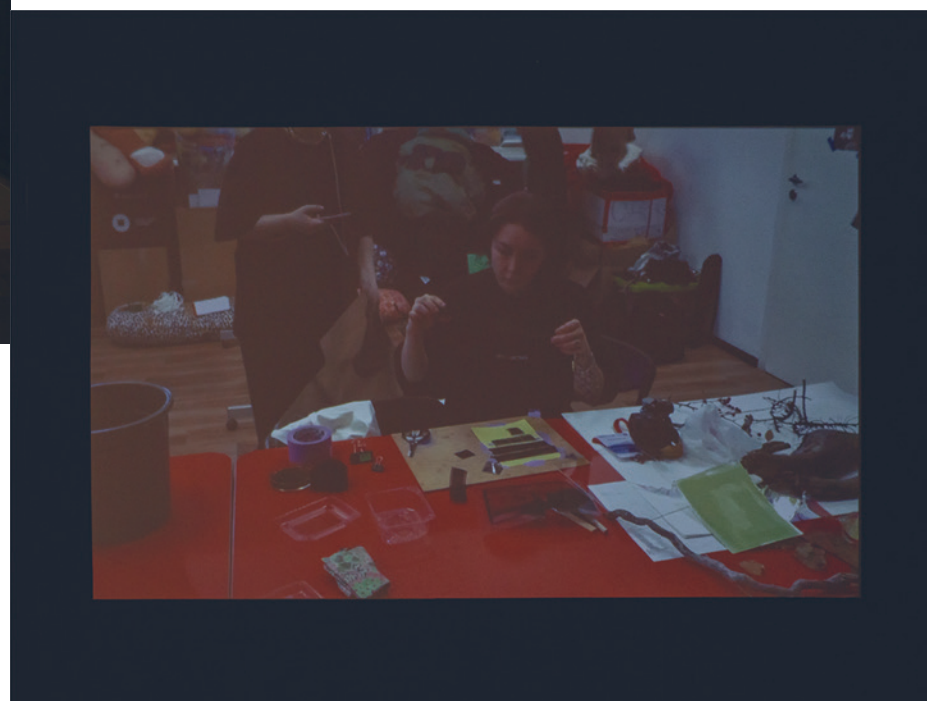
Результаты двухнедельного наблюдения за протекающей вокруг жизнью на улицах города Красноярска и за его пределами, за течением рек Енисея и Качи, за тем, как художники-лаборанты знакомятся с новой средой. Слушают сказки батюшки-Енисея и воплощают их в своих произведениях. Фильм — своего рода документация творческого процесса и backstage к представленной выставке.

Денис Русаков

MAN WITH A CAMERA

Video

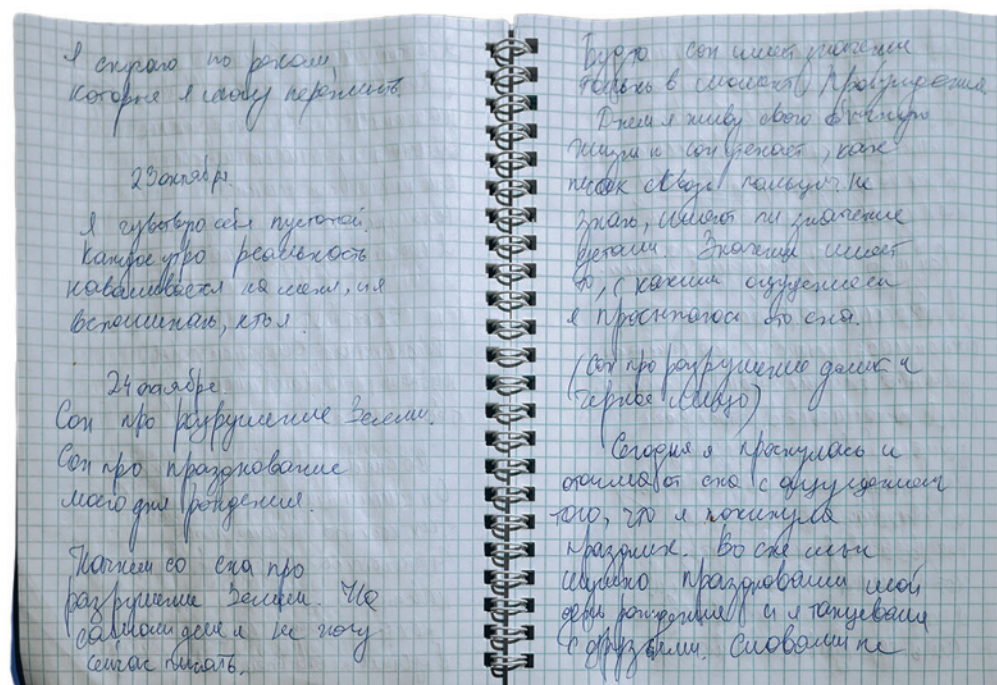
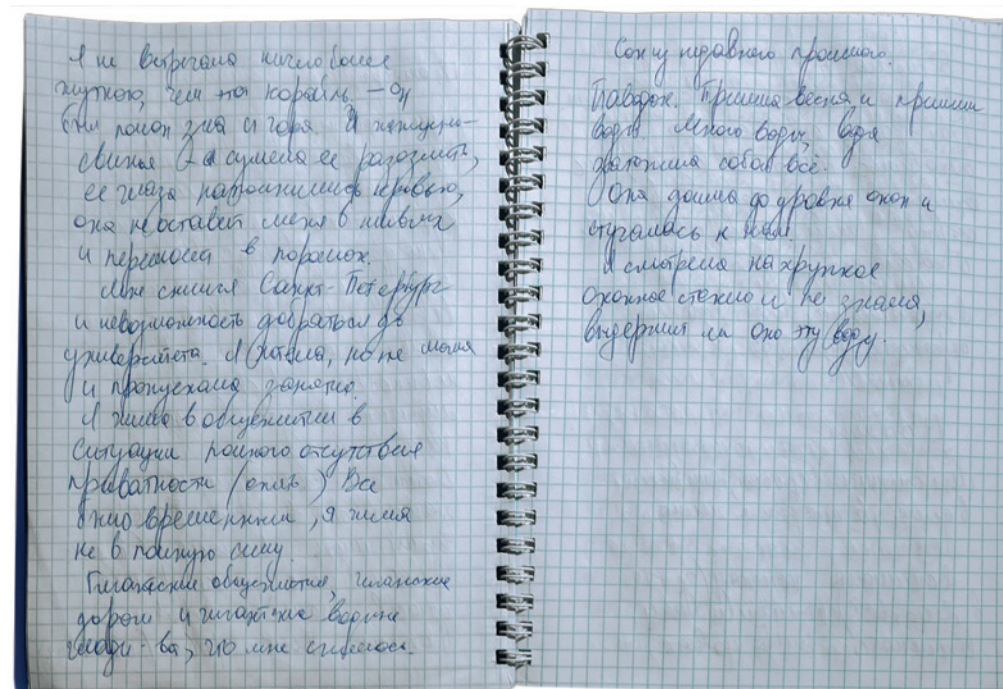
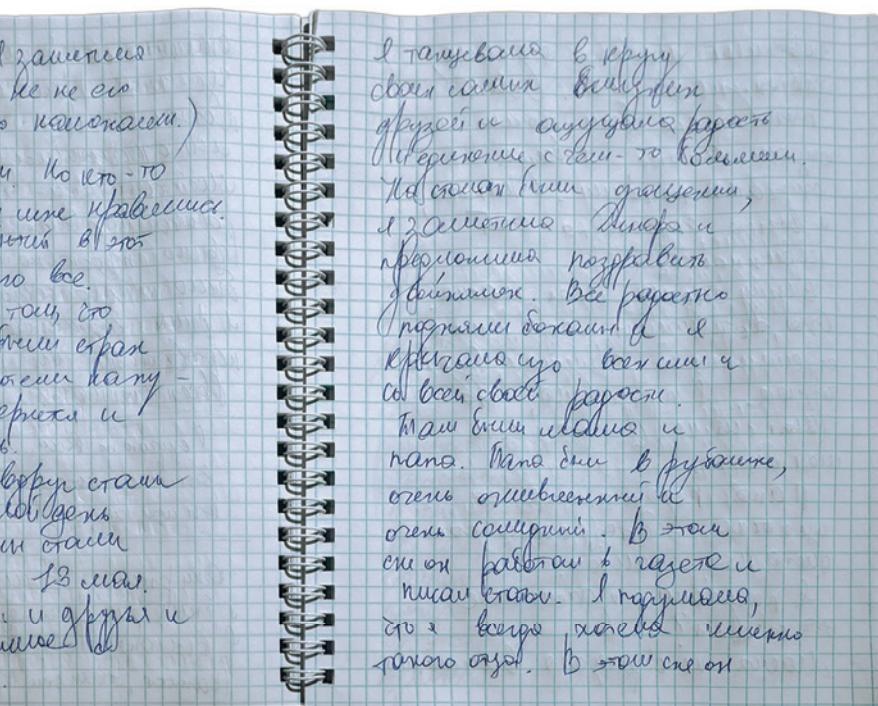
The results of a two-week observation of life going on around us on the streets of Krasnoyarsk and beyond, the flow of the Yenisei and Kacha rivers, and how laboratory artists get acquainted with the new environment. They listen to fairy tales of the Father Yenisei and embody them in their works. The film is a kind of documentation of the creative process and a backstage to the presented exhibition.

СНЯТСЯ ЛИ ЕНИСЕЮ СНЫ ОБО МНЕ?

Тетрадь

Я никогда не видела таких рек, как Енисей. С первого дня в Красноярске он захватил все моё внимание и стал появляться в моих снах. Тону ли я в водах, ищу берега или спасаюсь от гигантских волн — я вижу Енисей во сне каждый день. В попытке истолковать их я стала садиться на берег и рассказывать эти сны реке. Эта практика — попытка найти канал коммуникации с рекой, чтобы узнать ответ на вопрос: а снятся ли Енисею сны обо мне?

DOES THE YENISEI DREAM ABOUT ME?

Notebook

I have never seen rivers like the Yenisei. From the first day in Krasnoyarsk, it captured all my attention and began to appear in my dreams. Whether I am drowning in the waters, looking for the shores, or rescuing myself from giant waves, I see the Yenisei in my dreams every day. In an attempt to interpret them, I began to sit on the riverbank and tell these dreams to the river. This practice is an attempt to find a channel of communication with the river in order to find out the answer to the question: does the Yenisei dream about me?

Ляйсан Азаматова
БЕЗ НАЗВАНИЯ

Ракетки, верёвка, бумажные стаканчики, бумажный самолётик, бумажный кораблик, фонарик, свисток

Ширина Енисея достигает полутора километров в Красноярске, это тот случай, когда другой берег — это уже другой мир.

Моя работа — ряд перформансов — несколько попыток наладить коммуникацию между этими мирами. Вместе с помощниками мы пытались натянуть через Енисей верёвочный телефон, пытались играть в бадминтон через реку, пытались дотянуться друг до друга с помощью бумажных самолётиков и корабликов. Мы использовали азбуку Морзе, чтобы с помощью свистка и фонаря передать сообщение на другой берег, пытались докричаться друг до друга.

Этот перформанс не даёт ответа на поставленный вопрос «Как нам коммуницировать?». Мы экспериментировали, пытались найти точки соприкосновения, что-то удалось, а что-то не вышло совсем. Коммуникация сложна, иногда недоступна. Мы не можем оставить попыток понять друг друга, даже если мы живём в разных мирах, на разных полюсах или на разных берегах и являемся соседями друг другу.

Liaisan Azamatova
UNTITLED

Rackets, rope, paper cups, paper airplane, paper boat, flashlight, whistle

The width of the Yenisei in Krasnoyarsk reaches one and a half kilometres, this is the case when the other riverbank is already another world.

My work, several performances, is a series of attempts to establish communication between these worlds. Together with our assistants, we tried to draw a rope telephone across the Yenisei, tried to play badminton across the river, tried to reach each other using paper airplanes and boats. We used Morse code to convey a message to the other side with the help of a whistle and a flashlight, and tried to shout to each other.

This performance does not answer the question “How should we communicate?” We experimented, tried to find common ground, something was a success, but something did not work out at all. Communication is difficult and sometimes impossible. We cannot give up trying to understand each other, even if we live in different worlds, at different poles, or on different riverbanks and are each other’s neighbours.

Вайя

БЕЗДНА

Скульптура, эпоксидная смола, водоросли, найденные объекты, стекло

То, что мы видим, не всегда надёжное отображение реальности.

Страх глубины — эмоциональная реакция на неопределённость и неизвестность, связанные с глубокими и непроглядными пространствами.

Страх глубины как оптическая иллюзия может вызвать чувство неправильности и искажения реальных вещей.

Оба явления связаны с ощущением непостоянности и неясности, а также возможностью создания иллюзорного мира.

Vaiya

THE ABYSS

Скульптура, эпоксидная смола, водоросли, найденные объекты, стекло

What we see is not always a reliable representation of reality.

Fear of depth is an emotional reaction to the uncertainty and unknown associated with deep and impenetrable spaces.

Fear of depth, like an optical illusion, can cause a feeling of wrongness and distortion of reality.

Both phenomena are associated with a feeling of inconstancy and ambiguity, as well as possibility of creating an illusory world.

Anna Reinhardt

DURING THE FLOW

Graphic series, paper, watercolour, ink

They have been here for centuries and watched the river flow.

The Kacha is one of the rivers in Krasnoyarsk. The city history begins at its mouth. The ancient name of the river is Izyr-Su translated as “transparent” or “rapid.”

Water, like time, continuously changes its forms. It leaves traces on the shores, but also dissolves and disappears like smoke in the wind, taking memories of many years with it.

Анна Рейнхардт

В ТЕЧЕНИЕ ТЕЧЕНИЯ

Графическая серия, бумага, акварель, тушь

Они были тут в течение столетий и наблюдали за течением реки.

Кача — одна из рек Красноярска. История города начинается у её устья. Старинное имя реки — Изыр-Су — переводят по-разному: как «Прозрачная», «Стремительная».

Вода, подобно времени, непрерывно меняет свои формы. Оставляет следы на берегах, но также растворяется и исчезает, как дым на ветру, унося за собой воспоминания многих лет.

Лана Морозова

ВАМ СНИЛОСЬ ЭТО МЕСТО?

Инсталляция, найденные объекты, алюминий, холст, акрил

Странный сон явился ко мне прошлой ночью,
Будто бы дальние друзья стали ближе.
Я видел лица людей, давно ушедших,
И проснулся я с ***** на сердце.

Лана Морозова

HAVE YOU SEEN THIS PLACE IN YOUR DREAMS?

Installation, found objects, aluminium, canvas, acrylic

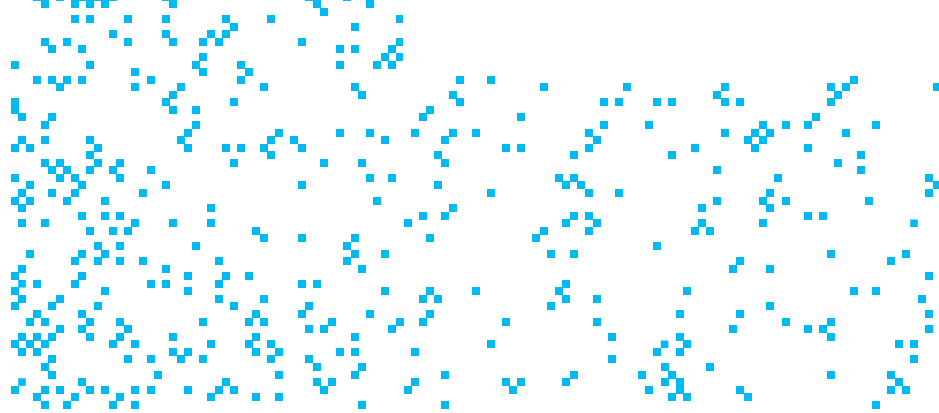
I had a strange dream last night,
As if distant friends became closer.
I saw the faces of people long gone,
And I woke up with ***** in my heart.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОГРАММА

- 26–27.04.23 – Межрегиональный симпозиум «Искусство и география».
- 26.10.23 – круглый стол «Перспективы развития арт-резиденций в музеях Сибири».
- 07–08.12.23 – II Всероссийская научно-практическая конференция «Сибирское современное искусство».
- 22.09.23 – лекция Лары Федотовой «Новый взгляд на фотограмму: как пересмотр "старинной" техники фотопечати оставляет её актуальным инструментом художественной практики».
- 27.10.23 – лекция-встреча с художником Владимиром Наседкиным: предыстория творчества.
- 27.10.23 – лекция Анны Рахматулиной «Полярная (PolArt) резиденция как фабрика смыслов и новой городской мифологии».
- 03.11.23 – диалог-дискуссия Петра Иванова и Александры Ситниковой «Искусственный климат Норильска».
- 09.11.23 – встреча с режиссёром «Саянфильм» Василием Буйловым «Как показать Красноярск: отражение сибирского характера в кино».
- 20.01.24 – лекция-обсуждение с философом Вячеславом Кудашовым «Что делает сибиряка сибиряком: особенности самоопределения».
- 08.02.24 – встреча-обсуждение с Анной Леоновой «В библиотеке говорить можно».
- 10.02.24 – лекция Юрия Адомейко «Коллаж – идея или фикция».
- 21.09.23 – мастер-класс Анастасии Безвершук «Бюро неисторических находок».
- 21.09.23 – музыкальное выступление Валентина Рогозина «Как звучит Енисей».
- 28–29.10.23 – медиаторская экскурсия Анны Рахматулиной по выставке проектов PolArt-резиденции.
- 18.11.23 / 16.12.23 / 27.01.24 – цикл занятий «Река сна» с арт-терапевтом Юлией Герлинской и искусствоведем Ириной Бахтиной.
- 07.12.23 – мастер-класс по цианотипии с Анастасией Безвершук.
- 25.01.24 – специальная рисовательная сессия Златы Светличной «Неполярная нерезиденция» от «кружка набросков».

COMMUNICATION PROGRAMME

- 26–27.04.23 – Trans-Regional Symposium “Art and Geography.”
- 26.10.23 – Round Table “Prospects for the Development of Art Residencies in Siberian Museums.”
- 07–08.12.23 – 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference “Siberian Contemporary Art.”
- 22.09.23 – Lecture by Lara Fedotova “A new look at the photogram: how a revision of the ‘ancient’ photo printing technique is still an important artistic tool.”
- 27.10.23 – Lecture and Q&A session with artist Vladimir Nasedkin: background of creativity.
- 27.10.23 – Lecture by Anna Rakhmatulina “Polar (PolArt) Residence as a factory of meanings and new urban mythology.”
- 03.11.23 – Dialogue and discussion between Petr Ivanov and Alexandra Sitnikova “The artificial climate of Norilsk.”
- 09.11.23 – Meeting with Sayanfilm director Vasily Builov “How to show Krasnoyarsk: reflection of the Siberian character in cinema.”
- 20.01.24 – Lecture and Q&A session with philosopher Vyacheslav Kudashov “What makes a Siberian a Siberian: features of self-determination.”
- 08.02.24 – Q&A session with Anna Leonova “You can talk in the library.”
- 10.02.24 – Lecture by Yuri Adomeiko “Collage – an idea or fiction.”
- 21.09.23 – Masterclass by Anastasia Bezvershuk “Lost Non-Historical Property Office.”
- 21.09.23 – Musical performance by Valentin Rogozin “What the Yenisei sounds like.”
- 28–29.10.23 – Mediator’s excursion by Anna Rakhmatulina to the exhibition of PolArt Residence projects.
- 18.11.23 / 16.12.23 / 27.01.24 – Series of classes “The River of Sleep” with art therapist Yulia Gerlinskaya and art critic Irina Bakhtina.
- 07.12.23 – Masterclass on cyanotype with Anastasia Bezvershuk.
- 25.01.24 – special drawing session by Zlata Svetlichnaya “Non-polar non-residence” from the “sketch club.”

В рамках коммуникативной программы XV Красноярской музейной биеннале в Музейном центре «Площадь Мира» было составлено сразу несколько сопроводительных программ мероприятий, каждый из выставочных проектов получил своё подкрепление в событийном выражении. Начиная с коммуникативных практик к параллельной программе и заканчивая событиями для гостевого проекта, публичная программа актуализировала внимание публики на темах, раскрываемых биеннале, и освещала дополнительные грани смыслов, вложенных в выставочные проекты.

Так, события для параллельной программы XV Красноярской биеннале сосредоточились напрямую на художниках, привлечённых к исполнению проектов, и техниках, что они использовали. Цианотипия Анастасии Безвершук, фотограммы Лары Федотовой и диджей-сет со звуками Енисея от Валентина Рогозина.

Мероприятия коммуникативной программы к основному проекту продолжили линию работы с художниками, но при этом также сместились к теме енисейскости, исследуемой в биеннале в целом, и частично феномену сибирскости как территориальной общности и некой локальной мифологеме. В этом помогли обсуждения с точки зрения кинематографа и философии.

Гостевой проект из Норильска сопровождали события, ещё больше поддерживающие территориально-локальную тему. Диалоги об урбанистике, прошлом Норильска и его уникальной городской судьбе. Не забыли и о самом аспекте арт-резиденции, таком важном для проекта, уделив внимание его истории. Также был добавлен неклассический формат коммуникации, медиационные экскурсии от куратора арт-резиденции.

Ещё одним неклассическим форматом стал цикл занятий «Река сна», связанный с арт-терапевтическими практиками, помогающими осмыслить наполнение выставки в новом ключе, например, через телесное выражение. При этом участники успели поработать со всеми проектами биеннале.

Отдельно стоит упомянуть научную программу. Её составили Межрегиональный симпозиум «Искусство и география», предвещающий биеннале, II Всероссийская научно-практическая конференция «Сибирское современное искусство», в рамках которой были предприняты первые попытки рефлексии по проекту, а также круглый стол «Перспективы развития арт-резиденций в музеях Сибири», заложивший основы для дальнейшего развития форматов художественных экспедиций в регионе.

Эльдар Валеев

Several accompanying event programmes were created as part of the communication programme of the 15th Krasnoyarsk Museum Biennale at the Ploschad Mira Museum Centre, and each exhibition project received its own reinforcement in terms of events. Starting from communicative practices for the parallel programme and ending with events for the guest project, the public programme drew the attention to the themes revealed by the Biennale and illuminated additional facets of meanings embedded in exhibition projects.

Thus, the events for the parallel programme of the 15th Krasnoyarsk Biennale focused directly on the artists involved in the execution of projects and the techniques they used. Cyanotype by Anastasia Bezvershuk, photograms by Lara Fedotova, and a DJ set with sounds of the Yenisei by Valentin Rogozin.

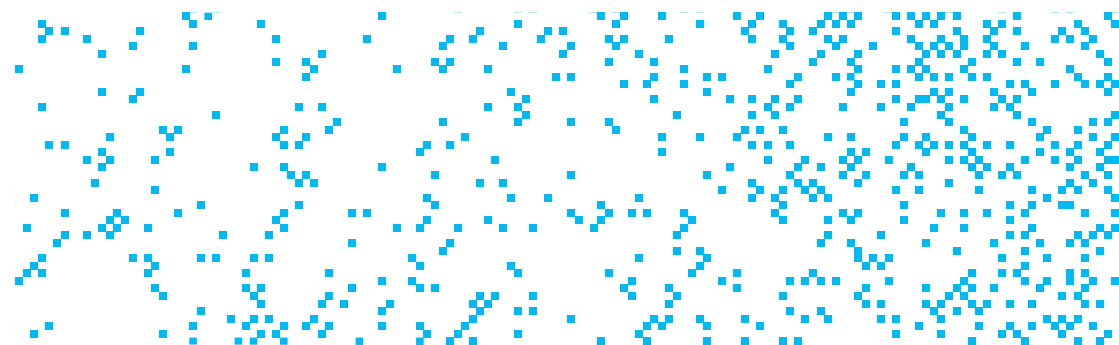
The events of the communication programme of the main project continued the line of work with artists, but at the same time also shifted to the theme of Yeniseianness, explored in the Biennale as a whole, and partly to the phenomenon of Siberianness as a territorial community and a kind of local mythologem. Discussions from a cinematic and philosophical perspective helped with this.

The guest project from Norilsk was accompanied by events that further supported the territorial and local theme. Dialogues about urbanism, the past of Norilsk and its unique urban destiny. In addition, we did not forget about the aspect of the art residence, which is very important for the project, paying attention to its history. We also added a non-classical communication format and mediation excursions by the art residence curator.

Another non-classical format was the series of classes “The River of Sleep,” associated with art therapeutic practices that help to comprehend the exhibition content in a new way, for example, through body expression. At the same time, the participants managed to work with all projects of the Biennale.

The scientific programme is worth mentioning separately. It consisted of the Trans-Regional Symposium “Art and Geography,” which preceded the Biennale, the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference “Siberian Contemporary Art” within the framework of which the first attempts at reflection on the project were made, and of the Round Table “Prospects for the Development of Art Residencies in Museums of Siberia,” which laid the foundation for further development of art expedition formats in the region.

Eldar Valeev

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРТ-РЕЗИДЕНЦИЙ В МУЗЕЯХ СИБИРИ

в рамках открытия Основной программы

XV Красноярской музейной биеннале «АВЕНИСЕЕСИНЕВА»

Время и место:

26 октября 2023 года, 15:00, Лекционный зал Музейного центра «Площадь Мира»

Основные вопросы, выносимые на обсуждение:

1. **Развитие музейного творчества и роль художника. Взаимодействие арт-резиденции с музейным активом;**
2. **Образы территориальной идентичности;**
3. **Арт-резиденция как инновационная модель управления музейным пространством. Формы реализации: планирование, организация, экспедиции, выставки.**

Спикер-модератор:

Федянина Наталья Николаевна,
директор МБУ «МВК Музей Норильска»

Спикеры:

Горланова Кристина Юрьевна, программный куратор арт-резиденций Нижегородской области: «Опыт организации арт-резиденций в Нижегородской области: взаимодействие с органами государственной власти и бизнесом»;
Ковалевский Сергей Леонидович, арт-директор Музейного центра «Площадь Мира»: «Красноярская музейная биеннале и арт-резиденции».
Ковригина Екатерина Николаевна, зам. директора КБУК «Енисейский краеведческий музей им. А.И. Кытманова»: «Опыт организации и проведения арт-резиденции «Большая Вода» в Енисейске;

Участники круглого стола:

Белый Петр Семенович, художник (Санкт-Петербург)
Кистова Анастасия Викторовна, директор КГБУК «Красноярский художественный музей им. В.И. Сурикова», кандидат философских наук;
Куклинский Илья Владимирович, зам. директора КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей»;
Малюченко Лариса Владимировна, директор МБУК «Канский краеведческий музей»;
Мартинсон Светлана Ивановна, директор МБУК «Музейно-выставочный центр» Железногорск;
Наседкин Владимир Никитович, художник (Москва);
Ситникова Александра Александровна, доцент кафедры Культурологии и искусствоведения СФУ, искусствовед, кандидат философских наук;
Соколова Людмила Валентиновна, директор МБУК «Музей истории города Бородино».

Сергей Ковалевский: уважаемые участники круглого стола, наш круглый стол посвящен музейным арт-резиденциям и их перспективам в Сибири. Хочу представить модератора круглого стола Наталью Николаевну Федянину, директора музея города Норильска.

Наталья Федянина: всем здравствуйте! Наш путь, который мы прошли при проведении полярных арт-резиденция за 7 лет, был достаточно сложен, но мы накопили компетенции, сложили команду. Что наиболее важно для музеев, мы накопили коллекцию, не все предметы в нее вошли, но сам архив очень большой — это то что останется. Если мы говорим о музеях городов, то возможно, арт-резиденции — это то, что мы ищем: как собирать коллекцию современного искусства, как отражать современное искусство. Это не просто, это не только то, что мы видим и современные художники, как очень концептуальные люди, умеют так увидеть город, что внутри у города меняется представление о самом себе. Эта коллекция — это концентрация представлений о том, что музеи могут получить по факту проведения арт-резиденции. Если вспоминать историю, то можно вспомнить Абрамцево или Талашкино, где меценаты поддерживали художников, и сегодня, спустя столько лет, мы все еще видим точки притяжения и те коллекции, которые остались с того времени. В ряду всех, кто создает сейчас арт-резиденции, в том числе креативные индустрии, молодёжные центры, первой своей задачей ставят поддержать художественный современный процесс. Я сейчас предлагаю слово Кристине Горлановой, для представления, на базе каких институций проводятся арт резиденции и чем музейная кардинально отличается.

Кристина Горланова: Спасибо большое! Мой опыт в арт-резиденциях начался с музейной арт-резиденции в 2016 году на базе Фотографического музея «Дом Метенкова». Эта резиденция до сих пор работает, и она начиналась, как резиденция для художников, работающих с фотографией. И для музея это был выход в современность, так как до этого он был классическим музеем фотографии. Мы поняли, что фотография — это не только черно-белый отпечаток и нашей задачей, а также предметом интереса, было посмотреть на фотографию с разных сторон — как документ, материал, цифровой файл и т.д. И программа помогла нам в этом, мы принимали по 6 художников в год. Сейчас новая команда продолжает эту программу, и она меняется, они сейчас принимают не только художников, но и исследователей, людей, которые работают с тестом и если говорить и именно о музейных арт резиденциях, то можно подчеркнуть, что это такой инструмент, который позволяет музею по-разному работать с современностью, своей коллекцией и теми вещами, которые интересны — расширить свой инструментарий. У меня был опыт работы с уральским индустриальным биеннале и их программа арт-резиденций уникальна — художник приезжает на Урал и работает с заводом или материальным контекстом. Эта программа началась в 2012 году. Сейчас я занимаюсь программой арт-резиденций нижегородской области и это довольно амбициозные и уникальный проект — это шесть институций галереи «Тихая», «Futuro», Галерея 9Б, Центр культуры «Терминал А», студия дизайна «Dreamlaser», Выкса, которые так или иначе работали с современным искусством. Художники были отобраны по кураторским приглашениям, что позволяет выбрать художников, с которыми будет комфортно работать. В следующем году есть идея расширить перечень участников, в том числе появится программа театральной и кураторской резиденции, а художники приезжали на более долгий срок.

Наталья Федянина: у меня назрел вопрос, при таком количестве резиденций, при таком количестве выбора, который сейчас в стране появляется, должно быть четко сформулировано предложение, некая «программа места», что предлагается художнику. Если мы говорим про Норильск, у нас очень большой конкурс, и очень сложно выбрать и при отборе для нас самое главное не портфолио, а те смыслы, которые может дать конкретному художнику Норильск. Мы отбираем те проекты, которые связаны с нашим местным колоритом. И вот в нашей повестке заявлена тема «образы территориальной идентичности» и как с ними работать и нужно ли?

Сергей Ковалевский: я бы добавил, что работа не только на территорию, но у нас задача еще более узкая — у нас музей, его коллекция и пространство и это тоже серьезный вызов. Здесь много вопросов, но практически все резиденции ориентированы на тех художников у которых развито рефлексивное мышление, иногда мы его называем «концептуальное» - когда художник не только живет с краской и холстом, но может отстраниться от них и попробовать что-то другое, то что расширяет «поле медиа» и даже размывает представление об искусстве, но эта практика по-прежнему художественно-эстетичная. Те художники, кто смотрит на другие элементы выразительности, они, прежде всего, желательны для контакта с музеями и территориями. Вся это история

рэди-мейда, когда художники стали просто «подбирать» то что уже создано и придавать этому новый ракурс, чрезвычайно полезно прежде всего музею. То, что вы держите как может не очень ценный капитал, художник может переосмыслить и это заиграет новыми красками и значениями. А задача музея — это расширять поле смыслов. Те «навигаторы», которые умеют двигаться в разных масштабах, реальностях и материалах — это, как правило, современные художники. И тем, кто будет создавать новые арт-резиденции, необходимо иметь это ввиду и обращаться к тем, что рефлектирует с тем, что он создает. Наша сегодняшняя встреча — это попытка институализировать данные процессы. Я бы, при этом не забывал о философии и об эстетике. То, что касается территории — это сырая реальность, это то пространство, которое окружает музей. И вот так просто сказать художнику, который пишет маслом на холсте: «Иди и сделай нам чего-нибудь в реальном пространстве», но он ответит: «Я не могу — мое пространство внутри рамы», и мы, как музейщики, не можем вынести раму на улицу. Значит нам, волей-неволей, требуются другие инструменты — паблик-арт, например, как искусство общественных пространств. Это целая линия художественного производства, которая вносит в наше «Моно-пространство» иные краски и измерения, которые зачастую парадоксально вносят совсем иные смыслы. При этом важно не идти в след за красивыми словами, которые могут привести «ни к чему», больше полагаться на свое внутреннее чутье, которое скажет: «Это то, что нужно». Чувственность и эмоциональность, как мне кажется, возвращаются. Мы уже устали от сухого и оголенного концептуализма.

Наталья Федянина: я думаю, что музейному биеннале уже 30 лет, и Сергей Леонидович, хорошо может ответить на вопрос: «Зачем нужно современное искусство?». Я тоже вижу в нем непрерывный потенциал, для новых идей, мыслей. Это новый способ думать и двигаться и городам и музеям. Как музей, мы из него очень много черпаем: у нас меняется, например, экспозиционный подход, в этой коллаборации с художниками мы тоже непрерывно растем, хоть музей и кажется многим архаичной системой, хотя сегодняшние музеи не такие. И на вопрос «Зачем оно все нужно?» ответов миллион, но это путь, с которого уже не сойти. В том числе и при работе с локальными смыслами. У нас тут есть представители и из художников, которым и хочется дать слово.

Владимир Наседкин: раньше в худфонде мы не зарабатывали. К нам приезжают музейщики со всего советского союза и приобретали у нас работы. Теперь искусствоведы пишут что-то в интернете, музеи не приобретают, т.к. нет средств и сегодняшний художник — это совсем другой человек. Мы стали другими. Художник должен быть социально активным, если есть талант, ты должен быть и пиар менеджером и организатором, и куратором, придумывать и воплощать, находить на это средства. Нас не учили писать концепции, теперь же мы это делаем. Мы организовали симпозиум, который, по своей сути, тоже резиденция, не пленер. Мы были на Урале на Чусовой, потом в Непале, потом в Тибете, на Байкале. Мы находим на это спонсоров, с которыми рассчитываюсь работами резидентов и так мы находим на это средства. Смотрите — современный художник еще и куратор, он пишет статьи, концепции, он не верит никому. Но вам мы верим и с радостью в резиденциях участвуем по всему миру. С 2014 года мы работаем с Японской триеннале, Фрам Китагава как патриот этой местности, местности из которой уезжают люди, приглашает 200 художников со всего мира и все, что они делают, остается там. Таким образом, 40-50 бедных деревень, получают произведения искусства. и молодежь стала оставаться, так как нужно это все потом обслуживать, проводить экскурсии, туда пошел туристический поток. Теперь у него 5 триеннале в разных территориях и население стало больше возвращать зелени, фруктов, продуктов. Силами художников вдруг поднимается жизнедеятельность и активизируются жизнь этого брошенного и депрессивного района. Таким образом, то что делаете вы, то, что делаем мы сейчас все вместе, это вокруг той же проблемы. Художник открывает глаза народу на город, это новая точка зрения, которая обогащает, стимулирует и вдохновляет жителей. При этом и у художника, и у жителя расширяется горизонт. Провокация, которая выставляется на таких резиденциях, имеет фантастическое воздействие на вдохновение.

Наталья Федянина: про провокацию и про вызов: когда я думаю об этой задаче, которая стоит перед художником на резиденции, она ведет к появлению искусства. это не просто институция поддержки современного искусства. По заказу очень сложно это сделать. Я наблюдаю, как есть люди, которые идут на такие эксперименты, а есть те, которые их опасаются. Например, молодежь идет на это легче, у них еще нет того багажа, который на них давит. Однако — это действительно трудная задача — создать искусство, так как время ограничено и задача нова. Я предлагаю высказать свою позицию куратору и художнику Петру Белому.

Петр Белый: я уже давно исследую регионы как куратор и как художник, для меня это не раздельные функции в рамках социальной антропологии. Современный художник мыслит куда шире, чем в представлении зрителя. Для меня это была первая резиденция в жизни, и, если честно, я к ним всегда скептически относился, резиденция — это в первую очередь общение, где художники общаются друг с другом и в этом общении рождается некая проектная составляющая. И на мой взгляд, те произведения, которые возникают, они не обязательны. Тут важен сам факт проведения резиденции: процесс и есть результат. В данной случае я был совершенно один, меня отправили в Шушенское, как в ссылку, и там очень любопытное место, с точки зрения социальной антропологии и внутренний творческий процесс происходит. То, что я сделал, вообще никак не связано с Шушенским, но когда меня попросили назвать произведение, я придумал «Шушенский синий» — это определенный оттенок цвета свойственный этому месту, он совпадает с забором в Шушенском. Что касается резиденций в целом, я бы сказал, что их результат, общественно полезный, хотя сама выставка, это не главный результат, это фиксация процесса. Важно отметить, что «звезд» в резиденции очень сложно получить, потому что они, как и я, считают это пустой тратой времени. При этом есть много художников, которые живут, переезжая из резиденции в резиденцию. На самом деле, трудно сказать, что такое резиденция, так как ее формат трудноопределим. Самая не знаю, как относиться к данному феномену, так как я не поклонник общения, но в данном случае был очень рад побыть в Шушенском, погрузиться не только в Шушенское, но и в Минусинск, Абакан и там исследовать все, что можно.

Кристина Горланова: хочу немного добавить, т.к. некоторые моменты очень важны. На самом деле арт-резиденция — это довольно простая история — это программа поддержки мобильности творческих единиц. Это когда художник, куратор, исследователь едет в новый для себя контекст. На этом формальное определение резиденции заканчивается. Все остальное — это условия пребывания в новом месте. Мне кажется, что секрет успеха поездки, в том, что арт-резиденция отвечает запросам художников полностью. Художник должен выбирать резиденцию. Существуют арт-резиденции для художников, которые хотят остаться в одиночестве. Есть программы, которые призваны помогать художникам, есть программы, которые призваны не мешать художникам, а часто это гораздо более важно — оставить художника в покое и дать ему доступ к информации или каким-либо условиям труда. Я за то, чтобы в России появлялось больше разных резиденций, в том числе те, где не нужно работать с местным контекстом, а где просто дают возможность работать. Я с Петром согласна — что результат арт-резиденции — это то, что к тебе кто-то приехал, на этом все, а сам художественный процесс и создание художественного произведения остается за рамками. Нужно создавать разные условия и формулировать это как можно более прозрачно и общаться с художником до того, как он приехал, чтобы ожидания были понятны. У нас дефицит форматов поддержки художников, поэтому часто нужны резиденции, которые позволяют сделать какой-то продакшен. И если интенция создания произведения совпадает с интенцией принимающей стороны это самое лучшее. По поводу пребывания: большинство программ резиденций предполагают трехмесячное пребывание в новом месте. Но есть те, которые не ограничены по времени. Я думаю, что мы все здесь ратуем за развитие художественного процесса, а все остальное — об этом можно договориться друг с другом.

Наталья Федянина: спасибо. Я бы хотела сказать, что наша полярная резиденция, она про сосредоточенность. Это принципиальная позиция, что художник приезжает один, но когда к нам едет человек — и он имеет определенные ожидания и мы с любопытством его ждем. Резиденций различных очень много. С чего родился наш проект Музея Норильска. Сначала это был проект, теперь то программа. Первый шаг был — это посмотреть опыт и наш и зарубежный. Мы, как музей, не можем получить грант просто на то, чтобы человек приехал к нам и просто пожил, хотя некоторые резиденции именно такие. У нас, по правилам, человек оставляет одну работу, иногда мы что-то у него выкупаем. Таким образом формируется коллекция. Это то, что мы используем при переговорах с муниципалитетом. Это тот аргумент, который помогает нам делать резиденцию устойчивой, получать на нее средства. У нашего Енисейского краеведческого музея есть опыт, которым они тоже готовы поделиться. Передаю слово Екатерине Ковригиной.

Екатерина Ковригина: нашей резиденции год, она родилась в феврале этого года, это пилотный проект. Он был составной частью проекта «Культурная столица Красноярья». Мы как музей молодой решили попробовать. Для нас создание арт-резиденции на нашей базе было одним из механизмов привлечения нашего местного, в том числе художественного сообщества. Наш опыт подсказал нам, что для того, чтобы в музей ходили,

он должен рассказывать не только об истории, которая была когда-то, но и об истории современной и повседневной, где модно увидеть частичку себя. Так у нас родилась идея создания резиденции в июне она была запущена. Наши резиденты не ограничены в роде творчества. В этом году у нас был керамист, были художники, фотографы, литераторы. На данном этапе мы не хотим ограничивать творческих людей. В этом году у нас были одиночки, те кто приезжал группами. По итогам — всем нашим резидентам было одно условие — создание произведения, основанного на локальном компоненте: что-то связанное с городом, историей, краеведением. Для наших резидентов мы открывали фонды, если был на это запрос, проводили углубленные экскурсии. Мы их пытались погрузить в тему Енисейска. По итогу летнего цикла мы получили уникальные предметы и включили резидентов в фестиваль, посвященный дню фольклора и предложили им этноплер — предложили им создать образ определенного народа. Получилось семь полотен, которые мы готовим к экспонированию и один из залов мы отдаем под эти произведения. Сейчас находимся в рефлексии. В этом году мы резидентов приглашали сами, но сейчас у нас уже есть заявки на следующий год.

Наталья Федянина: когда речь идет про арт-резиденцию, очень много вопросов касаются организации процесса. Если мы говорим про это, то тут нужно понимать, что художники разные и тут подход индивидуальный. Что думаю коллеги из других музеев, что вы думаете по этому поводу.

Анастасия Кистова: в концепции Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова прописано про необходимость развития. Наш опыт, спасибо коллегам с Площади Мира, связан с тем, что к нам приходили художники, которые приезжали к ним на резиденции и работали с нашими пространствами и с коллекцией, создавать что-то несвязанное конкретно с музеем, а свое. Из этого опыта настолько разнообразный, но то, что мы поняли для себя — главное правильно поставленная задача внутри. Когда к нам приходят и просят рассказать о музее, мы понимаем, что рассказали все и люди «распылились», получился достаточно странный результат. В другом случае, мы не впахивали в художника все, что знаем, а сказали, чтобы он делал все, что хотел, поставили только не большие ограничения. Мы получили очень интересный результат. Главный урок, который мы вынесли — это внутренняя постановка задач, для тех, кто делает арт-резиденцию, даже если мы ее только планируем.

Светлана Мартинсон: мы город закрытый. У нас работал резидент биеннале, это был проект двух предприятий, и Сергей Шутов сделал интересный проект, который потом продолжил и представил на итальянской биеннале. Так как наш город закрытый, он всегда привлекает интерес. У нас есть связи со многими красноярскими художниками, которые сначала у нас просто представлялись, а потом родился проект — мы привозим студентов, проводим им экскурсию по музеям, в том числе закрытым корпоративным и на производство. В результате у нас появились очень хорошие работы на производственные темы, как реалистичные, так и абстрактные. 9 работ было приобретено, порядка 10-15 было подарено. Одной из участниц этого проекта была Евгения Аблязова, которая предложила этот проект повторить. Второе — мы работаем по программе «Территория культуры. Росатом» — живописный симпозиум, куда приезжают резиденты и вместе с преподавателем детской художественной школы проводятся пленэры, по итогам которых создается передвижная выставка. Два года назад работали уже со школьниками и студентами, результатом стали выставки в нашем музее.

Илья Куклинский: у нас нет такого опыта. Но у нас опыт так называемых интервенций, когда современный художник выставлял свои работы на наших площадках. Мы работаем с современными художниками, в том числе приглашаем их работать в рамках наших выставок. Значимость резиденций неоспорима, и что-то могло появиться и на базе нашего музея, в том числе на базе центра В.П. Астафьева. О чем можно задуматься всем нашим музейным сообществом.

Александра Ситникова: я прерву немного линию музейщиков и зайду со стороны научного сообщества. Я связываю это с экспедициями. В красноярском музейном центре с 2007 года проводятся экспедиции, к которым был проявлен большой интерес. За время их реализации каждый художник привез из своей экспедиции тот самый необычный взгляд на место где он был, на что обычный человек не обратит внимание. Интересная точка зрения на то место, где он побывал, мне кажется, что это можно обозначить, как «пойди туда, знаю куда. Принеси то, не знаю, что». Очень часто у людей есть четкое представление куда нужно отправить художника, чтобы он нашел там что-то интересное.

Лариса Малюченко: Канский краеведческий музей, город не большой, музей традиционный, но сегодня, пока я находилась здесь, мне пришла в голову идея, что канские

художники тоже работают с современностью, и идея состоит в том, чтобы обратиться к своему месту, как к чему-то новому и музей может в этом помочь. Эта тема развивается, соответственно ее необходимо подхватить. Это воздух для развития музейной мысли и деятельности.

Людмила Соколова: у нас город маленький, как и музей, наш выставочный зал всего 100 квадратных метров и стала сразу искать резидентов. Вышла на Сергея Леонидовича и его команду и пригласила их в себе в 2010 году. Мы участвовали в 11 биеннале, где взяли приз зрительских симпатий. И сейчас мы до сих пор работаем с концептуальными инсталляциями и работаем с резидентами «Площади Мира». Изменения в городской среде начались с музея, и мы опередили город, а город идет за нами.

Наталья Федянина: у меня очень оптимистичные ощущения. Я с гордостью говорю, что современное искусство пошло отсюда, и держать эту планку очень престижно и сложно. Для нас ценно сейчас представлять свои итоги в эпицентре, на Площади Мира. Рядом с нами очень сильные партнеры — художники, которые также вкладываются в наши проекты и за ними будущее. Пыльный образ музея рухнет в этой истории с резиденциями и современным искусством. Мы про то, кто попадет в будущее. Необходимо решиться на изменения и идти вперед.

СИНЕВА ИНЫХ НАЧАЛ: РЕПОРТАЖ С ОТКРЫТИЯ КРАСНОЯРСКОЙ МУЗЕЙНОЙ БИЕННАЛЕ

Глубина физическая и метафизическая

«Мы пьем воду из-под крана!»

«У вас же там ни-че-го нет, сплошные поля да равнины, а у нас... А Енисей? Жила красноярской души! Фильтры? Они бесполезны! Мы пьем воду прямо из-под крана, потому что она кристально чистая!» Эту пламенную оду родным водам и просторам исполнил мой сосед по плацкарту в поезде 007Н Томск — Владивосток. Я так и не увидела, перед кем он рассыпался в искреннем признании, но сразу подумала: «Забавно: такое совпадение!» Еду смотреть биеннале, тема которой посвящена Енисею, а тут мизансцена с тонко чувствующим патриотом малой родины. Но на самом деле здесь нет ничего внезапного или необычного. Позднее (в совершенно разных контекстах и местах — от художественных мастерских до музея водоканала) я услышу торжественное «Мы пьем воду из-под крана!» не менее 15 раз.

Это стало поэтичным рефреном (или, если угодно, заклинанием), мгновенно настраивающим восприятие на нужный лад. В этом, на первый взгляд, бытовом аспекте вполне раскрывается тайна привязанности людей к своему родному краю. Более того, это не только чувство гордости, но и способ самоидентификации через взаимодействие с окружающим миром. Похожую идею выражает и вступительный текст Сергея Ковалевского, комиссара биеннале: в нем он раскрывает творческую идентичность проекта и одновременно подчеркивает, что все же интерпретация Енисея, предлагаемая проектами биеннале, фокусируется не столько на его физических аспектах, сколько на метафизической глубине.

Идею можно соотносить с великой истиной, сформулированной Гераклитом: «Дважды ты не войдешь в одну и ту же реку». Речь, конечно же, о реке символической, не реальной: афоризм подчеркивает непрерывное изменение, переход от одного состояния к другому, вечный оборот противоположностей. По сути, он напоминает нам, что все в жизни происходит из постоянного движения, из встречи и переплетения дуальностей, всегда находя свое выражение в единстве. Кажется, осознание этой истины позволяет нам глубже понимать себя и свою связь с прошлым, потому что мы воспринимаем не абстрактные понятия, а конкретные явления, обнаруживаем общее в частном и наоборот.

Возможно, именно попытке разгадать реальность через парадокс посвящен проект «АВЕНИСЕЙСИНЕВА», где палиндром лингвистически отсылает не только к сибирской водной артерии, но и к диалектическому состоянию современности. Вообще, это не первый для музея опыт сочетания дискурсов глобального и локального: команда планомерно развивала тему глокальности на протяжении последних десятилетий почти в каждой биеннале, будь то «Музеи мира — на площади Мира» (1999) или «Зеркальные нейроны» (2021). Но в этом году через оппозицию смыслов нащупывается стремление не только понять и ухватить словом настоящее, но и заглянуть куда-то вглубь, по ту сторону темных вод.

К глобальному проекту обращается через символику зеркальности и работу с глубокими историческими коннотациями, связанными с оттенками синего, которые раскрывают множественные абстрактные интерпретации: синева как движение стихий, как бескрайний космос, как безвременье и (не)постоянство памяти. В то же время исследовательский подход и подключение к тренду на истолкование реальности сквозь толщу мифа роднит музейную биеннале с международными художественными интенциями.

Но все же, на мой взгляд, музейная биеннале крайне укоренена в самом месте: это прежде всего биеннале в Красноярске. Возможно, этому способствует богатая генеалогия проекта (история которого начинается аж в 1995 году или 1993-м, если учитывать нулевую биеннале). Или такова феноменология места, его природные масштабность и живописность. Закономерно, что архитектура основного проекта концептуально следует логике ландшафта. То есть выставка была создана по итогам арт-экспедиций, в ходе которых художники исследовали территории вдоль акватории, а нарратив экспозиции буквально повторяет гидрологию «енисейского меридиана» — от Кызыла до Норильска.

Поющие стрелы и заливные луга

Енисей помнит, выносит, укрывает и выбрасывает. Сопrotивляется и поддается, ревет и шепчет. Река как главный герой приглашает зрителя в дрейф по границам визуального и символического мира не только внутри, но и снаружи музея. Действительно, сайт-специфичность проекта встречает зрителей уже на входе. Здесь возникает сильное визуальное переживание от совпадения большой (синей) воды и тектонических массивов самого музея, расположенного на берегу реки. К слову, именно это было моим первым ярким впечатлением от города, когда в 2019 году я приехала смотреть биеннале «Переговорщики».

Но в этом году уже привычный визуальный резонанс усилился за счет появления световой инсталляции, размещенной в архитектурных складках, нависающих над лестницей. Это сразу создает атмосферу диалога и погружает в тотальное взаимодействие с пульсирующей синевой, которая разливается повсюду, как снаружи, так и внутри «Площади Мира».

Например, основной проект биеннале открывает проект «Поющие стрелы» Александра Мортаева, посвященный визуальному исследованию культурного кода Тывы — места, где расположен исток Енисея. Лайтбоксы излучают яркое свечение — синий цвет практически возникает в глаза, его дематериализованный оттенок буквально погружает в синеву. Эта выразительность навеивает ассоциации с фильмом Дерека Джармена «Блю», где синий преодолевает жесткую рамку означаемого и выходит на трансцендентальный уровень.

Помимо инсталляции, художник представил графические листы, выполненные белым акварельным карандашом на лазурной бумаге, и телеги как символ перехода между мирами. Сюжет продолжает серия утилитарных объектов, выполненных из полимерных ящиков для овощей, которые, согласно авторскому замыслу, воспроизводят традиционную концепцию структуры Верхнего мира шорцев (коренного народа, проживающего на стыке Алтая, Саян и Кузнецкого Алатау).

Синий импульс аккумулирует тотальная инсталляция «Заливные луга» Анастасии Безвершук. Она создала гигантские полотна цианотипии, которые визуально напоминают изменчивую гладь воды, а на символическом уровне рассуждают об истории места, что сокрыто под толщей времени. В своем исследовании художница обращается к истории экспериментального сада, созданного политическим ссыльным Иваном Прохоровичем Бедро в 1909 году.

Здесь как будто происходит созвучие утопии, топи и топоса, а изображенные на полотнах объекты — люди, рыбы, растения — существуют отдельно, случайно всплывают и исчезают. Своей фрагментированностью этот поток образов похож на то, как функционирует человеческая память.

Если человек склонен забывать, то вода фиксирует все. Она ретиво оставляет следы, въедается в место — назло скоротечной культурной памяти. Диалектике антропологического и природного посвящена серия фотографий Енисейска во время паводка и «поплывших» деревянных наличников. Так, используя метафорическую силу образов, «Высокая вода» Владимира Марина проблематизирует искажения и избирательность человеческого восприятия.

Совершенно иная стратегия работы с пространством проступает в «Языке синевы» Дмитрия Рекина (именно его концептуальная графическая серия «По волнам нашей памяти» встречает зрителей в фойе музейного центра). Его язык не укореняется, не ограничивается рамкой, а, наоборот, вплетается между высказываниями. При беглом скольжении взглядом сложно определить, является ли это самостоятельным произведением или частью дизайна биеннале. Однако это замешательство свидетельствует не только о бэкграунде автора (он графический дизайнер и художник плаката), но и усиливает концептуальность высказывания.

В качестве участников основного проекта были также приглашены заслуженные художники: например, Петр Белый и Владимир Наседкин. Примечательно, что оба обратились к традиционным для себя художественным практикам. Так, в инсталляции «Мечта» петербуржец Белый вновь, как в проекте «Романтический апокалипсис» (2022), совмещает брутальность материала и романтическую поэтику, рассуждая о феномене Саяно-Шушенского заповедника.

Владимир Наседкин же продолжает свои конструктивистские эксперименты, и его серия «Без берегов» в результате немного выпадает из потока уже привычной глазу синевы и флюидности. В собственном визуальном исследовании художник обращается к чистой геометрии судостроения, доводя ее в духе супрематистов до тотальной

беспредметности. Повторяющиеся чертежи и модели самых разных кораблей и барж, а также фотографии со спутника образуют не тавтологию, а ритмическую симфонию, где образы в конечном счете дематериализуются. Вершиной семиотической игры и связующим элементом всех корабельных конструкций выступает серия небольших холстов, которая в концептуалистском ключе проблематизирует акт коммуникации через знаковые системы.

Что выносит Енисей

Двигаясь по течению реки, мы оказываемся в Светлых залах. Первое ощущение — ослепи-тельный ярко-желтый свет, который выступает инструментом воздействия в **«Вокализации» Василия Кононова-Гредина**. Эта инсталляция посвящена Норильску (необязательно реальному). Здесь также узнается почерк автора, поскольку он часто обращается к тотальным формам, используя различные медиумы в целях максимального погружения зрителя. Помимо света, который символически отсылает к полярному дню, в инсталляции активно «работают» звук, материальность реди-мейда и видеоарт, записанный во время компьютерной игры. Последнее становится отправной точкой для картирования и взламывания территории Норильска.

Используя механику и эстетику цифрового пространства, художник создает полифонию, где одно отражается в другом. Сам Кононов-Гредин использует довольно сложный философский концепт «ритурнели» Делеза и Гваттари. Если, вчитываясь в текст, вы не понимаете, что хочет сказать автор, то это нормально, поскольку здесь возможна интерпретация и на сенситивном уровне. То есть, опираясь только на эффекты, воспроизводимые деконструированными объектами, все же возможно почувствовать, что есть самый северный город мира.

Менее концептуально изощренный, но чуткий проект представил **Дамир Муратов. «Что выносит Енисей»** — это серия картин и объектов, которые в поэтическом ключе не только добавляют реке антропологическое измерение, но и рассуждают о советском наследии. Через метафору вынесенных на берег материальных носителей времени высвечивается довольно простая, но в то же время глубокая мысль о том, что после нас остается только то, что мы оставили... Или выбросили на обочину времени. Только оно обязательно настигнет нас — если не в материальном, то в метафизическом ключе. С пластической точки зрения «Что выносит Енисей» вступает в диалог с прошлым не только с помощью изъятых из постоянной экспозиции артефактов, но и путем их совмещения с наивной живописью в стиле соц-арта.

Тема воды как памяти встречается и в специальном проекте **Григория Шарова**, который был выбран в ходе питчинга художественных идей для биеннале. В отличие от проекта Муратова, **«Память воды»** — это более жуткое отражение советского. Здесь наследие проявляется в материальных свидетельствах, которые напрямую связаны с бытовыми ритуалами Homo sovieticus — от экономики дара до веры в целительные банки Чумака.

Однако наибольший эффект воспроизводит выбор места — в Черном ящике, самом сердце постоянной экспозиции. Телега, на которой расположены банки, символизирует не движение, а ступор. Она стоит не продольно по сквозному входу, а поперек, как бы говоря о том, что советское осталось в нашем коллективном опыте как груз неотрефлексированного, как нечто тягостное, что не может дать ход жизни.

Идущие к реке приветствуют тебя

Гостевой проект **«PolArt. Полярная арт-резиденция»** рассекает музейное пространство калейдоскопом мифов, стереотипов и воображений о Норильске. Минималистичный дизайн экспозиции — кипенно-белые стены — отсылают и к полярному дню, и к ослепительным сугробам трескучей зимы. Из-за того, что PolArt является суммой художественных исследований, растянутых во временном отрезке с 2016 по 2023 годы, этот проект разительно выбивается из общего течения своей фрагментарностью и монтажностью, поэтому ухватить общую линию повествования кажется трудным. Впрочем, это и не нужно, ведь процессуальность — важное измерение резиденции: так выставка не только сообщает временной отрезок, но и (со слов медиатора) будет обновляться на протяжении работы всей биеннале.

Параллельная программа с ироничным названием «Идущие к реке» стартовала на месяц раньше и расползлась далеко за границы музейного пространства. Помимо самого Музейного центра «Площадь Мира», часть объектов расположена (и уже демонтирована, как, например, «Секретия острова» Жени Иль) на острове Отдыха, часть — в Музее красноярского водопровода. Почти все проекты были исследовательскими и посвящены неявленному, инаковому, скрытому в повседневности. Одним словом, ускользающая археология (или попытка схватить за хвост эфемерное).

Здесь монументальное впечатление производит тотальная инсталляция Лары Федотовой «Соленая луна кудряво трубит в рукавах» в музее водопровода. На протяжении нескольких темных ночей художница погружала в Енисей специальную фотобумагу и засвечивала ее лунным светом. Результат — серия «лунаграм» (авторский термин художницы, — прим. авт.), вписанных в архитектуру башни, где винтовая лестница, уходящая в лазурный потолок, стремительно подчеркивает общее движение всего путешествия под поверхностью воды. Несмотря на все сложности посещения режимного объекта, это обязательно стоит увидеть: это тот случай, когда происходит тонкая и почти магическая синхрония между концептом, местом и медиумом.

Внутри музея параллельная программа представлена проектом **«Как звучит Енисей»**. Из названия сразу становится понятно, что перед нами — аудиальный абрис: его бормотание, волнение, дыхание. Куратор Надя Котова-Крушинская объединила художников Катерину Бычкову, Егора Клочихина, Валентина Рогозина и Константина Рослякова.

Глубокий резонанс вызвала во мне мультимедийная инсталляция **Рослякова «Солнце испаряет шумные воды»**. Если точнее — гигантское зеркало, размещенное напротив панорамного окна. Вглядываясь в визуальное эхо, мы буквально оказываемся внутри зеркального портала, который растворяется в безмятежной глади Енисея. Здесь зеркало утрачивает свое главное качество: перестает отражать; мы не видим простого — наоборот, все погружается в тишину. Художник, используя этот тонкий прием, выражает онтологическую интуицию: повтор и поглощение, подобие и забвение.

Отправной точкой параллельной программы стала презентация итогов кураторской лаборатории «Дикие пальмы» — выставка «Икс-файлс», где впоследствии были показаны результаты лаборатории художников «Мы встретили директора воды». Очевидно, заявленный лабораторный формат предполагал коллективные и индивидуальные исследования окружающего ландшафта. Интересно, что, зарываясь в складки культурного полотна, почти все обратились к мистификациям и (само)исследованиям. Может быть, потому что, как говорил Бодрийяр, бытие неуловимо (introuvable), поэтому мы всегда будем располагать исключительно нашими субъективными суждениями относительно реальности...

«Так что же такое, например, объективная синева? На самом деле никакой синевы не существует самой по себе»

Стремление воплотить воображаемую синеву перед нами разворачивается в множестве спекулятивных опытов: эксперименты с «мертвой» и «живой» водой, сновидческие мотивы и желание реконструировать миф. На мой взгляд, это усилие заглянуть за ту сторону обусловлено не только оптическими искажениями, но и историческим контекстом. Да, ситуация турбулентности толкает на иррациональные способы понимания и прогнозирования действительности. Я не могу рассуждать с оценочных позиций... Гораздо более значимым и симптоматичным мне показалось стремление художников любыми способами установить контакт, диалог и выстроить связь: между водой и человеком, между людьми и, наконец, с самим собой. Наверное, здесь обнаруживается принципиально важное и базовое свойство гиперобъекта. Енисей — это не только связь между миром неба и земли, не только артерия, связывающая Восточную и Западную Сибирь вроде скорого поезда 007Н, но и то, что соединяет «людей и места крепче канатов».

Валерия Новицкая, критик и искусствовед (Томск)

Источник: <https://makersofsiberia.com/zhurnal/biennale-23-report.html>

Дмитрий Рекин

ЗОЛОТЫЕ СЛОВА ГОЛУБОГО ЦВЕТА

О плакате биеннале

Решив продолжить традицию печатать имиджевый плакат биеннале, мы обратились к известному российскому графическому дизайнеру Дмитрию Рекину.

И весьма оперативно получили от него лист с ощущением свежести северного ветра, хлопающего кулисами божественной комедии. Благодаря рекинской фирменной барочной замысловатости в рисунке звучит отголосок аллегорических картографических картинок XVII века (того же Ремезова — «чертёжника Сибири»).

Зизгагообразный сплав букв показывает язык воды.

Что говорит река?

Конечно, мы с Дмитрием сделали и вариант с золотыми словами. И потому, что в Енисейском бассейне лет двести уже добывают много золота. И жёлтая подсветка букв придаёт возвышенную ассоциацию с «золотом Рейна», намекая на мифическое сокровище реки. А если присмотреться с прищуром, речной дракон ведь взлетает с квадратной головой и синими крыльями.

Но, может быть, самое вдохновляющее, что всплывает с намытыми в реке самородками, — потрясающие слова молодого Чехова, писавшего в своём путевом дневнике во время остановки в Красноярске о «золотых надеждах», утраченных Волгой и обретаемых Енисеем. «Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан».

Но в результате трудного выбора возобладал колористический минимализм и сила синевы.

При этом ощущаются и отзвуки пластики Малевича: берега в кубофутуристских разводах и белый экран на горизонте.

Острые берега Енисеесиневы вырезают в земле зазор неба.

И тут как раз на глаза попали строчки Алена Бадью из книги «Век»: **«Зазор и есть реальное»**. А мы помним, как много всего таинственного и непредставимого связывает французская мысль с этим понятием реального. Так, введший его в оборот Лакан говорил, что искусство всегда возникает вокруг осевой пустоты невероятной-реальной Вещи...

А зазор Енисея ещё и подбелым квадратом. Буквы, став парусными судёнышками, движутся караваном к Белому Обелиску, в котором, видимо, заключается главная енисейская тайна. Что означает эта трансцендентная форма, вздымаясь из северного океана?

«Белый квадрат — тот момент, когда вымышляется сам зазор». «Белый квадрат на белом фоне» (Малевича) — это ставка на мысль, противопоставляющую минимальное различие максимальному разрушению». «Страсть к реальному — это всегда страсть к новому» (А. Бадью, *Век*).

В общем, довольно много можно вычитать в нашей визуальной символике события пространства и памяти.

Будем надеяться, что поток Енисеесиневы имеет форму зигзага удачи.

Сергей Ковалевский

Dmitry Rekin

GOLDEN WORDS IN BLUE

About the Poster of Biennale

Deciding to continue the tradition of printing an image poster for the Biennale, we turned to famous Russian graphic designer Dmitry Rekin.

And very quickly we received a sheet from him with a feeling of the northern wind freshness flapping the scenes of *The Divine Comedy*. Thanks to Rekin's signature baroque intricacy, the drawing echoes the allegorical cartographic pictures of the 17th century (for example, by Remezov, the “draftsman of Siberia”).

The zigzag fusion of letters shows the language of water.

What does the river say?

Dmitry and I also made a sketch with golden words. Because a lot of gold has already been mined in the Yenisei basin for two hundred years. Because the yellow illumination of the letters gives a sublime association with the “gold of the Rhine,” hinting at the mythical treasure of the river. And because if you squint, you can see the river dragon with a square head and blue wings flying up.

Perhaps, the most inspiring thing that emerges from the nuggets washed up in the river are stunning words of young Anton Chekhov, who wrote in his travel diary during a stop in Krasnoyarsk about the “golden hopes” lost by the Volga and gained by the Yenisei. “So, at least, I thought, standing on the shore of the wide Yenisei and greedily looking at its water, which rushes with terrible speed and forces into the harsh Arctic Ocean.”

The result of a difficult choice was coloristic minimalism and the power of blue.

At the same time, we can feel echoes of Malevich's plastic arts: the shores in cubo-futurist stains and a white screen on the horizon.

The sharp banks of the colour blue of the Yenisei carve a gap of sky into the ground.

Then, Alain Badiou's lines from the book *The Century* caught my eye, **“The gap is itself real.”** And we remember how French thought connects many mysterious and unimaginable things with this concept of the real. Thus, Lacan, who introduced it, said that art always arises around the axial emptiness of the incredible-real Thing...

Also, the Yenisei's gap is under the white square. The letters, having become sailing boats, move in a caravan to the White Obelisk, on which, apparently, lies the main Yenisei secret. What does this transcendental form mean, rising from the northern ocean?

“The white square is the moment when the gap itself is imagined.” “White on White (by Malevich) is a bet on thought that contrasts minimal difference with maximum destruction.” “A passion for the real is always a passion for the new.” (A. Badiou, *The Century*).

In general, quite a lot can be read from our visual symbolism of space and memory events.

Let us hope that the flow of the colour blue of the Yenisei has the form of a zigzag of success.

Sergey Kovalevsky

КОМАНДА БИЕННАЛЕ

Директор биеннале Ольга Темникова	Кадрово-правовая работа Лариса Другова Светлана Попова
Комиссар биеннале Сергей Ковалевский	Дизайнеры Злата Светличная Иван -а36е- Ёсякин
Куратор параллельной программы Оксана Будулак	Монтажно-техническая группа Денис Ильбейкин Игорь Кокорин Андрей Кондратьев Иван Микуть Алексей Намятов Станислав Нечаев Виктор Никитин Сергей Нитяговский Виктор Семёнов Евгений Семёнов Ольга Старостина Надежда Темерьянова
Кураторы параллельных проектов Анна Андреева Анастасия Безвершук Надя Котова-Крушинская	Техническое сопровождение проектов Владислав Абдилладжанов Роман Бобрышов Татьяна Медведева
Куратор V Сибирской лаборатории молодого искусства «ФАТА-МОРГАНА» Оксана Будулак тьюторы Лана Морозова Вика Рос	Фонды Виталий Юдин Надежда Казанцева
Куратор 1-й Сибирской лаборатории кураторов «Дикие пальмы» Оксана Будулак тьюторы Анастасия Альбокринова (Самара) Арина Уманская (Москва)	Архив Вера Потылицина
Куратор публичной программы Эльдар Валеев	Транспорт Борис Кац Константин Климентьев
Кураторы научной программы Александра Ситникова Владимир Юрченко	Административная группа Анжелика Грушевская Анастасия Егорова Ирина Любшина Юлия Сорокина
Исполнительный директор Ульяна Белецкая	Фотограф Алёна Ротенберг
Координатор экспозиционных работ Иван Романенко	Экскурсоводы Валерия Ковальчук Юлия Курбакова Илья Новодворцев
Хранение арт-работ Юлия Кочетова	Волонтёры Александр Астафьев Елизавета Гончарова Юлия Жидкова Алиса Королёва Екатерина Костяева Татьяна Лунина Екатерина Панченко Екатерина Эбель
PR-директор Олеся Позднякова	
Менеджеры проектов Ирина Бобла Кристина Богданова Ирена Вуори Вадим Карась Ольга Ларюшина Егор Николаев	
PR-менеджер Алина Слюсарева	
Бухгалтерия Татьяна Леонтьева Наталья Лысаченко	
Организатор биеннале Музейный центр «Площадь Мира»	При поддержке Министерства культуры Красноярского края

BIENNALE TEAM

Director of the Biennale Olga Temnikova	Personnel and Legal Department Larisa Drugova Svetlana Popova
Commissioner of the Biennale Sergey Kovalevsky	Designers Zlata Svetlichnaya Ivan -a36e- Wsyakin
Curator of the Parallel Programme Oksana Budulak	Installation and Technical Group Denis Ilbeikin Igor Kokorin Andrey Kondratyev Ivan Mikut Alexey Namyatov Stanislav Nechaev Viktor Nikitin Sergey Nityagovsky Viktor Semenov Evgeniy Semenov Olga Starostina Nadezhda Temeryanova
Curators of Parallel Projects Anna Andreeva Anastasia Bezvershuk Nadya Kotova-Krushinskaya	Technical Support of the Projects Vladislav Abdilladzhanov Roman Bobryshov Tatyana Medvedeva
Curator of 5TH FATA MORGANA SIBERIAN LABORATORY OF YOUNG ART: Oksana Budulak Tutors Lana Morozova Vika Ros	Funds Nadezhda Kazantseva Vitaly Yudin
Curator of 1ST WILD PALMS SIBERIAN LABORATORY OF CURATORS: Oksana Budulak Tutors Anastasia Albokrinova (Samara) Arina Umanskaya (Moscow)	Archive Vera Poty litsina
Curator of the Public Programme Eldar Valeev	Transport Boris Katz Konstantin Klimentyev
Curators of the Scientific Programme Alexandra Sitnikova Vladimir Yurchenko	Administrative Group Anastasia Egorova Anzhelika Grushevskaya Irina Lyubshina Yulia Sorokina
Executive Officer Ulyana Beletskaya	Photographer Alena Rotenberg
Exhibition Coordinator Ivan Romanenko	Guides Valeria Kovalchuk Yulia Kurbakova Ilya Novodvortsev
Storage of Art Works Yulia Kochetova	Volunteers Alexander Astafiev Ekaterina Ebel Elizaveta Goncharova Alisa Koroleva Ekaterina Kostyaeva Tatyana Lunina Ekaterina Panchenko Yulia Zhidkova
PR Director Olesya Pozdnyakova	
Project Managers Irina Bobla Kristina Bogdanova Vadim Karas Olga Laryushina Egor Nikolaev Irena Vuori Alina Slyusareva, PR Manager	
Accounting Department Tatiana Leontyeva Natalia Lysachenko	
The organiser of the biennale is the Ploschad Mira Museum Centre	With the support of the Ministry of Culture of the Krasnoyarsk Krai

**КАТАЛОГ
XV КРАСНОЯРСКОЙ МУЗЕЙНОЙ БИЕННАЛЕ
«АВЕНИСЕЕСИНЕВА»:**

Редактор-составитель **Сергей Ковалевский**

Авторы текстов:

Анна Андреева
Анастасия Безвершук
Оксана Будулак
Эльдар Валеев
Сергей Ковалевский
Надежда Котова-Крушинская
Лана Морозова
Валерия Новицкая
Арина Уманская
Наталья Федянина

Перевод **Маргарита Круглова, Виктория Шолохова**
Корректura и редактura текстов **Анна Вербилова**
Дизайн, верстка и предпечатная подготовка **Иван -а36е- Ёсякин**
На форзаце использованы монотипии **Петра Белого**

Фото:

Сергей Ковалевский
Оксана Корчагина
Руслан Максимов
Алёна Ротенберг
Ольга Темникова
Иван -а36е- Ёсякин
Дмитрий Штифонов

© 2024, Музейный центр «Площадь Мира» и авторы

УДК 7(571.51)(069)
ББК 85.101.14(2Рос-4Крн)л612
К78

Отпечатано в ООО «Знак»
660028, г. Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21.
Тел. (391) 246-09-42. www.znak24.ru
Подписано в печать 01.09.2025 г.
Формат 70*100/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ 282. Тираж 150 экз. 2025 г.

**CATALOGUE OF
THE XV KRASNOYARSK MUSEUM BIENNALE
"AVENISEESINEVA"**

Editor **Sergey Kovalevsky**

Authors

Anna Andreeva
Anastasia Bezvershuk
Oksana Budulak
Natalya Fedyanina
Nadezhda Kotova-Krushinskaya
Sergey Kovalevsky
Lana Morozova
Valeria Novitskaya
Arina Umanskaya
Eldar Valeev

Translation **Margarita Kruglova, Viktoriya Sholoxova**
Copyediting **Anna Verbilova**
Design, typesetting and prepress **Ivan -a36e- Wsyakin**
The monotypes of **Peter Bely** are used on the flyleaf

Photographs

Oksana Korchagina
Sergej Kovalevskij
Ruslan Maksimov
Alena Rotenberg
Dmitrij Shtifonov
Olga Temnikova
Ivan -a36e- Wsyakin

© 2024, Ploschad Mira Museum Centre & Authors

Printed by Znak, LLC
Televizornaya Steet, 1, b. 21, Krasnoyarsk, 660028,
Tel. (391) 246-09-42. www.znak24.ru
Signed for printing on September 1, 2025.
Format 70*100/8. Offset paper. Offset printing.
Order 282. Edition 150 copies. 2025.

